

Олқиқа

Перерождение

Много ли поможет твой 90-летний опыт жизни, если ты оказалась в теле только что рожденного младенца? Удастся ли повлиять на события, происходящие вокруг тебя, когда ты не нужна ни отцу, ни матери? Как дать понять окружающим что ты хочешь им сказать, если и говорить не умеешь?

Глава 1

Меня давило, ломало, выкручивало, толкало...кажется все тело выворачивало наизнанку. Темнота, боль, ужас, и нет возможности вздохнуть, закричать, остановить это движение. Внутри-снаружи, право-лево, верх-низ — все смешалось в невообразимый клубок пространства-времени. Боль. боль. всепоглощающая, заполонившая каждую клеточку моего существа, отключившая все остальные чувства, превратившее меня в сгусток оголенных нервов.

Не могу сказать сколько это продолжалось, время выпало из моего восприятия. Но постепенно я начала ощущать последовательное перемещение, яркая болезненная точка вспыхнула как будто внутри меня, и спустя мгновения я сквозь закрытые веки ощутила впереди свет. Он нарастал, приближался, слепил...и только теперь сквозь боль пришло острое чувство безвозвратной потери.

— Смерть....???

Резким толчком меня выкинуло в море ослепительного сияющего света. Боль в очередной раз пронзила все мое существо, теперь меня распирало, раздирало изнутри, я сделала резкий вдох, и словно жгучая горящая лава хлынула в мои легкие. Я выгнулась и попыталась закричать, но из горла вдруг вырвался непонятный писк, что-то рвануло меня вверх, за ноги и подвесило вниз головой. Все мое тело судорожно сжималось и дергалось, что-то колотило по спине, что-то проехалось по мне с ног до головы, мазнуло по лицу и еще раз стукнуло по спине. В мареве света стали проявляться тусклые пятна, отдаленным фоном надвигался шум голосов...

— Пооо...здраааав...ляаааеееем...дееееевоочкаааа.....в голове сложилась услышанная фраза:

— Поздравляем, у вас замечательная девочка! Дочка, красавица! Гляньте, как смотрит! Будто и вправду видит!

И тут пришла пронзительная мысль: «Я не умерла!!!! Я РОДИЛАСЬ!!!!!»

Так вот почему вокруг такие огромные фигуры, и я вниз головой, и это нечто вроде писка из горла, и шлепки и болтания меня любимой...

И да, я вижу, я все вижу!

Но как же так? Я — женщина в возрасте, точнее, бабушка, а еще точнее — древняя старушка! Мне 92 года!! И нет, это не сон! На своем почти веку, я просмотрела тысячи реалисти-снов, и я прекрасно помню множество ощущений из них. Они такие разные, реалистичные до малейших штрихов и расплывчатые настолько, что невозможно определить ни место, ни пространство, последовательные во времени и действии и абсолютно бессистемные, яркие красочные и монохромные, шумные, мелькающие как калейдоскоп, и статичные безмолвные...но во всех присутствует одна неизменная черта — я там есть, но я ВСЕГДА отстранена от непосредственно себя. Я себя наблюдаю, я могу вообще присутствовать только в виде сознания, я ощущаю эмоциональные чувства, но никогда во сне я не переносила физические ощущения, тактильные, болевые и прочие. И я всегда знала, что я нахожусь во сне. И я уверена- ЭТО не сон! Я — 92-х летний новорожденный! Вернее новорожденная!

Ой! Это надо же! Сколько всего сразу! Значит перерождение существует! Только вот не должна я ничего помнить о себе, нестыковочка получается. А еще одно несомненно

прискорбное событие следует из первого — я умерла. То есть, я, Миленина Татьяна Васильевна, 92-х лет от роду, умерла. И... я не помню этого печального факта.

А вот рождение... Мда... Это еще надо посмотреть, кому тяжелее. — рожать в муках, или родиться в тех же самых!

Пока я предавалась размышлениям меня крутили, вытирали, мыли, смазывали, заворачивали... В общем делали все, чтобы у меня, несмотря на преклонный возраст, появилось непреодолимое желание попинать всех окружающих, включая мою прекрасную мамочку, которая не успев родить меня сразу заявила, что ребенок ей не нужен, и что она не собирается забирать меня отсюда, пусть де мол делают со мной, что хотят.

Это что еще такое! Это как так «что хотят»! Совсем свихнулась ненормальная! Мало ли кто и что захочет со мной сделать!

Попала я, однако!

Гм... Преклонный возраст... надо же, ни рукой, ни головой, а ощущаю себя старушкой.

Опыт, как говорится, не пропьешь! Но в данном случае, даже не знаю куда его приложить. Не знаю, как другие новорожденные, а я и вижу, и слышу, и соображаю не хуже этих девочек-сестричек. Эх, почему мои ручки-ножки такие подергушки никчemuшны! Хорошо хоть запеленали, а то смотреть страшно! Нет бы сразу карандашик умели держать, хоть бы дневник начала как-нибудь царапать о том, что ощущает младенец от и до. Ха-ха! Или айпадик бы мне сюда! А теперь вот надо как-то попытаться в памяти все это сохранять, разложить по полочкам. Как ни крути, а исследовательское прошлое крепко въелось в сознание! Такой шанс! Прочувствовать и зафиксировать все, что мы додумываем, наблюдая за малышами. Это не совсем моя область, а точнее, совсем даже не моя, но есть такое слово — любознательность, и это основа любой науки, а черепки это древние, росписи в пещерах или микробы в банке, не суть важно, было бы что-то интересное и новенькое!

А кстати! Когда кормить-то меня собираются! Это там пока с моей мамулечкой дурочкой разбираются, которая отказывается меня кормить...а оно мне даром не надо, еще не хватало — грудь сосать! Лучше бы молочка из бутылочки принесли! А то все уже начмокались и спят-посапывают, а я орать готова, есть хочется. Да умом то понимаю, что бесполезно это, глотку надрывать. Себе дороже! Здесь люди привычные к ору, закаленные, им по барабану, сколько младенцев спит, сколько орет. Придется на голодный желудок засыпать. И только-только прикемарила, как резко взлетела и поплыла... Ох еж ты! Это меня на руки взяли и понесли.

Ммм... А пахнет-то как вкусно!!! Вот они животные инстинкты! Я хоть и не отказывалась никогда от молочка в своей прошлой жизни, но вот так, сосать грудь! Бррррр! Не хочу! И нечего меня тыкать мордой! Задохнусь же! Это надо же, такую пытку устроить, голодного младенца в еду носом тыкать, но не объяснишь же, что не могу я, бабушка-старушка титьку сосать! Дайте мне соску!!!! Нет, не понимают!!!

А вот мамочка кажется, не огорчена нисколько.

— Говорила же я, что кормить не хочу! Зря вы меня уговаривали, эта дрянь не берет грудь! Уберите ее от меня, видеть не хочу! Уродина!

— Наташенька, девочка моя, ты сейчас отдохни, успокойся, все образуется, все будет хорошо, и девочка у тебя красивая, вся в тебя, — причитала и квохтала у кровати в меру полноватая женщина лет сорока пяти, с приятным круглым лицом и располагающим взглядом.

— Что-о-о!!!! Ты хочешь сказать, что я такой же уродкой была!!!!

— Наташенька, ну что ты такое говоришь, какая же она уродка, такая симпатичная малышка, подожди пару месяцев, сама радоваться будешь!

— И не подумаю!

Дааа... Мамулечка, чтоб я тебя так полюбила!

А палатка-то так ничего себе! Одноместная, просторная, телевизор плазменный на стене, ковер на полу, стол у окна, кресло, рядом со входом дверь, видимо в туалет, на тумбочке у кровати планшет, телефончик... Это не то, что я в свои 92 еще статейки пописывала, да подработкой не гнушалась, чтобы иметь к пенсии добавочку на «леденцы». Правда через подставных лиц приходилось заказики оформлять, кто же в здравом уме с 92-х летней бабушкой договор заключать будет! Ну да ладно, это в прошлом. А сейчас-то, похоже, не бедствуем, и это хоть не очень существенная, но приятность.

— Наталья Владимировна, так мы понесем малышку, накормим пока смесью?

— Да делайте вы что хотите, только уберите ее отсюда!

Меня снова подняли, и понесли... надеюсь кормить. А еще пить хочется...

Надо же, какое все огромное вокруг! И ведь знаю, что обычный коридор, обычная палата, обычная ширина и высота, а такими просторными кажутся! Я плыву, плыву... Кажется меня укачивает.

Ну вот и приплыли, опять в кроватку, если можно так назвать кусочек жесткой лежанки, отделенной от остальных младенцев невысокой перегородочкой, на торцевой стороне которой висит табличка. Не успела посмотреть, что там написано, но видимо, мои данные — чья, рост, вес... Как положено. Ох как же давно я сама рожала! Уж почти ничего и не помню. Но что-то мало что изменилось, те же места для малышек, та же пеленки, разве что материал другой, перегородочки не деревянные, а пластиковые, пеленки синтетические одноразовые, бутылочки красивые... О. это кажется, моя еда приплыла! Точно! Мне подносят! А соски какие стали замечательные! Так удобно! И в рот не втягивается, не то что ранешные, так и держи, чтобы малыш не затянул больше положенного, да не поперхнулся!

Ну наконец-то, наелась до того, что глаза закрываются! Все... Спать! Ну пришлось еще процедуры гигиенические претерпеть, ничего не поделаешь. А вот теперь уже точно, сплю... Я.

Вот интересно, что у этих младенцев в мозгах происходит?

Спят себе, если не едят... А мне не спится, вот книжки почитать бы не отказалась, но скучать сама с собой тоже не привыкла. О многом подумать надо. Наверное мне все же несказанно повезло, что я свое прежнее сознание сохранила. Думаю, много диссонансов будет в будущем, пока перестроюсь, но все в моих руках, вернее, в моих мозгах. Голова есть, соображать будем. Наверное, вундеркинды так и появляются, родился с прежней памятью — вот тебе и вундер! Только вот как бы мне сократить время моего амебообразного состояния! Тельце то мое дохленькое, как бы его побыстрее хотя бы до состояния ползания довести! Это замечательно, что сейчас младенцев не пеленают «столбиками» как раньше, хоть и не очень упорядоченные движения, и не очень согласовываются с головой, но все же заставляют и мышцы (хи-хи, какие там мышцы!) понемногу работать, и кровь по сосудикам двигают. Какая-никакая, а польза.

— Ух ты! Какой активный ребенок! Ну ка, кто тут у нас? Девочка?

— Да я-то девочка, а вот ты мальчик кто такой?

— Какая егоза! А имя почему не написали? Леночка, кто должен это делать?

— Так, Сан Саныч, Наташка эта, ну из ВИП, вообще от нее отказаться хочет, видите ли, жизнь она ей сломала, и имя не хочет давать...

— Значит, Сан Саныч... значит, отказаться хочет! Вот стерва малолетняя! Послал же господь мамашу! И что мы имеем... Хреново! На выбор — дом малютки, на органы, удочерение! Не радуется! Да и мамаша такая в перспективе не греет! Мда... хоть бы еще с кем-то из родственничков познакомиться. Не все же там с прибабахом! Стоп! А кто нам та тетя, что в палате была? Бабушка? Домработница? Бедная родственница? Уж очень она эту заразу ласково уговаривала. Или за зарплату боится, или идти некуда, или любит беспросветно! Ну вот как тут быть!

За те несколько дней, что я вновь на этом свете, больше меня в палату к мамочке не приглашали. А зачем? Видеть меня не хотят, грудь я не беру, да не очень и уговаривали. И от меня, увы, здесь абсолютно ничего не зависит. Ну разве что хорошая характеристика от персонала — не кричу (а чего бестолку орать), и о! чудо! Пеленки не пачкаю! Переговаривались тут, что еще не встречали такого! Но Сан Саныч (мне смешно, Сан Санычу этому отсилы 25–27 стукнуло) авторитетно заявил, что описаны такие случаи в литературе, и строго наказал сестричкам, чтобы после еды меня непременно держали над лоточком несколько минут для естественных надобностей. Вот-вот! Наверняка такие же перерожденцы! Здесь главное дотерпеть, не очень-то еще просто это сделать с таким тельцем, кусочком непонятно чего, практически не реагирующим на твои приказы. Но голова — это наше все! Я сказала «нет» мокрым пеленкам! Вот и первая задача! Интересно! Но справилась же! Вот уже несколько дней сухенькая и чистенькая.

И все же это мне ровным счетом ничего не дает. Чтобы захотеть взять меня такую чистюлю и тихоню, надо меня хотя бы узреть. Но родственнички, где вы, ау!

Так-так... а вот это уже интересно! Группа интернов! Молоденькие и хорошенькие детки! Раз, два, три, четыре... Боже, шесть человек! С ума сойти!

— Сан Саныч! А она за нами глазами следит!

— Не выдумывай, Светлана! Этого не может быть!

— Ну Сан Саныч! Ну посмотрите же! Правда-правда следит! Вот она на меня смотрит вот на вас!

— Светлана, это просто совпадение, хаотичное движение глазных яблок!

— Сан Саныч! Ну давайте, посмотрим! Ну недолго!

— Ну хорошо-хорошо, сейчас подойду.

Ну и что тут у нас? А, это мисс неназванная! Как мы тут? Сухонькие? Чистенькие? Ты ж моя умница! Ты ж моя хорошая! Ну, Светлана, показывай, куда она смотрит?

— А... Как?

— Не знаю, ты же хотела показать.

— А если так — вы встанете перед ней, ага, вот сюда... Видите, она на вас смотрит? Дальше я пойду на другую сторону, а вы следите, куда она смотреть будет... Вот-вот, видите?! Она за мной следит глазами! Вот я иду... Вот я с этой стороны... смотрит на меня!!!! Сашка!!! — закричала Света.

— Да не ори ты! Сумасшедшая девчонка! Детей перепугаешь!

Ага, перепугаешь их, как же! Сами кого хочешь переорут!

— Сашка, иди сюда! Встань с торца! Смотрите, смотрите! Теперь на Сашку глядит! А давайте по очереди чем-нибудь махать, привлекать внимание, попробуем? Сначала я, потом Сашка, потом Сан Саныч... начинаем!

Светлана за отсутствием чего-либо в руках схватила памперс из стопки и начала им махать. Я смотрела на нее и соображала, долго ли она продержится. Недолго, с минутку.

— Сашка, твоя очередь.

Сашка просто начал выписывать круги пустыми руками, я добросовестно смотрела на него. Затем подключился Сан Саныч. Этот взял процедурный журнал и стал им водить вправо-влево на размах руки, а я старалась следовать взглядом за журналом, преодолевая неконтролируемые движения.

— Ну надо же! Похоже так и есть! Но этого не может быть!

Понемногу возле моего места собралась вся группа, подтянулись медсестры и еще кто-то из персонала, мне пока не встречавшийся в нашей палате. Каждый хотел проверить, как я буду следить именно за его движением, каждый говорил, что это невероятно, что этого не может быть, то тем не менее это есть.

Ну, здравствуй, первая слава! Рановатенько что-то меня в вундеркинды определять начали!! Ох надоело изображать обезьянку! И я закрыла глаза. Все! С меня на сегодня хватит!

— Сан Саныч! А она нас послала! Ей надоело! Правда-правда! Я чувствую!

— Ох, Светик! Выдумщица и фантезерка!

— Ага! А что, убедились! Следит глазами! Я права была?

— Да уж! Это точно! Надо понаблюдать за малышкой.

Это на первый взгляд незначительное происшествие на самом деле явилось тем поворотным событием, которое определило мою дальнейшую судьбу. Остаток дня и завтра в отделении все обсуждали неожиданное открытие, каждый сотрудник отделения считал своим долгом подойти ко мне и проверить, так ли это, начали забегать и из соседних отделений, даже мамы под видом «навестить ребенка» пытались подойти к моей кровати. И хотя это строго запрещено, некоторые все же прорывались и после череды маханий руками удалялись с таким выражением, что вероятнее всего, в ближайшее время их малышей ждут усиленные махания всем чем попало перед их сморщенными личиками. Как

бы там ни было, а вести о необычном ребенке дошли и до моей Наташеньки, потому что на пятый день меня вдруг опять понесли в знакомую палату. Захотелось ей посмотреть на обезьянку.

А я волновалась, сердечко трепещет, понимаю, что от этой встречи зависит многое. В палате на этот раз кроме Наташи был Сан Саныч, он что-то записывал в журнал, сидя за столом. Уже знакомая мне женщина сидела на стуле возле кровати, а в кресле расположился привлекательный темноволосый молодой человек. Что ж, вероятно, я имею честь лицезреть своего отца. Ситуация намного лучше, чем встреча тет-а-тет с мамашей. Что-то типа собрания для решения моей судьбы. Ну хоть что-то, все ж не просто заброшенная кукла.

— А вот и наша красавица! — вставая из-за стола улыбнулся Сан Саныч. А я успела увидеть, как скривилось лицо Наташи, а Сан-Саныч продолжил:

— Алексей Николаевич, прежде чем вы определитесь с решением, прошу вас выслушать меня. Хочу сразу сказать, что ваша девочка, не побоюсь этого слова, в некотором роде уникальна. Не могу и не хочу прогнозировать, что ждет ее в будущем, как она будет развиваться, но уже на сегодняшний день несмотря на очень короткий промежуток времени можно отметить ряд отличительных особенностей в ее развитии, которые позволяют предположить наличие определенных черт характера и исключительных способностей.

Он коротко и без преувеличений изложил все отличительные моменты, зафиксированные за эти несколько дней. А их к моему удивлению набралось немало, отмечены были даже такие подробности, о которых я не подозревала. К примеру, когда мне нужно было подумать, я закрывала глаза, но если в комнату кто-то входил, то я, естественно, открывала их и наблюдала за вошедшим. Оказалось, что после эксперимента, устроенного Светланой, Сан Саныч не поленился и просмотрел все записи за предыдущие дни, затем в последующие два дня также анализировал видеозаписи нашей палаты.

А что, я согласна, одно дело, посмотреть малютку в колыбельке и отойти, а потом гадать, то ли было, то ли показалось, а другое — проанализировать записи с первого дня.

Он даже заметил (ну надо же какой внимательный!), что мои хаотичные дерганья ручками-ножками за неполную неделю начали приобретать осмысленность и упорядоченность. А что! Я старалась изо всех сил и уже на самом деле добилась кое-каких успехов. По крайней мере, могу ручками как вместе, так и по отдельности подвигать, побыстрее-помедленнее. Также и ножками. Что-то типа зарядки для новорожденных. Задача тривиальная-достучаться мозгами до своих конечностей. И ведь стало получаться! Но я никак не могла предположить, что найдется какой-нибудь умный Сан Саныч, который обратит на это внимание. Да и не обратил бы, честно говоря, если бы не Светик! Золотко мое, я тебя уже люблю!

И под конец Сан Саныч совершенно неожиданно выдал.

— Я не берусь судить вас за ваше решение, хотя искренне считаю, что ребенка, тем более такого, невозможно бросить как котенка. Не знаю, каковы у вас причины, но если вы не уверены, что малышка будет желанной и любимой, то лучше оставьте ее здесь.

Это что он такое сейчас сказал?! Я не хочу в дом малютки! Я не хочу на опыты! Я хочу в свою семью!!!

А Сан Саныч продолжил: Я заберу ее к себе, у нас сынишка трех лет, будут вместе расти!

О! Теперь хочу, чтобы меня бросили! Папочка, мамочка, оставьте меня здесь!

Следя за речью Сан Саныча я совершенно забыла и о Наташе, то есть о мамочке, и об

отце. А тот пристально смотрел на меня, что уж он там сумел рассмотреть, не знаю. Для меня всю жизнь было непонятно, как в маленькой сморщенной физиономии младенца, выносимого из роддома, можно рассмотреть черты отца или матери! Но Алексей Николаевич резко поднял голову и глядя на Наташу ровно произнес, именно произнес...

— Мы забираем девочку послезавтра. Я заеду за вами в одиннадцать.

— Но Алексей!

— Не обсуждается, — с нажимом сказал Алексей. Он плавно поднялся, глядя в глаза Сан Санычу протянул руку, и крепко пожав ее, вышел из палаты.

Наталья в растерянности зло смотрела на меня и, кажется, ненавидела. Теперь я смогла рассмотреть родившую меня женщину, потому что в первый день мне было как-то не до нее, да и тыканье мною в ее грудь не располагало к созерцанию.

Ну что сказать, молода, очень молода, и очень красива! Просто невероятно красива! Поза полулежачи не позволила рассмотреть фигуру, но, полагаю, что и там все в порядке. Даже завидно стало! Не была я, ох, далеко не была красавицей в своей жизни. Может хоть сейчас повезет! Вон мама как картинка, да и отец ничего так себе, должно же дите более-менее на них похоже быть. Хотя, генетика порой такие финты откальывает, что концов не найдешь!

— Доктор, а почему она все время молчит? Может она немая?

— Поверьте, вам несказанно повезло, что ребенок тихий. И она не немая, и не глухая, и не, не, не... У нее все в порядке, — улыбнулся Сан Саныч.

— Да откуда вы знаете, если она молчит! Она ведь совсем не плачет, мне сестры говорили! Децибелы набирали обороты. Тетушка (так никто и не обратился к ней по имени) пыталась уговаривать и успокаивать Наталью, Сан Саныч, пытаясь произнести что-нибудь утешительно-успокоительное, собирал бумаги, медсестра поднялась с намерением унести меня в свою палату, и тут до меня дошло, что и вправду, я ни разу не плакала, не вякала... Надо показать людям, что я на самом-то деле способна издавать звуки. А способна ли? Что-то я сама засомневалась. Надо что-то делать! Я открыла рот, но не подумала изобразить плач малютки, а запищала на одной ноте — а-а-а-а-а....

Все замолчали и ошалело посмотрели на меня. Я тоже замолкла. Есть голос, не немая, дальше нечего публику развлекать

— Мне показалось, или малышка показала нам свой голос? Я не удивлюсь если она нас поняла, — ошалело произнес Сан Саныч. — Все золотце, неси ее в детскую палату, я занесу бумаги и домой... а то так и рехнуться недолго негромко пробурчал он, выходя из палаты.

Итак, что мы имеем. Вопрос о моем статусе (семья или дом малютки) решился положительно. Послезавтра я перемещаюсь домой. Интересно, какой он, кто будет за мной ухаживать, ведь не мамаша, это точно. Такой только под руку подвернись, прищепнет, глазом не моргнув. и не потому, что злая, а просто не нужна ей дочка и все тут. Ну, поживем-увидим.

Со здоровьем, насколько я поняла из обходов, у нас с Наташей (ну не поворачивается язык назвать ее мамой, а мамашей уже и неловко, в семью все же иду, непорядочно так как-то получается) все в порядке, анализы хорошие, можно было и сегодня выписывать, да вот VIP-палата простаивать будет два дня, поэтому и задержали выписку. А что, все правильно, у клиентки деньги есть, а здесь персоналу с ВИПов тоже копеечка капает. Да и Сан Саныч не прочь за малышкой еще пару дней понаблюдать. Может и еще что-то интересное заметит. Ох, чувствую исследовательскую жилку, вот точно пару месяцев будет активно просматривать все записи из детской палаты, разглядывать глазки, ушки, считать кто

сколько раз поплакал, пописал, как поспал и на кого и почему смотрел, если смотрел, конечно. Потом интерес поутихнет, если судьба нас не столкнет как-нибудь лбами, то впоследствии будет наш доктор вспоминать этот эпизод на предмет — «а был ли мальчик?»

Но вот дальше причин для энтузиазма немного, прямо скажем практически и нет совсем. Здесь все же профессионалы в уходе за детьми, а что меня ждет дома еще неизвестно. Наталья будет самоотверженно самоустраняться, что, впрочем только к лучшему. И хорошо бы та, что заменит мне маму, услышала сама здесь о некоторых моих особенностях, и позволила бы и дальше пребывать в чистоте и сухости, не пытаюсь упаковать меня в памперсы. А то знаю я этих современных мамаш! Напялят на ребенка это супер-эффективное, а также супер-безобразное одеяние и пускают ребенка иногда в одних памперсах прогуливаться! Это же все равно, что девушке в прокладке без трусиков дефилировать! Нет у нынешней молодежи чувства внутреннего достоинства, все неприглядности стараются на общее обозрение выставить.

Глава 3

На следующий день все шло обычным порядком — ранний завтрак, гигиена, процедуры, сон, обход....

А потом пришел Сан Саныч. Один. Без сестрички. Сел на стул возле кровати и, уставившись на меня, произнес в раздумьи:

— ну, здравствуй..

Я попробовала кивнуть, глядя ему в глаза, но сама не поняла, что получилось, по крайней мере то дерганье головой, что я смогла изобразить, мало походило на кивок. Тогда я попробовала помахать ручкой, выдав очередное малоконтролируемое движение, и кажется опять не достигла цели. Скривившись, я отвернулась, хотелось заплакать, но тут Сан Саныч опять заговорил:

— или я схожу с ума, или...

— жаль, что тебя передумали оставлять здесь....

— малышка, если ты меня понимаешь, поверни головку ко мне, посмотри на меня...

Я и повернула, и посмотрела! Ох, лучше бы не делала этого! Глаза у Сан Саныча стали огромные, круглые! Челюсть отвисла, рот приоткрылся, и сам он весь подался ко мне!

Я даже испугалась, зажмурилась, сморщилась, дыхание затаила, ну, думаю, сейчас что-то будет! Но раздался сдавленный вздох и слабое движение воздуха подсказало, что он все же отклонился от кровати. Уф! Вдохнула, убрала гримасу с лица и открыла глаза.

Думала, ушел, но нет, сидит смотрит пристально. И лицо такое странное, непонятно, о чем думает. А мне что, я не инопланетянин, контакт с ним устанавливать, отвернулась, закрыла глаза и сделала вид, что засыпаю. Пусть себе думает о чем хочет, может и надумает что интересное, как-никак, исследователь, ему положено!

Спустя пару минут Сан Саныч как-то тяжело поднялся и медленно пошагал к двери. Надо же в такой ступор впасть! Но я уверена, что уже минут через пять-десять он помчится в аппаратную просматривать пленку, сама бы также побежала. А как еще убедиться, что с головой все в порядке, и не показалось, и не глючит, и много других «не».

Ну да на сегодняшний день это пусть его проблемами останется, а у меня хоть и узконаправленные, но не менее актуальные вопросы выживания стоят. Поесть-попить, противоположные процедуры провести, да какой-никакой зарядкой позаниматься. Кстати, делать все это, как вы понимаете, пришлось немного в другом порядке, но это уж как получается.

Ох и крепкая нервная система у здешнего персонала, такой ор стоит, а им хоть бы что! Бегают, улыбаются, завидно даже. Мне бы такую! Хотя, на удивление, относительно спокойно переношу этот рев, видно мои новорожденные нервишки тоже пока в порядке.

Ну и наконец я снова практически одна. Всех горлопанчиков по мамашкам развезли... Тишина!! Блаженство!!!

Очень хочется есть, прямо жрать хочется! И все же пусть немного задержатся мои миленькие кормилицы с заветной бутылочкой! Покайфовать в одиночестве хоть чуть-чуть! И почему бы меня в Наташкину ВИП-палату не перевести! Но уже завтра увезут меня отсюда, пожалуй, належусь в одиночестве. Опять мысли набекрень, страшит меня завтрашний переезд. Как-то оно будет!

О! Вот и долгожданный обед! Надо же! Целых три кормилицы, вернее, две кормилицы и

один кормилец! Куда же без Сан Саныча! Опять сел рядом, руками оперся на спинку в ногах и смотрит внимательно. Светочка мне бутылочку подает, а Сашка ассистирует, салфетку пытается пристроить, да так рьяно, что той салфеткой мне рот закрыл как раз пред соской. Глянула я на него, нахмурилась, да и отдернула салфетку, потом соску схватила и в рот толкнула. Ох, хорошо то как! Невероятно, насколько младенцы зависят от еды — не поешь, желудок сжимает в комок, наешься — тоже не сахар, кишечник бурлит, крутит. Это сколько же времени нужно, чтобы адаптировать желудочек и всю пищеварительную систему к новому питанию! Одно дело получать живительную силу через кровь матери и сразу по месту назначения отправлять, и совсем другое все это сначала проглотить-переработать, вычленив необходимое, да еще избавиться от лишнего! И все без какой-либо подготовки, без инструктажа, запустился движок, и вперед, на голых инстинктах!

Ау-у! Боженька?! За что же ты так с нами, младенцами, невинными и безгрешными? Если б знать через что пройти придется, ни одна душа не пожелала бы возродиться! Летали бы себе на воле!

Светик мой не выдержал, верещит на грани ультразвука: Сан Саныч! Сан Саныч!! Вы это видели??!!! Она сама, сама!!!

Право слово, как ребенок. Впрочем, в сравнении со мной, конечно, сущее дитя мой Светик.

Тем временем бутылочку-то я высосала всю, подчистую, ручки расслабила, не нужна мне пустая тара. Ну вот! Красота! Разомлела, глазки полуприкрыты, перевела взгляд на Сан Саныча, и...Ооооо!!! Опять что-то? Он в спинку кровати вцепился, лицо напряженное, взглядом на молекулы готов разделить. Ну что? Что? Ну проголодалась я сильно! А теперь дайте отдохнуть! Я снова прикрыла глаза, отвернула голову в сторону. Ну вот могла бы, честное слово, и сама бы повернулась... Или? Ага! Потянулась, выгнулась, оттолкнулась затылком и пяточками...вуа-ля! Я на бочок перекатилась, полежу так часок, а вы все пока отсыхайте! Я спааааатеньки....

Вторую половину дня, как я понимаю, меня готовили к завтрашней выписке — замеряли, обмеряли, взвешивали.... Сестрички очень бурно обсуждали между собой, что я и так малипусечка родилась, а тут еще и вес сбросила на 100 г. А на мой взгляд так вполне себе прилично. Ну и что, что родилась 3100! Это вам не 2100! Вполне приемлемый вес для девочки! А что похудела — так все новорожденные слегка худеют! Если роженица из VIP-палаты, так ребенку не прикажешь поправиться. Вот домой выдадут, пусть там и откармливают, если захотят. Ну как бы там ни было, через некоторое время все набегались, утомонились, накормили, перепеленали и оставили отдыхать. Завтра... завтра на новое место. Попыталась представить себе, что это, где, как... но глаза сами собой закрылись... до завтра.

Вот и утречко. Сегодня покидаю роддом. Что-то там ждет...

Даже загадывать не хочу, никогда и не бывала в ни в каких особняках-апартаментах. А судя по тому, как персонал увивался за моими папочкой с мамочкой, там все не хило. Не в простую хрущевку жить переберусь. Поживу как белый человек. Только долго ли? И счастливо ли?

Все-все! Не думать! Что будет, от того и будем плясать. А сейчас последние часы с уже полюбившимися мне за этот короткий период людьми. Меня опять кормили уже сложившейся группой — Светлана, Сашка и Сан-Саныч (а

по мне так еще один Сашка). И сейчас уже хитрить начали. Сашка мне салфеткой

намеренно закрыл не только рот, но и глаза, а Света протянула бутылочку и смотрит, что я буду делать. Вот хитрюги! Ну а мне не трудно, салфетку сдернула, до соски дотянулась, цапнула ручонкой и дернула к себе.

Аааа! Тут даже я бы запищала, не только Светик. Соска соскочила с бутылки, Света же ее держала! Молоко, естественно, на мне.

Ну сами напросились! Купайте-переодевайте! Не отдадите же меня на выписку всю молоком залитую. А еще и покормить бы не мешало! Еще неизвестно когда и чем меня дома накормят. Надеюсь, хоть инструкцию какую моей ненормальной мамаше выдадут, а то с нее станется какими-нибудь фуа-гра меня накормить.

Итак, все в порядке. Быстренько меня раздели, искупали, одели, накормили... А милый Сан-Саныч все грустнее и грустнее. Видно и вправду прикипел душой к малышке, ну, тс есть, ко мне. И мне тоже жаль расставаться. Так и смотрим друг на друга. Жалко, не могу ему подсказать, чтобы наврал чего-нибудь, что нужно наблюдение на дому, да приезжал бы иногда. Эх, размечталась! Это ж время нужно. Хотя, если исследовательский интерес не утихнет через денек-другой, а сдается мне, зацепило его, значит еще увидимся.

Вот и подошло время отбытия. Нарядили — завернули не в синтетические одноразовые пеленки, а в тоненькие ласковые тряпочки, не знаю уж из чего, но точно не всем известные пеленочки да уголки с кружавчиками над физиономией. Но в остальном все по стандарту — цветы и шампанское сестрам, конвертики в кармашки персоналу, а я вся в розовых облаках, как и положено девочке выходить в свет из роддома.

Ну! С богом! Вперед, в новую жизнь!

Да... Чувствую, непростая у меня будет жизнь! Прямо чуть ли не расшаркиваются все перед нами! Наташка плывет королевой, даже роды почти не сказались на фигуре. А посмотреть действительно есть на что. И фигурка оказалась более чем просто отличной. Высокая, длинноногая, не скелет манекенский, и грудь на месте, и все остальное тоже. Видно, что спортзал видит не только в кино.

Да и Алексей тоже под стать. Очень спортивный, уверенный, одет с иголки (ну совсем не разбираюсь я ни в каких брендах, но сидит все на нем великолепно), но вот настолько серьезный, словно не жену (а жена ли?) с дочерью из роддома забирает, а на деловую встречу едет. Прямо ни грамм улочки радости на физиономии. Ну с Наташкой-то все понятно, даром я ей не сдалась, а ты-то родненький папулечка что так? Сам ведь решил меня домой забрать. Что ж теперь морду кирпичом делать?

Так-так! Знакомая тетя! Она и берет меня у нянечки. Все понятно, родителям не по статусу ребенка таскать, для этого другие тети-дяди есть. Мда... сложновато мне пожалуй будет....

Ага, выплыли на крылечко. Я уж тут надумала всякого, что набегут-налетят фоторепортеры, черт его знает, что за папашка мне достался! Но нет, все пока тихо, спускаемся похоже с крылечка, куда, не вижу, все розовыми кружевами вокруг закрыто, да и плыву боком, что тут увидишь. Прошли совсем немного, садимся в машину. Нет, не лимузин, марку не знаю, да и как тут определишь, если и видно-то только кусочек дверцы да переднего сиденья, голова папаши над ним торчит, но машина хорошая, по отделке видно. Я хоть и с трудом отличу ладу от рено, да и то по эмблемам, но что в дешевых машинах кожаных сидений точно не делают, это могу догадаться.

Все... поплыли! Именно поплыли! До чего плавно едем! Вот что значит хорошая машина! Никогда так замечательно не ездил, даже не представляла, что так здорово в таких

хороших машинах ездить. Вот тут и понимаешь, что это не просто престиж, а комфорт, комфорт и еще раз комфорт.

Судя по времени, что мы едем, это уже не город. А кстати, в своем ли я городе? В своей ли стране? Хотя, если язык русский... боже, а русский ли? Или просто бонус такой замечательный? Что-то голова кругом, слишком много неизвестных параметров. Ладно, будем по ходу разбираться, а то как Сан-Саныч, с круглыми глазами зависать буду. Впрочем, и так уже зависаю, и есть от чего. Ничегошеньки о себе не знаю! Ни какого роду-племени, ни где я, ни чья я, даже имени, и того еще нет.

Эк я переволновалась! Уснула еще в машине, да так и вошла в свой новый дом в спящем виде. Жаль, пропустила свое прибытие. Нет, не вид дома-сада-вестибюля меня интересовал, хотя, безусловно, это стоило внимания. А вот от встречи с домочадцами (если они тут есть) можно было почерпнуть побольше информации, пора уже начинать разбираться кто есть кто. Ну на нет и суда нет. Проспала, так проспала. Теперь надо осмотреться по мере возможности. Обзор, конечно, не круговой, но довольно хороший. Кроватка у меня просто замечательная, с спускающимися боковинками, которые закрепляются по желанию на разной высоте. Здорово то как! Ребенок растет, бортики повыше поднимаются. Ну поскольку мне еще совсем не по рангу двигаться, то и перилки опущены совсем. Так что обзор хороший, насколько смогу головой крутить. Комната большая, даже очень большая. Нет, пожалуй, надо посчитать ее примерные размеры, а то по восприятию новорожденного и коляска детская огромной покажется. Ну-с... прикинем. Кроватка «на вырост», значит лет до трех, как минимум, наверное чуть больше метра в длину. Стоит удобно, торцом к боковой стене, ближе к окну, подход хороший с двух сторон, а мне так и вовсе всю комнату видно. Итак, будем мерять попугаями. В ширину примерно четыре моих кровати, это 4–5 метров, а в длину чуть больше, судя по ширине, 5–6 м. Значит комната всего 20–30 метров квадратных. Ничего, конечно, хорошая комната, но мне по малолетству сразу показалась намного больше. Эх, разность восприятия наверное еще не раз предоставит возможность пошутить! А комната все же хороша. Светлая, солнечная, не скажу, что уютная, нет тут никакого уюта, даже диванчика, и того нет, но, слава богу, и дебильных зайчиков-жирафиков намалеванных на стенах нет. Стоят конечно непрременные атрибуты для новорожденных — пеленальный столик, люлька-автокачалка, шкафчики с бельем, короб с игрушками и т. д. Но это все как у всех, а вот что мне очень понравилось — вся противоположная стена занята всяческими приладами-прибаббахами для развития мелких. Вся пристенная зона застелена каким-то покрытием, не ковром, а гладким чем-то, на вид упругим, похоже на коврики туристические. А вот то, что на нем, я рассматриваю с особым вниманием. Ну не интересовалась я последние лет 50–60 детскими тренажерами, поэтому смотрю сейчас и даже определить не могу для чего некоторые предметы предназначены. Ну мини-шведка, тут понятно. Комплекс с кольцами и сеткой для лазания тоже ясно. А вот этот огромный шар, который вдвое больше меня, для чего? Или вот тот короб здоровый заполненный мячиками-шариками? Зачем их столько? А вот тот круг для чего? Мда... отстала бабуся от жизни. Вот что значит внуков-правнуков не нянчить!

В общем, это все, еще в правой стене дверь, слева большое, почти во всю стену окно без штор, жалюзи ролетные. Правильно, конечно, нечего пыль собирать в комнате новорожденных. О! Дверь рядом с окном! Балкон — это просто замечательно! Великолепно! Жаль, двери в сан/узел не наблюдается. Это значит, и купать будут в ванночке пока в комнате, а потом носить мое тельце туда-сюда до ближайшей ванной комнаты, да и туалет в

последующем, надеюсь в недалеком будущем, понадобится. Ну да поживем-увидим.

Осмотр закончила, чем дальше заниматься? Выбор-то невелик, только думать, да ножками-ручками двигать. Надо же! Сколько я уже здесь? Хорошо, что чувство времени у меня сохранилось. Всегда почти до минуты могла сказать, сколько прошло и который час. А проснулась около получаса назад, да спала еще. Пора бы и вспомнить обо мне, кушать опять хочется, издержки мелкого организма, есть, спать и.....

Упс! А это что за крики?

— Я что, сама за ней ухаживать буду?

Ответа не расслышала, голос мужской, но тихий.

— Нет! Близко не подойду! Ты сам привез, сам и разбирайся! Не собиралась я ее забирать, а теперь нянчиться с ней должна? Нет, нет и нет!

Опять тихий, но довольно резкий голос, и, увы, опять ни слова не разобрала.

— Да называй как хочешь! Мне фиолетово!

Мария! Как же, Мария! Машка, она и есть Машка!

И снова партия мужчины, и снова ни слова не разобрать.

А мне уже и не до их споров, потому что ко мне пришла тетя, что навещала Наталью в роддоме и домой меня везла-несла. А сейчас она пришла с вожделенной бутылочкой. Кормилица ты моя! Давай моя родная, а то желудок в узел скрутился уже.

— Ах ты моя хорошая! Ах ты моя умничка! Проснулась уже! И не плачем мы вовсе, и не зовем! И сухенькие мы! Золотко ты мое!

Боже ж ты мой! И долго еще эти пуси-муси будут продолжаться!

Давай же скорее бутылочку! Да уж и помолчи немного. Когда я ем, я глух и нем. Вот и не надо меня развлекать во время еды.

За прошедший день я так никого, кроме тетушки и не видела. И до сих пор не знаю, как ее зовут. Ко мне никто больше не заходил, гулять меня не выносили, а купала меня она же, в ванночке, которую принесла в комнату. В целом конечно день прошел неплохо. Тихо, спокойно. Но привычный к аналитической работе мозг не желает бездействовать. А в детской комнате, где ни телевизора, ни компьютера, ни телефона, и ни одной живой души, кроме меня.... Уже до последнего шурупчика рассмотрела мои будущие тренажеры, на несколько раз пересчитала все пеленки-распашонки, выложенные на столиках и на полочках за прозрачными дверцами, научилась переворачиваться на животик и обратно. Обидно! Такая маленькая, такая беспомощная, и совсем никому не нужна.

А за окном поздняя весна или раннее лето! Цветущий сад. Похоже, я на втором этаже, потому что вижу верхушки деревьев, ветки сирени, дальше белоснежная яблоня. Земли совсем не видно, хотя подоконники невысокие. Время к вечеру, солнышко еще вскользь заглядывает в окно. Это хорошо. Значит, почти на юг комната. Лучше бы юго-восток, люблю солнышко утреннее в комнате, но и так неплохо. Судя по саду я в средней полосе, буду надеяться, что в своем родном городе. Хотя что мне с того. В таком нежном, я бы сказала, возрасте, не так важно где начинать жизнь. И незачем цепляться за прежние ценности. Мне просто очень повезло, что выпало так легко уйти из жизни. И проблем родным не доставила, и сама не мучалась перед концом. Да и горевать уж не будут, пожила достаточно. Достойно ли, нет ли, не мне судить, но по годам вполне достаточно.

А теперь вот еще шанс! И ведь неизвестно, все мы получаем следующее рождение, только не помним предыдущую жизнь, или же это счастье выпадает немногим. Загадочен мир! Чем больше думаешь, тем больше вопросов.

Что-то я в рассуждения пустилась, это все от безделья, однако. Долгонько же мне еще бездельничать придется с такой мамулечкой!

А вот чего я не пойму, какие такие причины могут быть, что и папа и мама дружененько решили избавиться от меня? А что решение не забирать родного ребенка, заметьте, не урода, не дебила, а просто «девку», как выразилась мамочка, появилось не спонтанно, я нисколько не сомневаюсь. И что бы это значило? Алексей произвел впечатление вполне адекватного человека, да и Наталья, по большому счету, не выглядит идиоткой. Что-то тут явно непросто.

Следующий день принес неожиданную радость — появилась няня. Вот прямо с раннего утра и появилась.

Просто в комнату вошла красивая черноволосая женщина лет 28-ми, или...пожалуй чуть меньше, с короткой стрижкой и строгим взглядом. Эта уж точно сюсюкать не будет. Внимательно осмотрела столики и шкафы, прошлась по тренажерам, и мне показалось, едва сдержала улыбку. Одобрительно посмотрела на окно, думаю, ей тоже в первую очередь понравилось наличие балкона. И только потом перевела взгляд на кроватку. Спокойный внимательный взгляд уверенного человека. Кажется, она мне нравится. Я уже почти уверена, что это моя няня! А вот и тетушка!

— Ольга Васильевна, извините, задержалась! Я вижу, вы уже познакомились.

— Нет еще, только приступаем, — усмехнулась няня, подходя к кроватке, — здравствуй, Мария! Я твоя няня. Не будешь возражать, если я буду называть тебя Машей?

Естественно, я отрицательно крутнула головой.

— А я, как ты слышала, Ольга Васильевна.

Я кивнула, де мол все понятно, не глухая. Ольга Васильевна удивленно подняла одну бровь, но никак больше не отреагировала. Стойкая женщина!

— Татьяна Николаевна (Ура! Я наконец узнала имя тетушки!), вы можете идти, и попросите, пожалуйста, Веру подогреть питание. Я скоро спущусь.

Тетушка (а мне уже стало привычно называть ее тетушкой) ушла, а няня слегка наклонилась и спросила:

— Ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?

Я кивнула.

Большие серые глаза посмотрели на меня так, словно пытались увидеть подтверждение розыгрыша, или чьей-то недоброй шутки.

Она оглянулась и посмотрела себе за спину. Проследив за взглядом, я поняла, что над дверью находится камера. Видно ее не было, но догадаться немудрено, что ребенка не оставят на няню без соответствующего контроля. К чести сказать, няня не стала больше ничего допытываться, не искала подтверждения своим мыслям, просто вышла из комнаты. Надеюсь пошла не увольняться, а за едой.

Еда!

Ха! Такое ощущение, что моя нянюшка только и ждет, что я встану и попрошу вилку и ножик! Ну что ж, будем изучать друг друга, все интереснее, чем пялиться в потолок в одиночку.

Ну о том, что у меня теперь жесточайший режим будет, я догадалась с первых минут. Так мне же лучше. Хоть что-то!

А характер, видимо, закаленный у моей няни. Лицо волевое, взгляд требовательный, спокойный, прямо замполит в юбке! Надеюсь, хоть справедливая.

Ой! Не в юбке! Светлый брючный костюм на ней. И то верно, наверняка переделалась

после приезда, все же с такой малышкой стерильность нужна. Вот почти уверена, что она педагог — и не детсад, и не младшие детки. Что-то посерьезнее — старшие классы? Институт? А что же в нянях делает? И видно, что не замужем. Не уходят в няни к новорожденным с постоянным проживанием из благополучной семьи, а неблагополучную такая мадам терпеть не станет.

А вот и подтверждение моих слов! После еды и гигиенических процедур, балконную дверь настежь, меня уложили в легкий мягкий конвертик, вынесли на балкон. Отлично! На руках никто держать не собирается, да мне это и даром не нужно.

Балкон просторный, плетеные кресла, журнальный столик, а вот коляски-качалки-каталки не предусмотрено. Не долго думая, няня уложила меня на журнальный столик, чуть впереди кресла, немного боком к себе. Хорошо так уложила, и мне обзор не закрывает, и ей за мной наблюдать удобно. Ну обзор то у меня все равно так себе. В конвертике не очень покрутишься, да и толку чуть. Боковые стороны завернуты, а голову я может и могу поднять, но держать ее еще вряд ли. Остается только вперед смотреть. Опять же лежа на спине что мы видим? Правильно, верхушки деревьев, кусок фасада верхнего (наверняка третьего) этажа, да мансарду.

А домик интересный! Никаких портиков, колоннад или еще чего-нибудь «а ля старина». Ничего вычурного. Спокойный фасад, вполне выдержанная бежево-коричневая гамма, большие окна, отделка с нарочито скандинавскими элементами темного дерева в экстерьере и виднеющейся чуть дальше на возвышении легкой беседке. Очень хороший дом. Жилой дом, а не барская усадьба или того лучше какой-нибудь показушный стеклянный куб, где только и можно, что поахать, как интересно! Судя по видимому с моего ракурса фрагменту, все остальное тоже должно быть на высоте, похоже дом строился или под определенного хозяина, то есть Алексея, или талантливым архитектором, которому удалось не испортить проект в угоду заказчику. Но что бы ни было, а дом хорош. Вот подрасту чуток, обследую от и до.

А Ольга Васильевна-то наблюдает за мной. Ну это как раз прогнозируемо. Такая затравка подкинута! Только вот что-то долго молчит, не пытается вопросиками, не устраивает аттракционы. Хорошая няня! Кажется, мне очень повезло с ней.

Я несколько не ошиблась в своих оценках насчет няни. Несколько дней прошли в режиме часового механизма. По минутам расписаны все процедуры — сон, еда, гигиена, массаж, прогулка и опять сначала. Радует то, что нас никто не беспокоил. Да в комнате у окна появился стол, стул и мягкое кресло для няни. Догадались таки родственнички, что целый день человек не может только ходить и стоять, еще и присесть иногда не помешает.

Ольга Васильевна почти не говорила, а я тем более. Так и молчали обе, наблюдая друг за другом.

Как я и предполагала, она жила здесь же, в этом доме, в одной из соседних комнат. Это понятно стало в первый же день, когда она, испачкав смесью блузку, вышла из комнаты буквально через 2–3 минуты вошла уже в чистой. День у нас начинался в 6 часов, но мне привычно, я и раньше всегда рано просыпалась. Ольга Васильевна входила ровно в 6, уже умытая, причесанная, в свежей блузке, и начинала мой день тоже с умывания и переодевания. Затем массаж и завтрак.

Очень уж мне понравились сеансы массажа, да и польза огромная, ручки-ножки стали лучше слушаться. Я тоже старалась изо всех сил. И с гордостью могу сказать, что достигла немалых успехов. Руки и ноги уже уверенно двигаются по моему желанию в требуемом

направлении. А еще я освоила перевороты туда-обратно (спинка-живот). Очень полезное действие. Хочется уже начать передвигаться хоть по пластунски, хоть раком, хоть улиткой.

Увидев сегодня мои потуги, когда я всеми силами пыталась удержаться на краю кровати после переворота, Ольга Васильевна подхватила меня и перенесла в мой «тренажерный зал». И правильно! Сколько можно на площади менее квадратного метра кувыркаться! Хорошо хоть на пол не загремела. Ковров в детской комнате нет, и это очень правильно, нечего пыль собирать.

Покрытие в игровой спортивной зоне комнаты мягкое и не скользкое. Так что мне почти без труда удалось немного поперемещаться, правда пятись раком, потому что ручки еще слабые и при попытке двинуться вперед, отталкиваясь ножками, я неизменно пахала носом пол. Путем невероятных усилий мне удалось доползти до какой-то игрушки. Не поняла, что это и посмотрела на няню.

— Хочешь посмотреть? — спросила она.

Я уверенно кивнула. Та подошла, нажала кнопку и чуть сама не подскочила, а я и вовсе дернулась, заваливаясь на бок. Взвыла какая-то простенькая мелодия и заплясали разноцветные лампочки на крутящемся круге. Бедные дети! Я снова перекатилась на живот, протянула ручку и попыталась нажать кнопку выключения. Но не тут-то было! Раз за разом я пыталась надавить кнопку тоненькими пальчиками, но куда там! Ольга Васильевна, сжалившись, отключила варварскую игрушку и я благодарно улыбнулась ей. Да-да, я уже могу улыбаться. И о, радость. Она тоже мне улыбнулась в ответ и отнесла злополучную игрушку в дальний угол. Надеюсь, я ее больше не увижу. Игрушку, разумеется.

С Ольгой Васильевной мы быстро нашли общий язык, вернее общее безмолвие. Я вполне понимала ее без слов, хотя она пыталась мне кое-что комментировать. И видя мое полнейшее равнодушие к ее пояснениям, почти полностью свела на нет подобные попытки. Похоже, тоже не любительница поболтать. Меня же она понимала не просто с «полуслова», но даже с полувзгляда, с полудвижения маленького пальчика. Да и тем у нас сложных для понимания не могло быть.

Я не доставляла хлопот с грязными пеленками, мокрым бельем и криками по ночам, а взамен получала помощь в развитии и внимание к мелким проблемкам, типа завернувшегося на лицо от порыва ветра уголка покрывала, с которыми младенцу, завернутому в одеяло, сложно справиться. Так и проводили время. Ольга Васильевна, спасибо ей огромное, неукоснительно соблюдала режим, а я использовала каждую минутку для укрепления мышц.

Мною никто больше не интересовался, только однажды, в самом начале нашего с няней безмолвного сотрудничества, в комнату вошла Татьяна Николаевна и с громкими возгласами, — «А как тут наше солнышко! А какие мы сладенькие!», — направилась к кроватке. Но тут Ольга Васильевна, перехватив мой взгляд и нахмуренное личико, встала на пути у «сладенькой» тетушки.

— Чшшш... Татьяна Николаевна! Ну что же вы! Это же комната новорожденной, сюда нельзя заходить! До месяца я ее даже гулять на улицу по коридорам не ношу. И купаю здесь, чтобы не дай бог, микробов не подхватить.

— Олечка Васильевна! Миленькая! Ну что же это! Ребеночек в доме, а его никто не видел!

— Вот и хорошо! Это не обезьянка в цирке. Через месяц будем гулять выходить, вот тогда и можно будет пообщаться. А пока не могу, Алексей Николаевич запретил. Все-все....

Нам заниматься пора.

Потихоньку оттеснив тетушку за дверь, она с облегчением вздохнула и подмигнула мне. Я попыталась искренне улыбнуться в ответ, видимо не очень получилось, легкая улыбка мелькнула на лице няни. Ну что вышло, то вышло. Время у меня есть, прямо скажем девать некуда, научимся. Надо же! Уж и не помню, когда у меня было столько свободного времени, что девать некуда! Как жизнь повернулась!

Спустя месяц я уже не была беспомощным комочком, а вполне уверенно передвигалась по полу, то тычась носом, то заваливаясь на бочок, но тем не менее, в пределах комнаты и балкона вполне освоила все пространство. Ольга Васильевна с моего одобрения убрала все игрушки-погремушки, подвески-качалки-люльки, оставив то, что действительно требуется ребенку для развития координации и физического укрепления. Для укрепления связок тоже включили упражнения, теперь мои «гу», «гы» имели целенаправленный характер. Можно сказать, я потихоньку училась говорить. Методом улыбки, хватания, отворачивания головы во время еды я смогла объяснить, к примеру, что хочу увеличенную порцию творожка, при помощи чего надеялась на более раннее появление зубов.

В общении тоже все сложилось довольно просто. Перед любым действием она задавала короткий вопрос: «Будем купаться?», и получив утвердительный кивок продолжала действовать. Моментажно уловив ритм и возможности моего организма, она почти никогда не ошибалась. Лишь изредка я «просила» ее, к примеру, продлить прогулку на балконе, или повернуть меня для дополнительного обзора и проч. Меня все устраивало, ее, надеюсь, тоже.

Как-то, во время прогулки на балконе, она тихо спросила:

«Маша, ты ведь все понимаешь?»

Я кивнула ответ.

— Невероятно... Необъяснимо... Непостижимо... Невозможно... Но...есть.. Прошептала Ольга Васильевна и зависла на несколько минут, глядя в одну точку где-то за окном. Потом спросила:

— И ты не хочешь, чтобы кто-нибудь знал об этом?

Я еще раз кивнула.

— Я тебя понимаю, — тихо произнесла она, — я все сделаю, чтобы тебя не донимали.

Лето уверенно набирало обороты, погода стояла теплая, поэтому мы старались побольше времени проводить на балконе. В основном, я и спала здесь днем. Для этого Ольга Васильевна приспособила сиденье от люльки-качалки, где я находилась в полулежачем положении. Очень удобно, кстати, и поспать, и посидеть, глядя в сад и наблюдая за редкими перемещениями домочадцев и прислуги.

Еще одним ненавязчивым знаком внимательного ко мне отношения няни стало появление в комнате настенных электронных часов. Прямохонько напротив моей кровати. Сказать, что я была растрогана этим, мало. Я настолько была потрясена, что впервые за время моего недолгого существования здесь из моих глаз покатались слезы.

— Ну что ты, Машенька, все будет хорошо, вот скоро на улицу ходить гулять будем, я сегодня коляску закажу, завтра в сад пойдем, — приговаривала Ольга, легонько поглаживая меня по грудке и тоже украдкой вытирая слезы.

Удивительно, но в этом месте и в этом времени, несмотря на сложные и порой совершенно необъяснимые события, мы, кажется нашли друг друга, и ничуть не тяготились столь странно сложившимися обстоятельствами.

Я все чаще стала задумываться, что же привело сюда в няни столь неординарного

человека?

Молодая, красивая, выдержанная и очень неглупая женщина. Какая же ситуация могла заставить ее бросить дом, работу (а что она была, я уверена на все сто) родных и друзей, и полностью окунуться в проблемы и заботы чужой семьи и чужого ребенка?

Благодаря продолжительным «прогулкам» на балконе я уже знала, что кроме непосредственно Натальи и тетушки в доме появляются всего несколько человек, конечно, не считая меня с няней. Заметив мой интерес, Ольга Васильевна давала краткие характеристики всем и всему, что меня интересовало.

Приходящая уборщица Елена, спокойная усталая женщина лет сорока пяти на вид, подходила в одно и то же время к десяти часам. Думаю, живет она поблизости, иначе с нашим транспортом невозможно так точно приходить. Ну не ждать же под воротами боя курантов, чтобы позвонить в дверь. А насчет авто тоже все ясно. Наши уборщицы не ездят на работу в такси. Я как раз к десяти тоже часто выплывала на прогулку, иногда уже самостоятельно ползком, потому что двери на балкон мы не закрывали даже на ночь и по «своей» территории я старалась передвигаться самостоятельно. Иногда я видела, как она возвращалась после уборки, иногда нет и, поскольку мой режим был довольно четко выверен, на уборку у нее уходило разное количество времени, от четырех до шести часов. Это говорит о том, что или дом у нас слишком просторный, или требования к уборке очень высоки, потому что при ежедневной уборке не потребуется столько времени для поддержания порядка в средней величины доме.

Далее, Вера, повар, она же домоправительница, молодая женщина, лет 30–35, обитающая в доме, и в отличие от остальных работников имеющая вполне себе жизнерадостный характер. Неугомонный живчик, она постоянно находит повод, чтобы выскочить наружу, пусть даже просто взглянуть на небо, приставив ладонь козырьком, а не собирается де мол дождик? И все со смешинками в глазах, готовыми в любую минуту прорваться веселым смехом.

Еще один работник, Василий, выполняющий все мелкие работы по саду и дому. И это все, кроме, конечно, охраны у ворот.

Немного для домовладения. При наличии определенного достатка, это говорит лишь о нелюбви хозяев или хозяина к шуму и суете. Да и крайне редкие отъезды Натальи из дома тоже некоторым образом подтверждают это. Хотя у меня нет возможности постоянно наблюдать за двором, вполне возможно, что она ездит в другое время, нежели я гуляю.

Татьяну Николаевну я видела во дворе несколько раз, похоже перед поездкой в магазины или на рынок, так как с ней непременно выезжал Василий.

Алексея Николаевича, моего папочку и хозяина усадьбы, я не видела ни разу с момента приезда из роддома.

Вот и все мелькавшее иногда в поле моего зрения общество.

На удивление, имея в распоряжении великолепный ухоженный сад, практически никто не пользовался возможностью погулять или посидеть на солнышке теплым летним днем.

Кажется, что кроме Василия, периодически возившегося с клумбами, никого не интересует раскинувшаяся вокруг красота.

Ландшафт действительно был прекрасен. Большой, насколько видно глазом, участок сохранил свой рельеф с естественными низинками, умело превращенными архитектором в оригинальные водоемы, легкими возвышениями с устроенными на них местами для отдыха и заботливо отделенными от лишних глаз невысокими бортиками тихими уголками среди

выстроенных с профессиональной точностью как бы диких зарослей.

Во всем чувствовалась рука талантливого художника, вложившего в этот сад частичку души.

И моя душа наслаждалась и отдыхала в этом саду. Ольге Васильевне по-видимому тоже нравилось такое тихое созерцание, поэтому мы часами просиживали (пролеживали-проползвали) на балконе, ничуть не стремясь в комнату. Что ж, многие наши занятия, к примеру, массаж или гимнастику можно делать и здесь, чем мы периодически и занимались.

Но как всегда, по закону подлости, чем лучше вечер, тем страньше утро. Как говорится, ничто не предвещало беды... Однако, утро началось с неожиданного и неприятного сюрприза. В положенные шесть утра дверь не открылась и не впустила ко мне ставшее уже родным лицо.

Поначалу не слишком огорчившись, я принялась за упражнения по артикуляции. Гимнастика на полный мочевой как-то не очень рекомендуется. Когда закончились мои «а-о-у» и «ма-ми-ме», часы показали половину седьмого и я уже несколько забеспокоилась. Не могла супер-пунктуальная Ольга Васильевна без причины нарушить режим. Ну не верю!

Спустя еще час я уже не просто забеспокоилась, а не на шутку встревожилась. Да и... в туалет хочется...и кушать тоже...

Уже не обращая внимания на свою репутацию идеального младенца, который не орет, не донимает, не доставляет проблем, я начала во весь голос выводить свои певческие рулады. Жаль, до «до-ре-ми» еще не доросла. Но крику и с «а-о-у» хватило. Дверь со стуком распахнулась и в комнату с ошалелыми глазами влетела тетушка. Наверное потому, что первый раз слышала мой голос.

И началось!!!

— Машунечька, солнышко!

А мы уже проснулись! А мы голодные, да? Мы молочка хотим, да?

А мы такие умнички, пеленочки сухонькие! Сейчас-сейчас! Баба Таня за молочком сходит, кушать будем!

Вот приплыли! Пеленочки сухонькие! Кушать будем! Сейчас мокренькие будут, если ты еще немного побегаешь!

Бегаёт она быстро. Спустя несколько минут, запыхавшаяся, заметно попахивающая потом, она принесла бутылочку и попробовала запихнуть мне соску в рот. Я крутила головой, крепко сжав губы.

Ну что она, совсем не умеет с младенцами обращаться! Что мне теперь делать прикажете? Я ведь долго не выдержу, и так всю ночь не прошусь. Я отвернула голову и закрыла глаза.

— Уф! Уснула! Наверное, еще слишком рано для еды, — бормотала уже не тетушка, а как выяснилось, бабушка, -

— И что теперь делать! Как мы без Ольги будем! И чего этой Наташке надо! Няня ей не угодила!

Что-о-о!!!! Куда няню дели??? Как же я без нее????

Тетушка (уже привыкла я так ее про себя называть) наконец сообразила подойти к столу, нашла там лист, и начала читать.

— Ох ты ж божечки!!! В такую рань дите поднимать!

Это она очевидно расписание наше нашла.

— Да что же это за упражнения такие! С месячным младенчиком! Это что же такое творится! Ребенок еще головку не умеет держать, а она упражнения придумала! А это что же? Ар-ти-ку-ля-ци-я. Это что за беда такая? Зачем это младенчику?

У-у-у!!! Достала бабуля! Долго еще причитать будешь! Ага, кажется что-то сообразила... наверное слова утренняя гигиена расшифровала. Точно, взяла на руки, стянула ползунки и

пристроила меня на своих руках над тазиком.

— Пс-пс-пс...

Вот не надо пс-пс-пс...!! Караул!

Но делать нечего, пришлось освободить мочевой под аккомпанемент.

Уф! Хорошо то как!

Вот теперь можно и подумать. Значит, эта стерва избавилась от няни! Ну-ну! И ведь ни разочку даже не попыталась подойти ко мне, в отличие от той же тетушки-бабушки! Вот дрянь малолетняя!

Только-только все настроилось.

Я снова отвернулась и опять сделала вид, что сплю.

Тетушка потопталась туда-сюда и пошла из комнаты.

День прошел в бесполезных попытках напоить-накормить меня, даже развлечь. Эта, прости-господи, добрая женщина, раскопала в ящике все отбракованные нами детские придамбасы типа музыкальных погремушек и вопящих кругов и начала презентацию.

В конце-концов я не выдержала, схватила погремушку и бросила ее на пол, пытаюсь прекратить этот концерт. И что вы думаете это ее остановило? Напротив, я поняла, что совершила огромную ошибку. Увидев хоть какую-то реакцию на свои потуги, тетушка схватила с пола игрушку и с удвоенной силой затарахтела у меня над головой. Она что, как собака готова палочки подносить?

Когда очередная громковопящая игрушка не принесла ожидаемого результата, тетушка попыталась сменить тему. Зашла с другой стороны кровати, подняла руки, растопырила пальцы и начала припевать «ла-ла, ла-ла» и раскачиваться из стороны в сторону.

Ну цирк на выезде!

Пришлось опять воспользоваться единственным понятным ей приемом — отвернуться и сделать вид, что заснула.

Наконец Татьяна Николаевна тихонько вышла, видно умаялась, набегавшись со мной. А мне-то тоже несладко. Голодная я, бойкот объявила вкупе с голодовкой. Хотя кому до этого дело кроме тетушки.

Вот и остается мне только лежать, спать, да упражнения делать, когда меня оставляют в одиночестве. Даже поползать не могу, с кровати шандарахнуть боюсь. Хоть и знаю, что у детей такие ушибы безболезненно проходят, но возраст мой, реальный возраст, а не теперешний, младенческий... Так вот, в силу своего почтенного возраста, я опасуюсь переломов, ушибов и проч. Поэтому взять и сигануть с кровати, чтобы поползать, меня как-то не очень тянет. Поживу пока в ограниченном пространстве.

Но, как выяснилось, день еще не закончен. Дверь распахнулась, и в комнату влетела Наталья, с семенящей следом тетушкой.

Мгновенно подлетев ко мне Наталья попыталась поднять меня, ухватив за ручки, но подоспевшая тетушка вцепилась в нее с криком: — Сдурела ненормальная! Нельзя же так, она же еще головку не держит! Сломаешь шейку!

— Я ей сейчас руки-ноги поотрываю! Не только шейку!

У, зараза, навязалась на мою голову! Вот что теперь делать? Что я Алексею скажу?

— Не надо было Ольгу выставлять! За что ты ее выгнала?

— Да за то! Эта дрянь презирает меня! Моя бы воля, на шаг не подпустила бы ее к нашему дому! Представляешь, пришла вчера права качать! Карантин закончился, ребенку свежий воздух нужен, общение, впечатления, коляску для прогулок необходимо! И все таким

тоном, словно я не хозяйка, а школьница перед ней!

— Так ты и есть для нее школьница, Наташенька. Ведь вот только годик как школу закончила.

— Ненавижу! И ее! И девку эту ненавижу!

— Побойся бога, бесстыжая! Ребенок чем виноват?!

— Ну все! Нечего тут нотации читать. Что делать будем, как ее жрать заставить? Сдохнет ведь, Алексей меня убьет!

— Я не знаю... Ой, Наташа, — вдруг спохватилась тетушка, — а давай позвоним тому мальчику? Ну, доктору в роддоме. Такой славный мальчик, и Машенька ему понравилась тогда, даже удочерить хотел.

— Вот и удочерял бы, пока Алексей не передумал! Ладно, звони, он тебе телефон давал?

Смерив меня негодующим взглядом, мамуленька прошествовала на выход. За ней, уткнувшись в телефон, перебирая контакты, вышла и тетушка.

О, господи! Неужели пронесло! Интересно, за что она меня так ненавидит? Судя по всему, боится Алексея. Шантаж? Непохоже... Скорее, женитьба по залету и с условиями... Так наоборот, радоваться должна, что ребенок родился, и отец его принял. Что еще нужно для укрепления положения в семье! Только вот радостью-то и не пахнет. Забавная ситуация, и я в ней далеко не посторонний человек.

Ближе к вечеру приехал Сан-Саньч. Со Светочкой. Куда же без нее, наверняка клещом вцепилась, когда узнала, куда Саньч едет. Так и ввалились все четверо — мои мамочка с бабулей-тетушкой и Сан-Саньч со Светочкой. Консилиум, блин, устроили!

Сан-Саньч крутил меня и вертел, охал и ахал, хвалит Наташку и тетушку за прекрасный уход и отличные показатели, расспрашивал как протекает процесс (а что они могли ответить!). Не было ли каких-нибудь происшествий и стрессов, перед тем, как перестала есть и реагировать на окружающих и прочее, прочее, прочее...

Я думаю именно это бесконечное прочее окончательно вывело Наталью из себя, поскольку она, зыркнув на меня зеленющими злыми глазами, рассказала, что я с утра ничего не ела, а поскольку вчера ушла моя няня, то никто не знает что со мной делать.

Тут тетушка вспомнила о расписании и схватив со стола листок, протянула его Сан-Саньчу.

— Вот, здесь написано, няня Машенькина писала, только непонятного всякого много.

Сан-Саньч взял расписание, по мере его осмысления глаза опять становились все круглее. Он взглянул на меня, ну прямо как доктор!

— Ну-с! И что будем делать?

Я некоторое время смотрела на него, не мигая, не шевелясь, потом вздохнула и закрыла глаза. Надеюсь, поймет.

Понял! Умничка ты моя! Сан-Саньч, дорогой мой!

А он тем временем безапелляционно заявил: «Пока не вернете няню, боюсь, результата не будет. Ребенок активно вошел в предложенный няней режим и любое отклонение от него может обернуться непредсказуемыми последствиями. Сегодня, насколько я понимаю, малышка несколько часов терпела и ждала, когда ей позволят сходить в туалет. На фоне этого мог произойти сбой в работе пищеварительной системы, следствием чего явился отказ от пищи. Кроме того, практически все время девочка находилась только с няней, от груди она отказалась сразу после рождения, поэтому эмоциональная привязка между матерью и

ребенком разрушилась и замкнулась на няню. Думаю, самым лучшим решением в данной ситуации было бы немедленно постараться вернуть няню, а если есть возможность, поселить ее в смежную спальню с доступом к малышке в ночное время, поскольку нарушение режима может привести также к нарушению ночного сна. Далее, если позволите, я мог бы пообщаться с няней и некоторое время понаблюдать за функциональным восстановлением малышки».

Вот так Саныч! Вот это загнул! Столько лапши навешал на уши моим родственницам, что мне поаплодировать захотелось. Но ничего, лежу себе тихохонько, не шевелюсь, глазки прикрыты, губки сжаты.

Надо сказать, аудитория очень впечатлилась — Наталья только глазами хлопает, Татьяна Николаевна прижала ладони ко рту, видимо заохать боится, а Светочка даже рот открыла от такой учености.

Ох, я не я буду, если не дожидаясь утра за Ольгой Васильевной нарочного отправят. Скорее бы! Мой животик уже ямкой стал, а мне так и хочется кулачок в рот запихать и почмокать! Хоть бы водички попить.

Но убежали все, опять я одинешенька, голодная, балконную дверь кто-то мимоходом закрыл, поэтому душно стало после такой толпы, не привыкла я еще к духам, да помадам.

А Сан-Саныч до чего умная бестия! Ведь сразу все заметил! И что ручки-ножки у меня крепенькие, и что головка на месте, а никак не стремится падать, и в весе я прилично набрала, да не складочками, а упругим тельцем. Даже пальцами успел потыкать. И расписание мое оценил, и по тренажерам проехался взглядом, ведь сразу видно, что не ради декорации все выставлено.

Вот и чудненько! Хочу свою Оленьку вернуть, хочу чтобы Сан-Санычу разрешили наблюдать, так сказать, за мной.

О-о-о... да что же так желудочек мой вопит! Ведь бывало до двадцати дней голодала когда-то, и ничего, вполне терпимо. А уж три дня так и вовсе без проблем. Но как ни уговариваю себя, лучше не становится. Даже уснуть не получается. Прав мой доктор Сашенька, стресс у меня великий на фоне нарушения режима питания! Не важно, что моими стараниями он и нарушен же.

Голод есть? Есть!

Стресс есть? Есть!

Люди добрые, побыстрее уж шевелитесь, выводите меня из этого стресса! А то ведь не доживу до завтра, прямо сегодня и начну орать, чтобы кушать подали, да побыстрее, да вместе с няней.

У-ра-а-а!!!!!!

Олюшка моя!!! Влетела с подносиком, с едой, дай-дай скорее!

Упс! Кажется, я сказала первое слово. Ну конечно! «Дай-дай»! Что еще можно сказать в этой ситуации!

Дали мне не молочка, а водички для начала. Но я и к ней присосалась, как жаждущий в пустыне. Шутка ли, целый день маковой росинки не было! Все верно, молодец моя няня. Боюсь, если бы в мои руки первой попала бутылка с молоком, я не остановилась бы, выдула и молоко, хотя прекрасно знаю, что нельзя. Минут через десять дошла очередь и до молочка. Ольга села на пол, положила подбородок на сложенные руки и смотрела, как я чмокаю. Честно-честно, я старалась не торопиться, но, кажется, получилось не очень. В бутылку вцепилась так своими крохотными пальчиками, что соберись кто отнять, ничего не вышло

бы — мое! Не отдам!

Ну вот! Благодать! В животике потяжелело, подобрело. Прости, дорогая нянюшка, завтра пообщаемся, засыпаю...

Утречко!

Глазки распахнулись, прямехонько передо мной часы висят, шесть!

Одновременно дверь открывается.... Няня! Как же хорошо от одного родного взгляда!

За окном летняя ранняя заря, в комнате легкий полумрак, дверь на балкон открыта, за окном птицы расппеваются. Ощущение привычности и правильности происходящего нахлынуло с такой силой, что на глаза опять навернулись слезы. Да что же это я такой плаксой стала!

— Ну-ну, девочка моя! Все хорошо! Все у нас будет хорошо!

Впервые моя строгая Ольга Васильевна приговаривала-уговаривала, поднимая меня на ручки и делая привычные процедуры. Меня ли, себя ли убеждала в этом, но на душе и вправду стало легко, захотелось прижаться к ней всем соим маленьким тельцем, что я и сделала, вцепившись ручками и уткнув носик в пахнущую лавандой блузку. Так мы и стояли некоторое время, Ольга легонько гладила меня по головке, а я млела, как котенок.

А ведь правильно сказал Сан-Саныч, замкнулась эмоциональная связь на няню. Роднее существа сейчас для меня нет, а возможно и не будет на всем свете.

Вот ведь какое странное создание человек!

Всего месяц прошел, и никаких событий, кроме «родился-не-пригодился» не произошло. А вот поди ж ты, уже сколько огорчений, надежд и чаяний! А мог быть и дом малютки, да и еще что похуже.

Хм... что там за ажиотаж? Что за беготня? Такое ощущение, что в доме не пять человек, а все двадцать пять. Суется как муравьи на куче. Веру вообще вижу одновременно в нескольких местах, носится с крейсерской скоростью по двору, возникая то у ворот, то возле Василия, постригающего кусты, то на крылечке. Вот метла! Энергии на пять электростанций! Да и Наталья с тетушкой не отстают, тоже носятся как угорелые.

Эх, такое утро испортили!

Я вопросительно посмотрела на няню, не пора ли нам удалиться от этой суеты? Все равно уже очарование утренней безмятежности бесследно исчезло.

О-Паньки!

А вот это уже интересно. Ольга Васильевна с закаменевшим лицом смотрит на въездные ворота, не обращая на меня никакого внимания.

И что же там такого интересного показывают, что даже няню привлекло? Ага, ворота открывают, кто-то пожаловал. Ба! Да это же папенька собственной персоной! Давненько не видывались!

А няня-то побледнела, откинулась подальше в тень и застыла. Непонятки! Вернее, понятно, что они не в первый раз встретились, но вот на почве чего, и почему такая реакция сейчас у Ольги на моего родителя? Бедная девочка, лица на ней нет. Меня с утра утешала, теперь моя очередь. Я подползла к ее ногам, почти уткнулась носом в домашние балетки и обхватила, насколько могла, за щиколотки. Выше не достать. Ольга вздрогнула и перевела взгляд на меня, из глаз постепенно ушла отстраненность и сменилась обычным выражением строгого ожидания. А я еще повыше задрала головку и произнесла: «ня-ня». Сама я ожидала чего угодно, только не этого. Слово прозвучало четко и громко, а Ольга, наклонившись, подхватила меня на руки и прижав к себе, тихо заплакала. Некоторое время мы посидели,

можно сказать, обнявшись. Потом настало время обычных текущих дел, которые так хорошо отвлекают от грустных мыслей. Через несколько часов все уже вошло в свою колею, я, после очередного комплекса упражнений готовилась поесть-поспать, у няни тоже всегда было полно дел на тот отрезок времени, что уделялся мне на сон, так что все шло по плану. Я спокойненько ждала, когда Ольга пойдет за моей едой, но та словно не решалась выйти из комнаты.

Еще один штришок к «непоняткам» в моей копилке. Чего она боится? Попадаться на глаза хозяину? Столкнуться с Натальей после вчерашних событий? Есть какая-то серьезная причина отгораживаться от всего мира, фактически замкнувшись в стенах небольшой детской комнаты? Однозначно, поводом для таких изменений является приезд Алексея Николаевича, так как прежде я не замечала в ее поведении каких-либо ограничений. А ведь ей приходилось не только за едой на кухню спускаться, но и в прачечную за свежим бельем, и в душевую за водой, когда приходило время меня купать, да и жила она не в моей комнате. То есть, судя по всему, по дому она передвигалась вполне свободно. Не успела я закончить свои размышления, как бутылочка все же появилась в моих ручках. Принесла, моя хорошая, спасибочки!

С таким аппетитом как бы мне не растолстеть раньше времени, недаром говорят, количество жировых клеток закладывается до двух лет, а потом только корми их! Но это дело еще далекого в сравнении с возрастом моего тельца будущего, а сейчас кушать и спать.

Однако, планы наши для того и существуют, чтобы их нарушать! Не успела я пристроиться к бутылочке, как к нам пожаловал не кто иной, как родимый батюшка. И пришел Алексей не один, а в самой неприятной для меня компании — с Натальей. А где-то на дальнем плане маячила Татьяна Николаевна. В комнате сразу стало и тесно, и даже, можно сказать, наэлектризовано. Ольга Васильевна напряглась и отступила за кровать, а я тоже подтянула поближе бутылочку, отвернула головку и занялась своим делом, искоса поглядывая на Алексея и «К». А что, я же не железная! И так вчера такой прессинг пережила! Стресс у меня, имею право на восстановительный период! А вы все смотрите-смотрите, мне не жалко. И ведь смотрят! Алексей на меня, Наталья Ольгу прожигает взглядом, а тетюшка старается обоим в лицо заглянуть. Ольга же по-прежнему отстраненно сканирует пространство.

Допила я свое молочко, бутылочку выпустила из рук, глазки прикрыла... Не спать! А то пропущу все самое интересное. Ольга наконец отмерла, взяла пустую тару и занялась обычными делами. Наверное, ей это поможет, отвлечет от необходимости стоять под перекрестным огнем.

— Ольга Васильевна, мы можем с Вами поговорить? — это мой папуля подал голос.

— Конечно, Алексей Николаевич. Присаживайтесь к столу. Вам не будет мешать, если я параллельно буду малышкой заниматься?

Вот так-так! Мною будут сейчас заниматься, значит, послеобеденным сном надо пожертвовать. Если уж нянюшка решила нарушить мой режим, значит ей о-о-очень нужно это, ведь значительно проще держать лицо, когда имеешь возможность отвернуться, отойти, переложить что-нибудь с места на место. И все вроде по делу, знаем мы такие приемчики. Ну вперед! А я помогу, чем смогу.

— Нет-нет! Пожалуйста, занимайтесь! Мне даже любопытно понаблюдать за процессом. Тем более после таких хвалебных отзывов о Вашей методике. Признаюсь, несколько удивлен, приятно удивлен.

— Спасибо. Но откуда?

Ольга уже оттаяла, привычные действия сделали свое дело. Она ловко раздела меня и начала массажные процедуры. Нежные пальцы знали свое дело и привычно скользили по ручкам, ножкам, животику...

Не спать!!!!

— Мир слухами полнится, Ольга Васильевна. Александр Александрович, доктор детского отделения, где Наташа лежала, очень восторженно отзывался как о Вашей методике, так и о ее результатах. Не знаю, откуда у него такие сведения, но он очень рекомендовал прислушиваться к Вам по вопросам, касающимся Маши. Более того, просил Вашего разрешения на посещения и возможности наблюдения за процессом. Так Вы можете мне ответить, откуда у доктора такие сведения?

Ага! Сан-Саныч оперативненько отметился! Вот ловкач!

— Алексей Николаевич!- голос няни зазвенел от обиды, — Я не знакома с Александром Александровичем, и откуда у него сведения, я не знаю. В течение месяца я неотлучно находилась в доме, не писала, не звонила. Я даже свой планшет не привезла, как и было обусловлено в договоре. Вне дома я находилась всего один день, позавчера, по личным причинам.

А на сегодня мой срок договора закончен, и если Вы мне не доверяете, на этом мы можем закончить наши отношения!

Что-о-о!!!! Как это закончить?! Не хочу!!!! Пора вводить тяжелую артиллерию!!!!

«А-ооо-уууу-аааа»!!!!- завопила я! Задрогала ручками-ножками, закрутила головой. Ну конечно, в первую очередь на меня вытаращилась няня. Такого она еще не видела, но быстро догадалась в чем дело. И пока зрители, ошарашенные столь резким моим переходом от тихого блаженного валяния к активным подергиваниям и крикам, приходили в себя, Ольга взяла меня на руки, прижала к себе, тихонько приговаривая мне на ушко:

«Тихо, тихо, моя хорошая. Не переживай, я с тобой, все хорошо. Я тебя не оставлю, все будет хорошо. Мы с тобой сильные, мы стойкие, у нас все будет хорошо....»

Мгновенно перейдя в расслабленное состояние, я замолчала и попыталась обнять свою родненькую нянюшку. Получилось лишь вцепиться ручками в блузку, да прильнуть, тесно прижавшись к ее груди. Но попробуйте, отнимите! Мое!!!

Пока Алексей следил за нами, Наталья потихоньку отступала к двери, и пискнув напоследок, — ну я пойду, — юркнула за дверь. Следом выскочила и тетушка, и мы остались один на один с папочкой. Вот как-то так. А я что! Я маленькая, мне выживать надо, а у них тут Санта-Барбара! Подсунут мне потом вместо Оленьки какую-нибудь клушу типа тетушки, как мне тогда выживать прикажете?! И нет у меня никаких угрызений совести, как-нибудь разберутся между собой, так что, прости, нянюшка, не могу иначе.

Ну и долго мы молчать будем? Алексей пошарил взглядом по комнате, развернулся к столу и уткнулся в расписание, сделав вид, что внимательно его изучает. Несколько минут мы слышали только периодическое хмыканье и звуки постукивания пальцами о столешницу.

— Ольга Васильевна, простите, я не хотел Вас обидеть, — он напряженно всматривался в глаза няни, — Мне будет очень жаль, если Вы решите невозможным продолжение нашего сотрудничества. И я на самом деле не предполагал, что Вы сможете принять мои слова на свой счет. Еще раз приношу свои извинения.

— Что ж... Принимается... И не будем больше об этом. Я предлагаю встретиться с упомянутым Вами Александром Александровичем, думаю все прояснится. И я вовсе не

считаю свои методы работы с Машенькой чем-то новым, просто мне очень интересно с ней заниматься и, мне кажется, ей тоже это нравится.

Ольга присела на кресло, развернув его так, чтобы быть к Алексею в полупрофиль. Она все еще держала меня на руках. Вот это повезло! Меня с рождения столько на руках не таскали! И не могу сказать, что это неприятно, напротив, так и привыкнуть недолго!

— Хорошо, согласен с Вами, попробую договориться на завтра.

Ха-ха! Попробует он! И кто бы ему отказал! Тем более Сан-Саныч сам рвется к нам!

— Вам в какое время будет удобно? Допустим вот как сейчас?

— Если можно, или двумя часами раньше, или наоборот. Думаю, беседа у нас займет не десять минут, лучше, если мы не будем нарушать режим ребенку.

— Хорошо, тогда ориентировочно в шестнадцать часов. Это первое.

Второе, по договору. Я хотел бы заключить его с Вами на более длительный период. Допустим, три года?

Ну и ну! Это что же, он в рабыни мою няню на три года хочет? Ну мне-то, конечно, это только на руку, а ей какво? В заключении и без права переписки так сказать! Прямо колония строгого режима! Неужели согласится?

— Простите, Алексей Николаевич, условия договора останутся прежними?

— Я готов увеличить Ваше вознаграждение вдвое... Мало? Втрое?

— Простите, нет, не в этом дело. Как Вы себе представляете возможность прожить в этой усадьбе, пусть в замечательных условиях, но три года без связи с внешним миром? А малышка тоже в заключении будет все три года? Одна среди взрослых? Да и тех по пальцам одной руки пересчитать...

Боюсь, мы вырастим не вполне адекватного человека.

— Мда... Что-то я сегодня немного устал, пожалуй... Придется извиниться еще раз. Я вовсе не хотел в дальнейшем ограничивать Вас никакими условиями, кроме непосредственно связанных с выполнением договора по уходу за ребенком, но все же просил бы Вас не распространяться за пределами дома о наших внутренних делах.

— Безусловно, Вы могли и не упоминать об этом.

Алексей помолчал минутку. Видно же, видно, что уходить не хочется, а о чем еще спросить, не может придумать. Ага, нашлась темка!

— Ольга Васильевна, еще я хотел бы выслушать Ваши замечания и пожелания по обустройству детской комнаты, и, возможно еще что-то у Вас есть по организации занятий, или чего-либо... Ну не знаю, что может быть.

— Простите, я бы перенесла дальнейший разговор на завтра, мы и так сбились с режима со вчерашними событиями, не хочется усугублять ситуацию, Машеньке давно уже спать пора.

Упс! Проговорилась Оленька! У папочки сразу ушки на макушке!

— Что за события?

Ольга устало повела плечами.

— Прошу Вас, давайте все завтра.

— Что ж... до завтра.

Алексей резко встал и покинул комнату. Я перекинулась с рук в кроватку, покинув такое родное тепло. Вот теперь я как никто понимаю младенцев. Да кто же в своем уме захочет поменять такие ласковые, такие живые руки на бездушную постель кроватки! Хотя кроватка у меня тоже замечательная, не буду ее обижать!

Остаток дня прошел в привычном уже режиме. Ольга механически выполняла положенные действия, меняла белье, делала массаж, гимнастику, кормила еще раз и затем купала... Она совсем ушла в себя, иногда окидывая меня таким беззащитным слегка отстраненным взглядом, что мне тоже становилось не по себе. Я сочувствовала ей, но здесь уже ничем не могла помочь. Надо ей самой пережить сегодняшнюю встречу. Сложно что-то у них. Эти «Вы», эти бесконечные «простите». Ну пусть успокоится. Хорошо, что она на завтра перенесла разговор. Я бы, конечно, пережила и еще не один час. Все же не совсем ребенок, и такой «сбой» режима мне на один несуществующий еще зубок. Ну а в остальном, во-первых, ей, действительно нужно прийти в себя, успокоиться. Во-вторых, пусть об отставке ее Натальей, Алексей узнает не от нее, а от Сан-Саныча. Теперь-то точно узнает. Не тот человек, похоже, мой папа, чтобы оставлять без внимания подобные вопросы. Расскажут все, что сделали, и чего еще не успели сделать. А пока отдыхаем. И Оленьке отдых сейчас, пожалуй, более нужен, чем мне. Так что закрываем глазки и делаем вид что спим.

Хорошо так, сладко спим, посапываем слегка.... Спокойной ночи, нянюшка.

Блюмс! Створка двери стукнулась о стену и в комнату влетела Наталья.

— Ольга Васильевна! Я требую, чтобы вы не говорили Алексею Николаевичу о том, что я....

Ну что за семейка! Ни тебе здарсьте, ни до свидания. Требует она, посмотрите на нее, требовательница нашлась.

Никого не увидев, Наталья заткнулась, стоя посреди комнаты. Потом, видно догадалась, балкон-то открыт. Добралась до нас, зараза невоспитанная! Опять утро испортила!

— Я требую, чтобы вы не рассказывали Алексею о том, что я вас увольняла!

— Добрый день, Наташа, — не повернув головы ответила Ольга. — Вы и не могли меня уволить, контракт я подписывала с нотариусом от имени Алексея Николаевича.

— А... Вы же ушли...

— Ушла, — Ольга слегка усмехнулась, — не драться же мне с вами. Да и силы, согласитесь, не очень равны, у вас охрана.

Наталья похлопала своими длинными ресницами. Ну и реснички! Ну и глазищи! Анжелика отдыхает! Наверняка все парни падают от такого веера. Потом пооткрывала-позакрывала рот, и не найдя что сказать развернулась и выскочила из комнаты.

Эх, опять нам не дали понежиться с утра. Ну что за манеры, врваться когда захочется! Целый месяц мы жили-не тужили, общались тихо сам с собою, а теперь прямо паломничество какое-то. Можно конечно и еще посидеть на свежем воздухе, да уже настрой не тот. И воздух у нас в комнате тоже всегда свежий, дверь на балкон не закрывается. Так что нисколько не возражаю, когда Ольга спрашивает: Идем делать гимнастику? И после утвердительного кивка направляется в комнату. Ну а я пыхчу следом, долго пыхчу, пока допыхтела, здесь уже все приготовлено. На сегодня занятия с мячиками и шведской стеночкой. В первом упражнении я должна мячики кидать в круг, а во втором попытаться встать по стеночке. Ну с первым проблем нет, теннисные шарики, что выделены мне вместо мячиков, летят пока куда хотят, но это дело привычки, будем тренироваться. А вот насчет стеночки посложнее. Подползаю, на четвереньки так и не получается пока встать, но лежа в позе лягушки подтягиваюсь на ручках на первую перекладинку. Ура! Вторая не дается ни с первой, ни с десятой попытки. Ну и ничего, главное не победа, главное участие.

Ольга Васильевна наблюдает, но не вмешивается. Даже когда я носом по перекладине поехала, хорошо не расквасила до крови. Хороша была бы картинка к встрече на высшем уровне!

Уф! Как устала-то! Прямо вагоны разгружала! Надо поответственнее к этому подходить, а то уже почти полтора месяца, а я на брюхе лягушкой! Не солидно, однако. Такая почтенная дама, и все по пластунски, да еще задом наперед. Ну сейчас-то я, допустим, неплохо поработала, заслужила и отдых, и обед, вернее, второй завтрак, если строго по времени подходить.

Няня ходит задумчивая, но вчерашнее выражение растерянности уже ушло, слава богу. Думает о предстоящей встрече, как иначе. И я тоже думаю. Но мне проще, у меня роль пассивная. Не выдать себя, главная задача. Не хочу подопытным кроликом быть. Хотя Сан-Саньч уже дорвался, но будем надеяться на его душевные качества. Нет, помочь ему утолить любопытство я не против, все же он помог мне няню вернуть, но только чуть-чуть, чтобы

диссертацию не бросился кропать на моем примере. Иначе от примера останутся рожки да ножки. Проходили, знаем!

К назначенному часу Ольга меня уже помяла, покрутила, потерявила, умыла, передела, так что я теперь вполне готова к переговорам. Жду не дождусь, так сказать. Ольга слегка нервничает, оно и понятно, хотя к чести сказать, по ней совсем незаметно. Это хорошо. Я то, конечно, второй месяц находясь неотлучно при ней, уже просто чувствую ее почти как себя. Но для всех пусть лучше она будет спокойной, уравновешенной и невозмутимой.

Надо же, какая пунктуальность! Ровно шестнадцать ноль-ноль! Штирлиц номер два! Пришли оба, хорошо без довесков в виде Натальи и Светочки.

Спокойнее будет. Ну вошли, ну поздоровались, познакомились... А вот дальше что делать? Один стул, одно кресло? Кто стоя? Эх, я уже настроилась на развлечение, ан нет, Ольга вмещалась, принесла плетеное кресло с балкона. Расселись, устроились так, чтобы я была в зоне видимости каждого, ждут, кто начнет. Да тут и гадать нечего, кто инициатор, тот и ведущий, вперед, папочка! Папочка не подвел, спустя всего минут пять созрел для вступления.

— Александр Александрович, Ольга Васильевна, не скрою, я очень заинтригован нашим с вами, Александр... можно без отчества? Спасибо. Так вот, я очень заинтригован нашим вчерашним разговором. И мне хотелось бы в подробностях услышать все, что вы сможете нам рассказать о нашей...девочке.

Ба! А это еще что за многоточие? Мне не показалось? Или папочка не знал, как меня назвать? Я внимательно смотрела на его лицо, а он тем временем продолжал:

— Думаю, Ольге Васильевне тоже будет интересно услышать мнение специалиста о своей работе. Итак, мы слушаем.

Да... Вот как ни старайся уважительно беседовать, а руководитель так и лезет отовсюду. Хоть двадцать раз извинись, а «..мы вас слушаем» неизменно! Слушай, папа, слушай. Главное, на ус мотай, чтобы прошлых ошибок не повторять! А что ошибки были, да такие!!! Тут и к бабке ходить не надо!

— Я даже не знаю, с чего начать... Вам интересно все, начиная с роддома?

Наивный Сан-Саныч! Ну кому интересен писклявый сморщенный комочек!

Да и на сегодня, я не сомневаюсь, кроме Ольги да тебя, дорогой мой, я мало кому интересна сама по себе. Но и тебе только лишь как объект для исследования. Моя единственная близкая душа — нянюшка, надеюсь, не ищет от меня никакой выгоды.

— Нет, Александр, пожалуй, про роддом мне все известно..

Три ха-ха! Все ему известно!

— Давайте начнем с фактов, о которых вы упомянули во вчерашнем разговоре. Где и от кого вы узнали о состоянии Маши и о методике Ольги Васильевны, каким образом смогли оценить результаты ее работы и прочее, если вам есть что рассказать.

— Хорошо. Расскажу все, с того момента, как меня пригласили сюда. Надо сказать, что я и сам некоторым образом хотел напроситься на встречу с малышкой. Уж очень хотелось посмотреть, как она развивается, ведь судя по той неделе, что она провела в роддоме, можно было ожидать определенных результатов. Но, ближе к делу.

Позавчера часов около четырех мне позвонила Татьяна Николаевна и настойчиво просила приехать на консультацию. Это несколько удивило меня, потому что в течение месяца она же упорно отказывалась от посещения патронажной сестры и от обязательных медицинских осмотров.

Поскольку я почувствовал, что женщина была крайне встревожена, я немедленно выехал к вам. Осмотр ребенка и опрос вашей жены и Татьяны Николаевны показал, что налицо стрессовая ситуация, приведшая к отказу малышки от приема пищи.

Вот дает Сан-Саныч! Прямо как следователь шпарит!

— Простите, Ольга Васильевна! Что случилось? Почему вы отказывали сестрам? И что за стрессовая ситуация? Почему вы сами не пригласили врача?

Ольга сидела молча, откинувшись на спинку кресла и опустив глаза.

— Алексей Николаевич, простите, что вмешиваюсь, но, позвольте я все объясню. Ольги Васильевны не было в тот день рядом. Как выяснилось, накануне поздно вечером, она покинула дом. Насколько я понял, с малышкой на тот момент все было в порядке, она спокойно уснула. А наутро расписание сбилось, проснувшись, Машенька осталась одна, и поскольку эта удивительная девочка не позволяет себе мочить пеленки, ей пришлось долго ждать, пока пришла Татьяна Николаевна, и еще дольше, пока та догадалась, что требуется ребенку после продолжительного сна. Очевидным следствием этого стал отказ девочки от пищи. Она не хотела взять в рот даже воду, что крайне нехарактерно для малышей. Я тоже попытался подключиться, но и у меня ничего не получилось. А когда я выяснил подробности тесного контакта няни с Машей, то порекомендовал срочно вернуть няню, пока процесс не зашел слишком далеко. Хочу сказать, что в таком раннем возрасте психика у детей очень чувствительна. Обычно такая реакция происходит при разлучении ребенка с матерью, но поскольку Маша все время проводила с няней и ни разу не виделась со своей матерью, то естественно, что привязанность сформировалась между нею и Ольгой Васильевной, что и привело к осложнению после разрыва. Очень хорошо, что вы, Ольга Васильевна, нашли возможность вернуться. Я уверен, что иначе ситуация могла осложниться до непредсказуемых результатов. Вот такое мое мнение.

— Что ж, пожалуй вы правы, — обдумывая изложенное, произнес Алексей после продолжительного молчания. Это действительно могло привести к нежелательному итогу. О причинах вашего ухода, Ольга Васильевна, мы побеседуем позже. А сейчас я хотел бы получить ответ на свой второй вопрос — о методике работы и как следствие, о результатах работы Ольги Васильевны. Где вы узнали об этом и как смогли оценить результаты, даже не встречаясь с автором лично?

— Ну это-то как раз очень просто. Вот вы ничего особенного не видите здесь? — улыбаясь, он переводил взгляд с Ольги, на меня, на Алексея...

— Да, как-то... комнату побольше надо?

— Тоже не помешает, и ванную бы... Но я не об этом. Посмотрите на игровую зону, что вы там видите?

Вот затеяли игру в угадайку! А что, очень познавательно! А то умный у нас очень папочка, прямо весь такой непререкаемый. Вот и пошевели мозгами чуть-чуть! Может и жизнь наладится!

— А что там не так? Игрушки как... А где игрушки? Я распорядился обеспечить по максимуму, — нахмурился Алексей.

— Вот-вот! Нет здесь игрушек в вашем понимании. Не играет здесь ребенок, а развивается. Ольга Васильевна, я правильно понимаю, что Маше не интересны игрушки-погремушки, музыкальные, движущиеся и аналогичные им?

Получив утвердительный кивок, Сан-Саныч с воодушевлением продолжил. Смотри, как завелся! А ведь все верно пока определил.

— Взгляните на оставшуюся часть, это лишь то, что помогает развивать двигательную активность, координацию, укреплять мышечную силу. Думаю, есть еще какие-то направленные цели, о которых я пока не догадываюсь. И все это не просто стоит в бездействии, по их расположению и виду можно смело сделать выводы, что ими довольно активно пользуются.

Ну конечно! Все, до чего смогла дотянуться, пометила — шведочку обслонявила, весь коврик считай исковыряла, стараясь оттолкнуться, все мячики полапала! Шерлок-Холмс ты мой роддомовский! Так и хочется грамоту в почетной рамке подарить за выдающиеся заслуги в деле выведения на чистую воду одной престарелой мошенницы, вселившейся в новорожденное тело и сурово это тело эксплуатирующей.

— Как интересно! И это все на основе осмотра нескольких предметов? — съехидничал Алексей.

— Ну что вы! — не реагируя на подколку ответил Саныч, — Конечно нет! Вот посмотрите сюда?

— Да, я видел, а что здесь такого нового? Расписание дня, занятия, отдых...все как обычно.

— Э, нет, дорогой Алексей Николаевич! Для ребенка лет двух-трех может и выглядит обычным, но Машеньке еще двух месяцев нет. Как вы думаете, такой пунктик в расписании, как координация, это нормально для такой малютки? А артикуляция? Развитие мышечной массы и связок? Укрепление костной системы? Да для самых азов в этом плане необходимо чтобы ребенок не просто мог целенаправленно управлять телом и голосом, а еще и понимал или, по крайней мере, мог копировать движения и звуки. А для этого в свою очередь нужна очень тесная функциональная связь, когда ребенок не только улавливает эмоции матери, но и чувствует направление этих эмоций. Возникает способность чувствовать человека наподобие близнецов. И честно говоря, я не знаю примеров, чтобы за такой короткий период, подобное стало возможным. Не ошибусь, если скажу, что близкие люди могут иногда развить такую связь, но даже не через годы, а через десятилетия, поведенные вместе. Вот и получается «обычное» расписание занятий нашей малютки. Это меня очень удивило, поскольку настрой Натальи Владимировны в отношении девочки был, мягко говоря, не вполне доброжелательным. И я тем более удивился, когда я узнал, что ребенком занималась не мать, а няня, потому что даже на генном уровне теперь данный случай невозможно объяснить.

Мда... Сашенька... И что теперь делать! Как-то неожиданно повернул! Теперь, дорогая нянюшка и ты попала! Как объясняться будем? Правильно! Как Штирлиц, ничего не видел, ничего не знаю, а если вы что-то видели, то это ваши проблемы!

— Позвольте, Александр! — встрепелся папочка. — И это все вы измыслили на основании бумажки? Почему вы решили, что все так и есть? Может это просто размышления на тему, так сказать, облеченные в красивые формулировки?

Тут уж я не выдержала. Сколько же можно игнорировать главное действующее лицо! Я подняла одну ручку, постаралась держать ее ровненько вверх и четко произнесла: «А»! Ну естественно, даже Ольга подняла голову! Вопрос в ее глазах быстро уступил место пониманию. Конечно же нам придется поддерживать версию Сан-Саныча. А что, хорошее прикрытие! Пусть лучше ломают голову над его догадками, чем задаются лишними вопросами.

Алексей вопросительно посмотрел на Сан-Саныча, а тот с ожиданием на Ольгу, Ольга и

свою очередь адресовала молчаливый вопрос ко мне. Ну прямо дедка за репку, бабка за дедку... Что ж, придется дальше цирк устраивать. Подняла другую руку и сказала «О»! Потом подумала, махнула обеими руками и выдала: «У»! Пожалуй, хватит с них. Повернулась на бочок, чуть ладошечки под щечку не засунула, коленочки слегка подтянула для упора, чтобы не скатиться на пол, и затихла. Спинка-то устала бревнышком лежать. Ни тебе движения, и гимнастика побоку, нарушают мой режим, нарушают.

— Вот! Вот вам подтверждение! А что я говорил!- опять воодушевился Сан-Саныч. — Маша не просто опережает в своем развитии все мыслимые стандарты, она в разы превосходит их! Она уже владеет телом на уровне полугодовалого ребенка. Позавчера меня удивило состояние ее мышц, а сегодня я просто поражен их осознанным владением! У меня иногда создается ощущение, что она вполне понимает, о чем мы говорим.

А вот этого не надо! Незачем думать в эту сторону! Прекрати немедленно!

— Ну что вы, Александр Александрович! Не перехвалите, еще сглазите нашу крошку! — вступила Ольга. — И... вам не кажется, что мы злоупотребляем временем? Вы же понимаете, что значительные отклонения от режима в нашем случае совершенно противопоказаны.

Молодец, Оленька! Уводи, уводи их в сторону! Ишь чего надумал! Понимает! Мне только этого не хватало, так и в черепушку залезть недолго!

— Пойдемте, Александр, нам действительно пора. Ольга Васильевна, мы с Вами должны еще кое-что обсудить. Во сколько мне удобнее подойти?

— Ну если сегодня, то в двадцать тридцать, только я попутно буду занята процедурами. У меня будет около часа.

— Хорошо. Думаю, этого хватит.

— Я бы тоже не отказался понаблюдать за процедурами, — пробурчал Сашенька и потопал на выход.

— Уж как-нибудь в другой раз, — отфутболил Алексей, прикрывая за собой дверь.

Одни! Благодать! Отвыкла я от общества. И там, в прежней жизни, последние годы практически одна находилась. Редко выползала из своей обжитой десятилетиями берлоги. И здесь контакты прямо скажем очень ограничены. Чувствую, нелегко мне придется в этой жизни.

Ровно в двадцать тридцать, ну хоть часы сверяй! Алексей легонько стукнул и открыл дверь. Мы как раз гимнастикой занимались. Вернее, занималась я сама, а Ольга наблюдала, но как только вошел Алексей Николаевич, тут же сделала вид, что помогает мне поднимать и опускать ножки-ручки. Ну и ладно, пусть подергает, от меня не убудет, а ей так легче разговор перенести.

— Доброго вечера, Ольга Васильевна!

— Доброго....

— Я присяду..

— Конечно! Простите, я так...

— Да-да, не беспокойтесь, все нормально. Ольга Васильевна, Вы позволите по имени?

— Не стоит, Алексей Николаевич, — замешкавшись на долю секунды, ответила Ольга, — не думаю, что это будет уместно.

Легкая тень огорчения промелькнула по лицу Алексея, но более он ничем не выдал своего отношения.

— Хорошо, пусть так... Скажите, по какой причине Вы оставили рабочее место?

Склонившись, Ольга совсем спрятала лицо, и нехотя ответила:

— Я думаю, будет лучше, если Вы спросите это у Натальи Владимировны. Мне не хочется об этом говорить. И, поверьте, если бы была хоть малейшая возможность, я бы не оставила Машеньку на... Татьяну Николаевну, — выкрутилась Ольга.

— Что ж... не буду настаивать. Это не главное, о чем я хотел поговорить. Вчера утром мы затронули вопрос о будущем контракте. Я правильно понял, что при отсутствии для Вас ограничений, Вы готовы его подписать?

Ольга немного нервно помяла мне голень, отчего я едва не пискнула. Спohватившись, она виновато глянула на меня, прошептав, «прости», и подняла голову.

— В целом, да, я готова. Только хочу внести еще одно уточнение. Я прошу не вмешиваться без особой необходимости в процесс воспитания.

— Я понимаю, и согласен. Досадно, что так все сложилось, но Наталья не будет мешать Вам. Вы вольны строить график по своему усмотрению. Все необходимое для работы и для Маши будете получать через меня лично.

А теперь, Ваши пожелания, требования, заказы... Говорите все, что нужно, даже если сомневаетесь в чем-то, попробуем решить вместе.

Тут наконец, Оленька слегка оттаяла, подошла к столу, достала листы и они углубились в обсуждения. И теперь я с улыбкой наблюдала за ними, и все больше убеждалась, что не просто так они напрягаются при встречах, есть меж ними притяжение! Вон как ауры сливаются!

Стоп! Ауры!

Я. Вижу. Их. Ауры!

Ой, что-то мне тоже поплохело... Тут с одним разобраться не успели, а вот он, на подходе очередной сюрпризик!

И не справившись с очередным потрясением, я плавно отбыла в царство Морфея, оставшись без купания и без ужина. Няня меня не беспокоила, думаю, им нашлось чем заняться.

Результатом их вечерних посиделок явились, прежде всего, новые апартаменты. Нас перевели на нижний этаж и отвели целый блок в торце гостевого крыла, в котором кроме нас никого не было. У нас появилась своя гостиная и две смежные спальни. Кроме того отдельная ванная и игровая комната. У нас даже замок на входной двери в блок есть! И никто теперь не ворвется за здорово живешь! Вот уж угодил нам папочка, даже чувствами к нему слегка прониклась. Ну а если серьезно, то апартаменты — просто мечта! Моя вся квартирка в прошлой жизни в разы меньше была! Да и прежняя комната ни в какое сравнение не идет!

С трех сторон наш блок окружает просторная терраса, из каждой комнаты сюда имеется отдельный выход, а сама терраса широкими ступенями спускается прямо в сад. А дальше тропиночки, камушки, кустики! Хотела бы лучше придумать, да некуда! И в стороне от всех, и просторно, и сад прямо считай вливается в дом. А чуть ниже пруд-бассейн.

Красота-то какая! Сказка! Уже хочу побегать там, или хотя бы поползать! Самое время! Июнь на исходе, лето в разгаре!

Еще одним бонусом в нашей новой "квартире" стала возможность входить-выходить, минуя центральный вход. Ольге, насколько я поняла, выделили персональную машину, или по крайней мере, возможность брать машину для своих нужд. Это выяснилось вскоре после нашего переезда на новую жилплощадь, потому что возникла необходимость посещения

детской поликлиники, прививочки начались. Меня устроили в детской люльке, как положено на заднем сиденье, а Ольга сама села за руль. Отлично! Наш первый выезд за пределы усадьбы. И сиденье у меня высокое, прямо таки королевское сиденье, правда пока это скорее можно назвать «лежаньем», чем сиденьем. Но высоко, обзор прекрасный, хоть окрестности посмотрю. Много конечно не увидишь в моем положении, да на ходу, но все же хоть что-то.

Еще одно чрезвычайно важное событие произошло также вскоре после нашего переезда. Я все чаще отождествляю свое место в неразрывной связи с Ольгой. Определения «наше» «наш», как и местоимение «мы» прочно закрепилось в моем сознании, мне кажется мы все больше приближаемся по сути к семье, несмотря на наличие в ней всего двух человек.

Как-то по умолчанию, мы стали действовать заодно, согласовывая друг с другом любые изменения, поэтому сосуществование наше было вполне комфортным. Двери в комнаты и на террасу никогда не закрывались и

я свободно перемещалась по всему блоку, с каждым днем все увереннее передвигаясь по всей вверенной нам территории, не прекращая попытки подтянуться и встать на ножки. И надо сказать, результаты росли как в сказке, не по дням, а по часам. Спустя два-три дня я уже могла более-менее подтянуться и выпрямиться возле любой опоры, которую находила по пути, будь то кресло, ножки стола или стула, бортик кровати, или простой дверной косяк. В общем, в помощь шло все, за что я могла ухватиться своими на удивление цепкими пальчиками. Ольга никак не препятствовала моим упражнениям, ненавязчиво сопровождая меня в длительных путешествиях, попутно занимаясь своими делами. Негласным запретом для гуляния в одиночку стала для меня терраса. Впрочем, я и не стремилась туда без Ольги. Мы и так проводили там много времени. По крайней мере раннее утро и вечер перед сном мы отводили личным посиделкам.

Мы сразу обзавелись личным выездом — легкой трехколёсной коляской с полулежачим сиденьем. Все таки позвоночник, как бы там ни было, еще слабоват для езды сидя. А потом, как говорится, береженого бог бережет.

Нашим любимым занятием стало обследование территории усадьбы. Надо сказать, очень обширной территории. Каждый день мы отыскивали новые привлекательные уголки и я не уставала мысленно приносить искреннюю благодарность архитектору дома, пространственное видение которого и бережное отношение к природе так совпало с моим собственным.

Ольга много фотографировала на айфон, иногда мы останавливались на некоторое время в облюбованном нами уголке сада и валялись на травке, загорали, даже иногда купались.

Я возвращалась с прогулок перемазанная с ног до головы в зелени травы, песке и глине, довольная и счастливая. Вторая половинка нашего тандема тоже пребывала в приподнятом настроении.

Это были замечательные дни!

Времени грустить не находилось, занятия шли чередой друг за другом. И тем не менее, мне все чаще приходила в голову мысль об айпаде. У нас его не было. Ольге, похоже, в голову не приходило, что я уже могу попробовать тыкать пальчиками в экран. Все мои попытки объяснить, чего я хочу, показывая ручкой на айфон, не увенчались успехом. В итоге я решила пойти другим путем. Я уже говорила многие слова и слоги, но пока они ограничивались мягкими согласными вкупе с гласными, например, на-на, ми-ни. Себя я уже

могла представить как Ма-ня, а Ольгу называла О-ля. Осталось включить в программу новое слово. На следующей прогулке во время отдыха на лужайке после очередных тщетных попыток объясниться на предмет айпада, я надолго обиделась и уединилась, ковыряясь в земле и активно гукая-акая. Потом опять подползла к Ольге и протянула ручку к айфону.

Она посмотрела на меня: — Хочешь взять? Я отрицательно покачала головой и сказала целую фразу: — Ма-ня ай-падь!

У Ольги округлились глаза.

— Машенька! Ты хочешь айпад?!

Я утвердительно кивнула и еще подтвердила словом: — Дя!

Ошарашенная таким сюрпризом, Ольга надолго задумалась, потом тряхнула головой, словно отгоняя ненужные мысли и коротко ответила:

— Хорошо, попробую.

Ненадолго отключившись, она набила в айфоне несколько слов и стала собираться.

К себе мы зашли как обычно, через террасу. А на ней нас уже подждал Алексей. Быстро отреагировал.

Несколько встревоженный он похоже растерял по дороге всю свою невозмутимость и стал похож на обычного молодого парня, что мне, кстати, куда как больше понравилось.

— Ольга Васильевна! Что-то случилось?

— А без этого Вы не хотите взглянуть на дочь? — подколола няня.

Алексей напрягся, но ответил:

— Хочу, очень хочу, но, боюсь, Вас не привлекает мое общество.

— Алексей..., - слегка замямвшись начала Ольга, но все же добавила, — Николаевич! Я хочу попросить Вас предоставить мне для работы айпад. Мне хочется опробовать кое-что с Машенькой. Она замечательно реагирует на айфон, но изображение мелковато для нее, думаю айпадик будет в самый раз. Мы можем брать его на прогулки, фотографировать, смотреть изображения. Она уже узнает меня на фото....

— Конечно, Ольга Васильевна! Я буду рад, если это поможет Вам в работе!

Сегодня же доставят! Кстати, я вот что подумал. Может быть Вам в гостиную поставить мини кухню? Чтобы была возможность приготовить хотя бы чай или кофе? Я бы с удовольствием выпил сейчас с Вами чашечку кофе.

— Принести?

— Нет-нет! Я не это имел в виду, — смутившись, открестился Алексей. Потом скомкано попрощался и ушел через сад.

Айпад нам принесли спустя пару часов. Новенький! Беленький, симпатюлечка! Пока Ольгу вводили в курс дела, я послушно кувыркалась поодаль, не выказывая никакого интереса. Но как только посыльный ушел, я рванула так быстро, как только могла, к вожделенной игрушке. Хороший мой! Как же я соскучилась!

Ольга с ласковой улыбкой смотрела, как я устраиваюсь на полу кверху попой, примостив перед собой айпад. Потом боком, потом на спине и т. д.

Ничего не получается!!!! Или руки заняты, или айпад падает на нос! Я с мольбой посмотрела на Ольгу. Пожа-а-луйста!!!!

— Сейчас, моя хорошая, что-нибудь придумаем.

И быстро соорудила из детского стульчика и качалки креслице с подставкой, перебазировала меня на него и пристроила айпадик, отлично! Так... теперь меня подвинуть прямо к подставке животиком

... ага! Достала! Господи! Такого счастья не испытывала даже когда впервые купила себе айпад восемь лет назад!

Трудновастенько попадать пальчиками в клавиши, но ничего, освоимся! Хорошо, что экран сенсорный! Представляю как с ноутбуком управляться сейчас!

Открыла.... Так... что мы имеем? Календарь, заметки, записки, ежедневник, сообщения, фото, карты яндекс, вайберг... и даже интернет подключен. Но главное, ворд мне сейчас нужен! Ага... Вот он мой родненький! Открываем... ву-а-ля!

Вот теперь тебя люблю я, вот теперь тебя хвалю я, наконец-то ты, папуля, дочке Маше угодил!

— Айпадик, я тебя люблю! — эту фразу я с упоением осиливала минут десять, пальчики не хотели попадать в нужные буквы, приходилось убирать и писать снова, но я победила! Потом с гордостью повернула экран. В глазах Ольги засветилась и радость, и нежность, и лишь в глубине слегка проглядывала грусть. Наверное, частенько она не знала, как относиться ко мне. Как к младенцу? Как к ребенку? Или как к подружке?

Я думаю, с появлением айпада в моей жизни наступил новый этап. Не сомневаюсь, что физические параметры я скоро преодолею. Усердия и настойчивости мне и раньше было не занимать, а теперь и подавно стимул весомый нарисовался. Да ради айпада и интернета я горы сверну!

Теперь наше общение проходило веселее. Всегда можно было обратиться к экрану, чтобы объясниться.

Ольга сразу же ограничила мое пребывание перед экраном пятнадцатью минутами в один подход между сном. Итого, трижды по 15 минут. Мало, конечно, но я понимала, что иначе нельзя. Надо с недельку хотя бы понаблюдать за собой, за глазами, за спиной...

Неделя прошла быстро, времени как обычно, ни на что не хватало. Занятия на айпаде пришлось втиснуть, к моему великому сожалению, урезав время гуляния. Посоветовавшись, мы решили, что все лето мы и так на свежем воздухе, окна-то не закрываются, поэтому не будет большой беды, если мы сократим прогулки. На том и остановились.

К концу недели я уже бойко перебирала пальчиками по экрану, писала Ольге записки и млела от счастья. Эти ручки (или те руки) прошли долгий путь от зингеровской пишущей машинки со съемными чернильными лентами до такого вот чуда — моего айпадика. Ольга только тихо улыбалась и не мешала мне объясняться в любви моему новому другу.

Последний экзамен! Последний звонок! Последний день в этой школе!

Она стояла у окна и с грустью смотрела на школьный двор, на веселые стайки малышей и группы «солидных» выпускников. Завтра этот лицей будет жить той же суматошной жизнью, но уже без нее. А сегодня она едет с ним, самым лучшим человеком на земле! Сердце зашлось в радостном предвкушении. Она так его любит! Господи, как она счастлива! Конечно, несмотря на всю свою выдержку, нечего скрывать, она все же волнуется.

Знакомство с родителями жениха, когда сама-то одна-одинешенька, не легкое дело. Но он всегда рядом, всегда поддержит, поможет!

Откинув грустные мысли, Ольга, как школьница, побежала вниз по ступенькам, забежала в учительскую, и прихватив сумочку, едва не приплясывая пошла к выходу. До встречи еще почти восемь часов! Это так много, когда ждешь любимого человека, но этого слишком мало, когда нужно успеть не только привести себя в порядок, но и переделать до отъезда кучу дел.

Лицей, в котором до сегодняшнего дня Ольга Васильевна преподавала математику, располагался за городом, в чудесном сосновом бору. Общественный транспорт сюда не ходил, поэтому лицеисты и преподаватели, не имеющие автомобилей, пользовались небольшим школьным автобусом, курсировавшим между школой и городом с интервалом в один час. Ольга бросила взгляд на экран айфона, хорошо, через пять минут отходит, через двадцать буду дома.

Взглянув на кресло водителя, отметила незнакомое лицо, видно нового водителя взяли, подумала мимоходом и прошла в пустой салон.

Водитель оказался молодым веселым и разговорчивым. Поначалу, назвав Ольгу девочкой, рассмешил и одновременно польстил ей. Хотя в свои 27 лет она на самом деле больше была похожа на школьницу, чем на преподавателя. Стройная, гибкая, темноволосая, с короткой модельной стрижкой, правильными чертами лица и вдумчивым взглядом больших серых глаз, она безусловно, была очень привлекательна. Но тяжелые годы, когда слегла мать, и Ольга разрывалась между домом, школой и больницей, а также суровое выживание в институте после смерти матери и потери единственного дохода в виде небольшой пенсии, сделали ее если не замкнутой, то определенно, отстраненной от общей массы одноклассников и сокурсников. Ольга не чуралась общества, а хорошее воспитание позволяло ей чувствовать себя свободно в любой компании, но и не искала его. Со стороны казалось, что ей хорошо без подруг и друзей. Со стороны... Никогда не видели ее жалующейся или просящей, она привыкла справляться с проблемами в одиночку, так и получилось, что почти до тридцати лет не нашлось человека, способного рассмотреть и притянуть к себе ее закрытую от всех душу.

Тряхнув головой, Ольга отогнала от себя грустные мысли. Нет, теперь все будет по-другому! Алешка... ее родной Алешка. Сам такой серьезный, а в глазах прячутся смешинки, готовые вспыхнуть солнечными искрами. И сам он весь солнечный, красивый, любимый... За что мне такое счастье?!

Сильный боковой удар выбросил автобус на обочину, одновременно опрокинув его на бок.

Очнулась Ольга в палате. Белые в трещинах стены и потолки, бледно-грязно-голубые

панели масляной краской на стенах, древние разошедшиеся рамы... Перевела взгляд на кровать — металлические спинки, панцирная сетка, серое застиранное белье... видимо, муниципальная больница. Нет, она не вскинулась с криками, уберите меня отсюда! За те годы, что болела мать, всякого насмотрелась. Капельница... тоже привычно. Попробовала шевельнуться, не получилось! Не получилось!!!

Паника тяжелой волной смыла остатки самообладания. Ольга дико закричала, попробовала подняться, но лишь дернула рукой, опрокинув капельницу.

На крик прибежала сестра, заохала-запричитала:

— Очнулась, болезная! Слава те господи! Тихо-тихо, сейчас доктор придет, Анатолий Константинович. Он хороший доктор, все посмотрит, все расскажет, все будет хорошо, — монотонно приговаривала она, поднимая капельницу, поправляя сбившееся одеяло, поднимая еще что-то с пола. Как ни странно, ее размеренное приговаривание и неспешные движения оказали успокаивающее действие. Ольга затихла, с тоской глядя в одну точку остановившимся взглядом. Немного погодя подошел доктор, привычно присел на край кровати, посмотрел на Ольгу и удовлетворенно кивнул.

— Как ты? Нет-нет, не шевелись! Говорить можешь?

— Не... знаю... — прохрипела она.

— Хорошо, — кивнул доктор, — значит, можешь. Расскажи, откуда ты, как тебя зовут, куда сообщить о тебе?

— Где... я?

— Ты то? Как где, в больнице, в хирургическом отделении. Муниципальная районная больница.

— Когда?

— Когда поступила? Да уже восьмой день у нас...

— Как?

— Все-все, довольно! Все вопросы потом. Как тебя зовут?

— Ольга.

— Есть кому сообщить о тебе?

Ольга задумалась. Алеша... Алешенька!

Восемь дней! Слезы подступили, перехватывая горло и стягивая грудь.

Зачем ему такое счастье!

А больше и нет никого, одна-одинешенька...

Резко помотав головой, она отвернулась. Вот и кончилось ее недолгое счастье. Видно судьба у нее по больницам мыкаться.

В районной больнице Ольга провела четыре месяца. Привезли ее сюда после аварии на дороге, возле ближайшего села. Как выяснилось, автобус столкнулся с длинномером, который на повороте хвостом скинул его в кювет. Удар пришелся на кабину автобуса, водитель разбился насмерть.

Ольге повезло, она сидела с противоположной стороны, поэтому отделалась лишь множественными ушибами и переломом позвоночника. И опять повезло, перелом без смещения. И врач скорой, выехавшей по вызову, уже сталкивался с подобными случаями, поэтому до больницы ее довезли без дополнительных травм, что часто случается при небрежной транспортировке.

И все. Дальше четыре месяца отчаяния и надежд. Поначалу еще она мечтала, что вот сейчас откроется дверь, войдет Алеша, возьмет ее на руки, увезет далеко-далеко от этой

больницы, она поправится, и все у них будет по-прежнему...

Жизнь у Ольги никогда не была сахарной, характер она закалила до предела. И сейчас, наперекор всему, она не только поднялась на ноги, но с помощью персонала шаг за шагом восстановила все двигательные функции. Глядя на нее сейчас никто не мог бы сказать, что всего несколько месяцев назад она была намертво прикована к постели.

Осень... Она не видела лета. Как странно, словно вчера была весна, а сегодня уже осень... И она снова стоит у окна, на этот раз совсем у другого окна, а за ним не радость надежд и не ожидание счастья, а безысходность одиночества и бесконечные проблемы. Сумка ее с документами, ключами, деньгами и телефоном не нашлась после аварии. Одежду ей подобрали из забытых больными вещей, подкинуть до дома пообещал доктор. Он действительно оказался хорошим хирургом и очень позитивным человеком. Во многом благодаря ему, Ольга смогла вытянуться из той ямы, в которую в очередной раз ее загнала жизнь.

Примостившись на заднем сиденье старенького жигуленка Ольга задумалась о своей дальнейшей судьбе.

Работы нет, она уволилась из лицея перед поездкой к родителям Алексея. Обратного ее не возьмут, предупредили перед увольнением, да и учебный год уже начался. Сбережений — кот наплакал. Даже документы об образовании сгинули после аварии. Восстановить, конечно можно, но не сразу. Надо что-то придумывать, жить на что-то надо.

Выйдя из машины, Ольга поблагодарила доктора, извинилась, что не может отплатить ему за его доброту, и с грустью проводила еще один этап в своей жизни.

Взбежав на третий этаж, она позвонила в дверь к соседке.

— Теть Маш! Это я, Оля! Я ключи потеряла, дайте, пожалуйста мне те, что у вас.

Замок в двери щелкнул, дверь открылась и оттуда выглянула перепуганная пожилая женщина.

— Ольга??!! Ты? Откуда? Как? Ты где пропадала?

— Все-все, тетя Маш! Ключи дайте скорее! Я в больнице лежала, пропахла вся, отмыться побыстрее хочу!

— Оленька, так как же? А там же квартиранты! Тебя же не было, а я квартиру и сдала, чего, думаю зазря стоит, вот вернется Олюшка, ей и денежка будет. Да ты проходи, проходи, не сомневайся, все денежки до копеечки тебе отдам! Да ты поди и голодная, давай на кухню, я тебя накормлю.

— Тетя Маша! Какая еда! Как же ты мою квартиру решила сдать, там же вещи мои, книги...

— Так это... тебя же не было долго... вот я и подумала... чего зря пропадать добру. Ну и продала, что получилось. Там может осталось что, надо у квартирантов поспросить. Да ты не сомневайся, я все-все деньги тебе отдам.

— Тетя! Маша! Ключи!

— Так и ключи у квартирантов, как же они без ключей!

Ольга развернулась и перейдя через площадку стала звонить в свою дверь. Соседка испуганно выглядывала из своей квартиры, боясь выходить.

Ну слава богу, дома кто-то есть! Дверь открылась, на пороге показалась конопатая девчушка лет пятнадцати.

— Привет! - поздоровалась Ольга.

— Привет!

— Родители дома?

— Не-а... В деревню к бабке уехали.

— А я хозяйка квартиры. Вон, тетя Маша подтвердит. Пустишь?

Девчонка перевела взгляд с Ольги на тетю Машу, и та начала усердно кивать головой.

— Она-она! Оленька наша! Нашлась! В больнице лежала, вот выписалась.

Девчушка посторожилась, впуская ее в квартиру.

Остановившись на пороге, Ольга не знала, куда пройти. В ее чудесной ухоженной трехкомнатной квартирке везде висели, лежали, стояли чужие вещи.

— А пойдем на кухню, раздевайся, проходи, я сейчас чай поставлю, — зашептала девчонка. — А меня Настей зовут. А тебя я видела. Там, в комнате, где я сейчас живу, там фотографии висят. Похожа очень, только худая сильно.

Через полчаса Ольга знала, кажется, все о Насте, о ее родителях и бабушке с дедушкой, о подружках и школе и о многих людях, которых она никогда не знала и никогда не узнает. Как выяснилось, соседка сдала ее квартиру семье из пригородного поселка, которая перебралась сюда в поисках работы. Настя поступила в колледж, а родители пока находились в свободном плавании. В квартире они заняли родительскую спальню, в которую она почти не заходила после смерти мамы. Настя разместилась в Ольгиной комнате и бесхитростно предложила ей жить вместе.

В гостиной, к огромной радости Ольги, остались стеллажи с книгами, два кресла с журнальным столиком и пианино. Тетя Маша успела продать только новый стол со стульями, остальная мебель была довольно пожилой, и хорошо, благо покупателей на нее не нашлось. В спальне тоже почти все сохранилось, исчез компьютерный стол и мягкое кресло, которое Ольга купила совсем недавно. Зато, к счастью, старенький ноутбук притулился на тумбочке.

— Твой, да? Я пробовала войти, но он там пароль просит...

Интересно, чьим еще он может быть, если стоит в моей комнате?

— Настя, а вещи мои? Что-то осталось?

— В шкафу глянь, я все на верхнюю полку загнала, мне все равно высоко, я не достаю.

Отыскав среди вещей свой домашний трикотажный костюм, Ольга направилась в ванную комнату.

На царивший здесь беспорядок она не обратила внимания. После больничных обтираний, а в последнее время и ванн, собственная душевая показали ей верхом блаженства. Яростно смывая с себя вьевшийся, кажется, под кожу больничный запах Ольга словно отрезала очередной, не самый радостный кусок своей жизни, заперев его в дальние уголки души.

Забуть! Надо начинать жить по новой. Всего двадцать семь лет, это же еще целая жизнь впереди! — уговаривала она себя, глядя в зеркало на тощего, лохматого подростка, тоскливо смотревшего на нее из-за грани.

Где та стильная, уверенная в себе молодая женщина, всего каких-то несколько месяцев назад, считавшая, что наконец жизнь наладилась, и все прекрасно...

Нет! Никаких слез! Ее задача сейчас сделать из этого обросшего лохматого чудища что-нибудь удобоваримое! А в голове математика, а математиком Ольга была как говорится от бога, уже начал составляться план: деньги, одежда, салон, продукты... а дальше уже разборки с соседкой, квартирантами, и, самое главное — восстановление документов.

Еще повезло, что она относительно недолго провалялась, а то ведь могли и наследнички

липовые объявиться. Может и хорошо, что тетя Маша подсуетилась... Поди с черными ризэлтерами пободайся!

Вытянув все, что смогла найти из своих прежних вещей, Ольга с удовлетворением отметила, что их не так уж и мало осталось и принялась за ревизию. Конечно, кое-то придется докупать, исчезли шубка и зимняя курточка, но до зимы еще есть время, пара выходных платьев, ну не очень то они и нужны, и прежде одевала их не больше двух раз, может еще что-то пропало, сразу не вспомнишь, но это не принципиально теперь. А вот ветровочка, сапожки, деловые костюмчики, домашняя одежда, все на месте. Ну да, во-первых поношенные, чтобы продавать, во-вторых, Насте не по размеру. Вот и закинула подальше, чтобы не мешались.

Быстро подобрав нейтральную одежду — брюки, спортивную майку и джемпер, — посетовав, что нет колготок, она натянула первые попавшиеся носки, сапожки и, крикнув: — Настя! У тебя запасные ключи есть? — направилась в прихожую.

Ключи нашлись, правда замки уже были новые, но какая разница!

— Все, Настя, я пошла. А ты пока освободи мою комнату, переберись хоть в гостиную. Родители вернутся, разберемся.

Настя, дожевывающая бутерброд, явно не ожидала такого поворота, и только похлопала глазами, машинально прикрывая дверь.

Так, теперь деньги!

Тетя Маша открыла немедленно, подглядывала-подслушивала, равнодушно отметила Ольга.

— Теть Маш! Ты чай обещала!

Сообразив, что соседка не намерена скандалить, старушка резво метнулась на кухню!

— Так я что! Я сейчас, у меня и пирожочки спели. Ох, ты моя болезная, как же исхудала деточка...

— Тетя Маша... Не надо!

Ольга выросла у Марии Павловны на глазах, и ее жесткий характер был соседке не в новинку. Все перипетии болезни матери и последующей Ольгиной учебы в институте Мария Павловна, давно превратившаяся в тетю Машу, переживала вместе с Ольгой и искренне болела душой, помогая девушке, чем могла. Поэтому поток слезоточивых излияний мгновенно смолк, не успев набрать силу, и Мария Павловна стала ловко расставлять чашки, наливать чай, выставляя умопомрачительно пахнущие пирожки.

За чаем Ольга, неожиданно даже для себя, излила душу, рассказала Марии Павловне все, что пережила за это время, оставив на доньшке, для личного пользования так сказать, лишь то, что связано с Алексеем.

— Тетя Маша! Спасибо тебе!

— Да, бог с тобой, Олюшка! За что же!

— Спасибо, что квартиру сохранила, — и улыбнувшись добавила, — и за чай, за пирожки замечательные! Как же я по ним соскучилась!

— Ох, деточка! Я же думала, ты меня ругать будешь! — зашмыгала носом старушка, лихорадочно шаря по карманам в поисках платка.

— Нет, тетя Маш, я подумала, ты все правильно сделала. И деньги мне понадобятся сейчас, ну куда я без документов, а восстанавливать их непросто, да и не быстро. Спасибо, что на квартиру документы забрала. Может, еще какие-то сохранила?

— А как же, сохранила-сохранила... Все, что было в столе, все сохранила.

Приободрившись, поняв что гроза прошла стороной, старушка быстро засемила в комнату.

— Вот... все здесь, я не смотрела, мне без надобности, но бумажки все сложила, какие нашлись.

Ольга еще раз попрощалась, собрала весомую стопку бумаг и направилась к себе.

— Оля! Подожди! — окликнула тетя Маша, — я деньги принесу!

Через минуту она вручила Ольге небольшую шкатулку.

— Здесь все, и за квартиру, и за платья, и за шубку... Прости, если что не так.

— Тетя Маша, — всхлипнув, девушка обняла старушку и, пригнувшись, прижалась к ее морщинистой щеке, — ты ж у меня одна на всем свете! Родная моя!

— Так и я... и ты ж моя деточка! Я же думала невесть чего, думала, нету уже тебя... — и захлопала носом, неловко обняв Ольгу за талию. — Худышечка ты моя, изголодалась на больничном- то... Ничего, были бы кости... Все образуется..., - приговаривала старушка, слегка поглаживая Ольгу по спине, на которой сквозь свитерок прощупывались и ребра, и остов позвоночника.

— Все, тетя Маша, я пойду. С документами надо разобраться, да по делам сбегая...

— Конечно, Олюшка! Ты иди-иди... Да заходи потом, я пельмешки приготовлю, поужинаем! — встрепенулась Мария Павловна.

— Обязательно зайду, тетя Маш! Куда же я без вас!

Улыбнувшись, Ольга открыла дверь в квартиру. Как же немного человеку надо, подумала она, поговорила с близким человеком, и отлегло, оттаяло что-то на душе. Кинув ветровку на крючок, она пошла в свою комнату.

Да... ничего не изменилось... Настя сидела на диване, который служил Ольге, а теперь стало быть Насте спальным местом. На диван она забралась с ногами, закопалась в неприбранную постель и, уставившись в одну точку ритмично покачивала головой в такт музыке, доносившейся из плеера.

Дернув за проводки наушников, Ольга оборвала мелодию. Настя ошарашенно посмотрела на нее.

— Ты чего?

Ольга спокойно отвернула край постели, присела, глядя в глаза Насте.

— Слушай внимательно. Квартиру Вы заняли незаконно. Я — владелица квартиры. Я буду жить здесь. О том, что делать с вами, я буду решать с твоими родителями. А пока их нет ты быстро соберешь все свои вещи и переберешься или в гостиную, или к родителям в спальню, мне все равно. Еще принеси сюда все мои вещи, которыми вы пользовались в мое отсутствие. Это относится и к постельному белью, полотенцам, одеялам и прочим вещам. Это, — Ольга указала на постель, — постираешь... умеешь пользоваться машинкой?... хорошо... значит, постираешь, посушишь, завтра погладишь и тоже вернешь. Да... не забудь, как освободишь комнату, вымой ее. Все поняла?

— Дда... — все еще глядя изумленными глазами выдавила Настя.

— Ну вот и хорошо. Я приду к вечеру. Учти, ругаться я не буду, но если к тому времени ты не освободишь комнату, я приглашу наряд милиции и через десять минут ты со всеми вашими вещами окажешься на площадке, — пригрозила Ольга.

Изумление нахальной теткой сменилось пониманием и страхом. Настя быстро-быстро закивала головой и вскочила с дивана.

Ольга усмехнулась, работа в лицее научила ее справляться с подростками, а там

экземпляры попадают, не чета этой девчонке.

Так, документы!

Быстро освободив ящики компьютерного столика, использовавшегося Настей вместо туалетной тумбочки, Ольга сложила в нижний ящик документы и бумаги, принесенные от соседки, пошарившись, нашла чистый лист бумаги и ручку и выведя крупными буквами — НЕ ТРОГАТЬ ЯЩИКИ! — положила лист на столешницу.

Все. Теперь Настя не полезет, дня на два ей должно хватить сегодняшней беседы, а там разберемся.

Денег, вырученных соседкой, не хватило бы даже на одну шубку, которую тетя Маша продала явно за бесценок, но на первое время должно хватить.

Бывало и хуже!

Ольга нашла среди тряпок сумку-кошелку, застегнула в нагрудный карман ветровки деньги и ключи и вышла из комнаты.

— Настя! Я ушла! Закрой дверь! — уже на ходу крикнула она.

До ближайшего салона девушка шла медленно, наслаждаясь прогулкой, каждой клеточкой ощущая как отзываются на движение ноги, мышцы... Какое счастье, что она снова может двигаться, ходить, жить...

Что и говорить, она сама с трудом узнавала себя в этом лохматом чучелке с огромными сверкающими из-под отросшей челки глазами, что смотрела на нее из зеркала. Озадачив мастера, Ольга прикрыла глаза и погрузилась в свои мысли.

С квартирантами она разберется чуть позже. Если нормальные, то может и останутся на условиях коммуналки. Да... пожалуй так будет даже лучше. Квартплата, судя по сумме, врученной тетей Машей, не слишком велика, но Ольга никогда не роскошествовала, а бывало едва перебивалась на хлебе да овсянке. Не впервой урезать себя. Она вполне отдавала себе отчет, что восстановление документов, даже при условии, что копии всех их обнаружатся в куче бумаг, принесенных от соседки, дело не быстрое. Пожалуй, до Нового года придется побегать, искать временную работу не имеет смысла, вставать за прилавок или бегать промоутером Ольга зареклась сразу после окончания института. Хватит с нее, и намерзлась, и набегалась, и начистилась....

Надо ноут проверить... не полазила ли эта мартышка там основательно..... Телефон купить, хоть простенький. Хоть пока некому звонить, но документы, инстанции, справки....телефон обязательно нужен. И в поисках работы на будущее без телефона не обойтись.... Одежда. пока притормозим, кроме самого необходимого — белье, колготки, зимняя куртка... Да, куртка должны выглядеть прилично, но с ее наличием это нереально. Опять сэконд! А думала, что уже навсегда избавилась от перебирания-перемеривания вышедшей из моды одежды с чужого плеча. Иногда, при наличии превосходного чувства стиля и путем перебора сотен вариантов, ей все же удавалось купить недорогую стоящую вещь. Придется снова окунуться в мир сэконда... ничего, переживем! Нужная вещь обязательно найдется, а времени у нее сейчас не в пример больше, чем когда-то.

— Вот и все, моя хорошая! Готово! — выдернула Ольгу из полудремы парикмахер.

Всегда у мастеров клиенты «мои хорошие» и «мои девочки» независимо от возраста — промелькнула мысль — с другой стороны, как им обращаться к незнакомой клиентке, ну не «уважаемая» же, хихикнула про себя Ольга открывая глаза.

Вот теперь на нее смотрело собственное лицо. Неуловимо изменившееся — чуть острее

черты, четче скулы, больше глаза...похудела... Но главное не это... Взгляд... немного отстраненный взгляд ушедшего в себя человека, прожившего долгую нелегкую жизнь и точно знающего, что всему в этой жизни есть своя цена.

А в остальном... худощавая, привлекательная, теперь уже почти прежняя девушка с привычной для себя прической.

— Отлично! Спасибо! — поблагодарила Ольга мастера, с вопросительным взглядом ожидающего оценки своего труда, и, рассчитавшись, вышла на улицу.

Хорошо-то как! Ветерок теперь уже не лохматит, а слегка ерошит прическу, пробегаясь по лицу, волосам и слегка откидывая полы расстегнутой ветровки. Тепло. Остатки бабьего лета. Последние лучи заходящего солнца ласкают кожу. Теперь она, пожалуй, уже никогда не надышится, не нагуляется, не нарадуется... Не забыть, не дать заслонить текучкой эти ощущения! Сохранить их как очередную жемчужину в ожерелье свято хранимых в душе мгновений.

Обойдя ряд необходимых магазинчиков, Ольга завершила свой круиз в супермаркете, набрав изрядное количество продуктов и себе, и тете Маше. Не на халяву же ходить на пирожки!

Дом! Удивительно, как немного человеку надо для переоценки окружающего! Наверное так себя чувствуют моряки, вахтенные рабочие, да и просто все те, кто надолго отлучается из дома. Твой дом, твоё пространство, твоя жизнь.

Квартира встретила Ольгу все еще не разобранной кучей-малой, сваленной в коридоре и втягивающейся в гостиную. Но непосредственно комната уже была освобождена от лишних вещей, вымыта и даже проветрена.

Незаметно усмехнувшись, Ольга строго посмотрела на Настю.

— Вот молодец! Хорошо. Надеюсь, сегодня успеешь все разобрать. Отвлекись на пять минут, что там на кухне у нас? Пойдем посмотрим...

Оставив вещи в комнате и прихватив пакеты с продуктами Ольга прошла на кухню, следом притопала притомившаяся от хозяйственных хлопот девчушка. Настя бухнулась на табурет, а Ольга открыла холодильник, прикидывая, как разместить свои продукты.

— Давай-ка, ты поставь чайник, я там пирожных купила. А я сейчас освобожу вот эту полку, пока мои продукты будут лежать здесь. Запомнила? — дождавшись утвердительного кивка Насти, она переместила продукты, освободив одну полку и разбирая пакеты.

Закипевший тем временем чайник порадовал обеих переливчатым свистом. Через пару минут они уже мирно сидели за столом, заваривая чай и выкладывая пирожные, перекидывались вопросами-ответами и вполне были довольны друг другом.

Как и ожидалось, почти все документы сохранились в копиях. Не нашлась копия приложения к диплому, ну так она не очень то и нужна. Даже на собеседованиях редко кто добирается до этих глубин. Пожалуй, единственной необходимой бумагой, не оказавшейся в наличии, было свидетельство о рождении. Но, помнится, получить копию в загсе, где она была зарегистрирована, не слишком сложно. А остальные бумаги прямо завтра и начнет восстанавливать, и первым делом паспорт!

Наметив план работы на завтра, Ольга отобрала необходимые бумаги, сложила в пакет, — не забыть сумку купить! — и отправилась к тете Маше ужинать. Кучка вещей в коридоре постепенно уменьшалась, значит к возвращению будет убрана, с удовлетворением отметила она. Можно считать, что возвращение в родные пенаты прошло вполне удовлетворительно, по крайней мере, на сегодня.

Резко навалилась усталость, и если бы не обещание, данное соседке, пожалуй, она прямо сейчас упала бы на диван.

Исходящие паром и сногсшибательным ароматом, блестящие от масла домашние пельмешки!

Четыре месяца жидких супчиков и разваренной больничной каши! Когда пол-яйца, сваренные вкрутую и плавающие в сероватой воде гордо именуемой куриным бульоном, кажутся деликатесом! Опять подернулись влагой глаза, — что-то слишком часто нюни стала распускать! — одернула себя Ольга и улыбнулась вмиг встревожившейся старушке.

— Тетя Маша! Давай скорее! Слюнки текут!

— Так ты кушай, кушай! А я сейчас молочка налью!

— Ой, тетя Маш! Я там кое-что купила, не забудь в холодильник поставить, — кивнув на пакет, сказала Ольга. — Ммм...Вкуснотища... Тетя Маша! Вы кудесница!

— Ешь давай! Откармливать теперь буду! — подкладывая еще порцию, довольно

бурчала Мария Павловна. — Ишь! Кожа да кости! На ходу гремят!

Наевшись до отвала и с сожалением глядя на оставшиеся пельмени, которые уже никак не втискивались в переполненный желудок, Ольга расплзлась по стулу, норовя клюнуть носом в тарелку.

— Давай-ка, родимая, я тебе помогу, пойдем, провожу...

— Ой, тетя Маша, — встрепенулась Ольга, — спасибо, я сама... спасибо, тетя Машенька! Так вкусно!

— Да иди уж! — смутилась Мария Павловна, — да приходи утром, оладушек испеку! Да смотри, ждать буду, не вздумай сама готовить! — построжилась она, провожая ставшую ей ближе чем внуки девушку.

В сон Ольга провалилась мгновенно, успела лишь переодеться да расстелить постель.

Следующий день прошел в калейдоскопе инстанций, бумаг, очередей, закрытых дверей и наспех записанных приемных часов в различных конторах. К концу дня, после административного марафона, Ольга приползла домой не чуя ног. Сказывалась и травма, и долгое вынужденное лежание без необходимой активности мышц, и бесконечная беготня, которой Ольга так резко загрузила отвыкший от движения организм.

Единственной радостью по итогам дня стал приобретенный по объявлению телефон. Почти новый айфон предпоследней модели достался ей по совсем смешной цене, ввиду того, что хозяин айфона решил поменять его на новую модель. А у нее и прежний айфон был не самый-самый! Так что тут ей просто сказочно повезло.

Переодевшись и приняв душ, Ольга немного пришла в себя, дав зарок составить график поездок, распределяя их, и не стремясь все переделать в один день. И надо подтянуть физическое состояние. В больнице она, конечно, занималась, но слишком мало времени прошло с того момента, как ей позволили двигаться. Прогулки по утрам, бег пока отставим, и доступная на сегодняшний день гимнастика. Завтра донести кое-куда заявления, и можно заняться собой.

Через два дня, вернувшись утром с прогулки, Ольга едва втиснулась в прихожую, заставленную сумками, пакетами, авоськами. Из кухни доносилось щебетание Насти и низкий женский голос, вклинивавшийся в промежутках.

— Прибыли, — вздохнула Ольга. — ничего не поделаешь, придется разбираться. Чем быстрее, тем лучше.

Добрый день! — проходя на кухню, с доброжелательной улыбкой начала она знакомство. — Я — Ольга. Думаю, Настя уже обрисовала ситуацию. Мне бы хотелось сразу разрешить вопрос, если у вас сейчас есть время.

Мать Насти, невысокая полноватая женщина, еще не старая, но, видимо, уставшая той деревенской усталостью, что отличает женщин села от городских, настороженно смотрела на Ольгу со смесью ожидания, тревоги и готовности до последнего отстаивать свои права.

— Галя. — с опаской оглянувшись на Настю, представилась она. — Вот сейчас Коля подойдет и поговорим. Он сейчас, быстро, только за хлебом... и.... поговорим...

— Вот и хорошо, — еще раз улыбнулась Ольга, — тогда я пока в душ.

Когда она вышла из душа, Николай был уже дома, его басок слышался из гостиной. Подходя к открытой двери и в очередной раз представившись, Ольга предложила разместиться на кухне, потому что гостиная теперь больше напоминала склад, чем жилое помещение.

Переговоры прошли ко всеобщему удовлетворению. Оговорив частности стороны

быстро пришли ко обоюдному согласию. Квартплата, предлагаемая жильцами, оказалась намного выше, чем Ольга предположила исходя из предложенной соседкой суммы, как выяснилось, въехали они недавно и пока они оплатили только текущий месяц. Более того, они готовы были платить ту же сумму за две комнаты, оставив Ольгину комнату за ней. Сроки также оговорили пока до лета.

Ольгу все вполне устроило. Она человек не конфликтный, вместе с тем жизнь научила ее без ссор и скандалов добиваться того, что она считает необходимым. Поэтому предстоящее совместное проживание в одной квартире ее не слишком беспокоило. Лишь бы не слишком шумели. Привыкшая к одиночеству и больничному полусшепоту, она не любила шума в любых его проявлениях, будь то разошедшаяся гулянка или громкая музыка. Впрочем, добиться порядка в местах общего пользования она вполне способна, да и дома она не собирается сидеть, а в остальном... Вроде бы вполне адекватные люди, и сами боятся на улице оказаться. Николай, пожалуй, если и выпивает иногда, то не похож на буйного или запойного. Отношения между супругами уважительные, что редко случается в семье, где отец любит «горькую» больше семьи.

Поживем — увидим! Но будем надеяться на лучшее! Да, уж очень хочется хоть немного спокойствия, не больничной скуки и унылого покоя, а тихой уютной и немного бездумной тишины.

До Нового Года Ольга выправила все документы, получила паспорт и копии дипломов, вернула себе прежнюю спортивную форму и уже начала задумываться о работе. Состояние кошелька ее в этот период хоть и не позволяло бездумно относиться к покупкам, но было вполне терпимым.

Поэтому причиной появления мыслей о работе стало не финансовое положение, а стремление вновь ощутить себя полноценным членом общества. Но поскольку до Нового Года оставались считанные дни, то поисками работы Ольга решила заняться только после Новогодних каникул.

Этот так любимый в России праздник никогда не приносил ей ни веселья, ни радости. То счастливое время беззаботного детства, когда они втроем с папой и мамой проводили этот день, почти растворился в сознании и остался лишь легким воспоминанием чего-то радужного, сказочного и такого же недостижимого. После ухода отца из семьи, мать замкнулась, выражение боли и незаслуженной обиды навсегда поселилось в ее глазах. И встреча Нового Года в их маленькой семье почти свелась на нет. Дежурные салатики и елка также вскоре пропали из жизни. А спустя пару лет, мать и вовсе заболела, то выходя на работу на короткий период, то снова отправляясь в больницу, а там и навсегда оформила инвалидность и тихо угасала, не требуя к себе ни внимания, ни заботы, периодически перебираясь из дома в больницу и обратно. Тем не менее, она строго следила, чтобы Ольга уделяла учебе достаточно времени, и несмотря на то, что последние два года учебы в старших классах совпали с временем, когда появление мамы дома стало для Ольги особым праздником, та даже в больнице находила минутку, чтобы расспросить дочку об учебе, поинтересоваться ее делами и успехами. Безусловно, жить приходилось экономно, денег порой не хватало на самое необходимое, больница съедала почти все, что выплачивалось в качестве пенсии по инвалидности. Тем не менее, когда после школы Ольга заговорила о работе и, возможно, вечернем обучении, мать настояла, чтобы она поступила на дневной.

А еще через год мамы не стало.

Само собой, проводя много лет в одиночестве и Новый Год, и последующий за ним свой

день рождения, Ольга перестала радоваться обоим этим событиям. И сейчас раздумывала, что делать. Оставаться с квартирантами не хотелось, болтаться по улицам на морозе не очень приятно. Разве что с тетей Машей посидеть. Пожалуй, так будет лучше всего.

Соседи по квартире поинтересовались ее планами, слегка фальшивя огорчились тому, что она уходит, и наигранно настойчиво уговаривая остаться, но Ольга не обижалась на это. Она прекрасно понимала, что у каждого свое представление о празднике, и тоже была бы не рада, если бы пришлось по обязанности делить вечер с посторонними людьми.

Зато с тетей Машей она, на удивление, прекрасно провела время. Они вместе и приготовили, и посидели за столом, и даже открыли приготовленную запасливой соседкой бутылку шампанского. Осилить ее не удалось, зато настроение быстро подскочило до застольных песен. Ольга пела неплохо, немного играла на пианино, но сейчас ее удивила тетя Маша. Как оказалось, она знала не только песни своего времени, но и современную попсу, запевая то репертуар Бернеса и Магомаева, а то и вовсе песенки-припевочки девочек-попрыгушек. Так на два голоса они перепели все, что вспомнили, потом вспомнили, что не допили шампанское... В общем, первая за многие годы встреча Нового Года получилась душевной, не слишком веселой, но и не грустной, как раз такой, что оставила после себя хорошее воспоминание.

Последующий за Новым Годом праздник, свой день рождения, Ольга решила отметить тортиком в той же компании, и строго-настрога запретила Марии Павловне оповещать о столь знаменательном событии своих соседей. Не хотелось ей ни дежурных застолий, ни, тем более, дежурных подарков.

Напротив, ей самой хотелось сделать что-нибудь примечательное для единственного, ставшего ей дорогим и близким, человека. Ольга вдруг вспомнила, как много лет назад, когда еще мама была здоровой, они отмечали Олин день рождения, сидя втроем на своей кухне. И тетя Маша была еще не старушкой, а вполне крепкой женщиной в возрасте. И мама была самой красивой и самой лучшей мамой на свете!

Угощением и сюрпризом на столе был не торт, хотя и его Оля не помнила, когда ела в последний раз. А сейчас стол украшала огромная коробка с множеством маленьких пушистых шариков, похожих на сбившихся в кучку цыплят, только не желтых, а светло-кофейных. Их было так много, что несколько дней после дня рождения она трепетно доставала из коробочки по три шарика — маме, тете Маше и себе. И они наслаждались чашкой чая с восхитительным пирожным! Их нежный миндальный вкус Ольга сохранила в памяти до сих пор. Ей до слез захотелось вернуть отголосок того дня. Она быстро собралась и поехала в кофейню, что находилась недалеко от бывшей маминой работы, в небольшом тихом переулке в самом центре города.

Как ни странно, за все годы кофейня сохранилась почти в нетронутом виде, лишь появилась яркая рекламная вывеска над входом. Пекут ли они еще свои фирменные пирожные? Ольга задумчиво разглядывала витрину, краем глаза отметив вошедших посетителей. Клиентов кроме нее не было, поэтому, видя, что она еще не определилась с выбором, продавец метнулся к вошедшей паре, помогая девушке снять шубку. Будущая мама, с грустью улыбнулась Ольга, отведя взгляд от витрины на чуть наметившийся животик девушки, и снова вернулась к созерцанию витрины, прикидывая, чего и сколько купить.

— Нет, Наташа, никакого кофе, тебе только чай! — резанул по слуху знакомый до боли голос.

Ольга вздрогнула и застыла, боясь поверить своему слуху, и продолжая смотреть на

витрину.

Обслужив посетителей продавец подошел к Ольге:

— Девушка, вы определились?

Ольга скользнула по нему невидящим взглядом, и, полуобернувшись, посмотрела на пару. Алеша... дорогой. любимый. родной! Одновременно хотелось кинуться к нему, обнять, прижаться или бежать прочь, боясь этой выстраданной бессонными ночами в различных вариантах, и все-таки такой неожиданной, встречи!

Господи! Наташа? — только сейчас она осознала, что Алеша и эта юная девушка — пара!

Мгновенно отвернувшись, Ольга отрицательно мотнула головой продавцу и стараясь повернуться боком к сидящим за столиком молодым людям выскочила на улицу.

Торт, как и планировалось, был куплен по пути, Ольга даже попыталась изображать веселье за чайным столом, но, почувствовав что-то, Мария Павловна быстренько отправила ее домой с наказом как следует выспаться. Ольга ничего не чувствовала, ни о чем не думала, машинально сделала необходимые вечерние дела и легла спать.

Утром и вправду боль отошла, за привычными действиями спряталась, ушла в глубину горечь от нечаянной встречи. Как и все самые тяжелые моменты в жизни, Ольга постаралась отодвинуть подальше и эту встречу. Еще одна подножка на жизненном пути, сколько их уже перенесено!

И сколько еще будет?!

После новогодних каникул Ольга, как и предполагала, вплотную приступила к поискам работы. Несмотря на пятилетний опыт работы в престижном лицее, она все же чувствовала некоторую неуверенность. Никогда не хотела и не умела себя представлять, тем более хвалить. Конечно, самым лучшим было бы связаться с руководством лицея и попросить характеристику, но, вспоминая, как неохотно ее отпустили, предупредив, что она будет жалеть об уходе, но обратно де мол пусть не рассчитывает вернуться, Ольга не захотела унижаться до просьб. Придется начинать с нуля, нет, пожалуй, даже с минуса. После окончания института она по рекомендации педагогов попала в счастливую группу кандидатов, из которых набирали молодых выпускников в самую престижную среднюю школу — математический лицей. А сейчас Ольга прекрасно понимала, что поиски работы в середине года скорее отрицательный момент при найме на работу. Не бросают учителя без особой причины учеников среди года. А если уходят, то вероятнейшая причина — конфликт с руководством. И, как правило, по системе «я начальник, ты дурак», виноватым выглядит ушедший преподаватель.

Вздохнув, Ольга вернулась к составлению резюме. Ее старенький ноутбук, к счастью, остался в нетронутым состоянии, и кроме пыли на крышке его никто и ничто не побеспокоило. Так что все программы были на месте и Ольга быстро отщелкала стандартную форму, заполнив необходимые данные и уделив внимание краткому описанию методики работы в лицее,

прикрепила свое фото и разослала резюме в несколько агентств по найму.

Все. Анкета ушла, теперь надо ждать отклика.

Пробежавшись по агентствам в поисках предложений, и не отметив ничего привлекательного, она закрыла крышку ноутбука и в задумчивости побарабанила пальцами по столу. Пожалуй, большего и не сделать. Не бегать же по школам, задавая вопрос, а не нужен ли вам преподаватель математики?!

Спустя четыре месяца Ольга все также находилась во взвешенном состоянии. Она уже не ждала предложений и все больше замыкалась в себе. Первое время письма с предложениями приходили одно за другим, предлагая мало соответствующие анкетным данным должности — от секретарши до откровенно неприличных. Среди них попало несколько вакансий на учителя математики, но с переездом в другой город. Затем поток предложений иссяк, а связь с парой агентств сохранилась. Через них Ольга получала предложения на временную работу репетитором. Сотрудники агентств уже неплохо знали ее как ответственного человека, умеющего обращаться с детьми, и сочувствовали, пытаясь помочь с работой. За это Ольга была им очень признательна.

Даже такая временная работа отвлекала ее от рутины и от мыслей об упущенных возможностях. Только сейчас она поняла, как сказочно ей повезло после института! И какую непростительную ошибку она совершила, бездумно бросившись в новую, как ей казалось, счастливую жизнь. А ведь можно было, как и предлагал ей директор, оформить дополнительный отпуск без содержания, что плюс к ее двухмесячному оплачиваемому составило бы три месяца. Хватило бы времени и на поездку к родителям Алексея, и на последующую свадьбу, и, как предполагалось, на поездку к его месту работы, куда допускались только близкие родственники, представ там уже в качестве жены.

И не была бы она сейчас в такой патовой ситуации, и сохранила бы если не жениха, то хотя бы любимое место работы.

Для себя она уже почти решила, что если не найдет до начала следующего учебного года подходящее место работы, то оставит квартиру своим соседям под присмотром тети Маши и поедет в любой город, где будет вакансия.

Ольга всегда любила стоять у окна и наблюдать жизнь города. Эта привычка сохранилась у нее с детства, когда она часами простаивала здесь, мечтая, что вот из этого автобуса сейчас выйдет папа... Нет, на этот он не успел, значит на следующем... Нет, сегодня уже не приедет, наверное завтра... Постепенно она привыкла к этому и уже не ждала никого, а просто смотрела на машины, идущих людей, наблюдала за периодически возникающими между ними сценками. Порой ее мысли уносились далеко и она думала о своем, иногда выхватывая взглядом фрагменты городской жизни, мимолетно отмечая в сознании ту или иную картинку. И теперь в моменты сильного волнения или обдумывая что-то важное, она непременно подходила к окну, словно отыскивая там ответ на возникающие вопросы.

Вот и сейчас она стояла выпрямившись и сцепив руки за спиной, не касаясь подоконника, словно своей непроизвольно принятой позой бросала вызов.

Последний звонок! Ровно год назад так стремительно повернулась ее судьба. И за этим окном не ожидание счастья, как год назад, а полнейшая неизвестность, граничащая с безысходностью. Как стремилась, как царапалась по жизни, стараясь превзойти саму себя! Неужели же все напрасно?! И только память о маме, которая верила в нее и старалась отдать все, что может, не позволяла Ольге окончательно опустить руки и заставляла еще выше держать голову.

Нахмутив брови, она отошла от окна, привычным жестом открыла ноутбук, легко присаживаясь на край табурета и начала машинально листать почту.

Мусор. мусор... так, агентство... что тут? Письмо лично от директора агентства.

Жду завтра в 12 часов.

Вот так, без всяких объяснений. Анну Ольга уже неплохо узнала, та не стала бы

приглашать ее по пустяковому репетиторству, а просто прислала бы условия и контакты работы.

На следующий день ровно в 12 часов Ольга постучалась в кабинет Анны Борисовны.

— Добрый день! Можно?

— Да, добрый... Проходи, Оля! Присаживайся. Я сейчас, — не отрывая взгляда от компьютера ответила Анна. И перещелкнув несколько файлов, удовлетворенно остановилась на открывшейся картинке.

Ольга выжидательно смотрела на нее, не задавая вопросов.

— Тут у нас очень интересное предложение. Клиенту требуется няня для новорожденного ребенка сроком на месяц. Вознаграждение фантастическое!

По мере того, как Анна говорила, Лицо Ольги становилось все более изумленным.

— Не делай такие глаза, дорогая! Я понимаю, что это очень далеко от твоего профиля! Но Оля! Посмотри, какую сумму они готовы платить! Я столько не зарабатываю в месяц, а преподавателю и за год не снилось!

— Да, это все замечательно! Но причем здесь я? Я новорожденных только в кино видела!

— Оля! Ну что за детский сад! Требуется педагогическое образование? Есть! Требуется опыт работы с детьми? Тоже есть! Ах, с малышами? Да ведь ты вот недавно с годовалым нянчилась, и ничего, живы остались! Ну и что, что только родился! А интернет на что? Неужели не осилишь такую сложную науку? Каждая мамаша осиливает, а ты не сможешь?

Месяц! Всего месяц! В этот период дети почти 70 % времени проводят во сне! Остальное едят, писают, гуляют и снова спят! Неужели памперс поменять не сможешь?

— Аня, но ведь за просто так деньги не платят. Просто поменять памперс любая няня может. Что-то тут не так!

Анна сразу растеряла боевой настрой, сникла и устало выдохнула:

— Что-то не так... Да все не так... уже десятки вариантов перебрала, а ему все не так! Черт бы его побрал с его требованиями! Уже не знаю, где и искать..

— Ань... но если профессиональные няни не подходят, то как же я могу претендовать? Я бы хотела тебе помочь, но это из области фантастики. — сочувственно вздохнула Ольга.

Анна в задумчивости потерла переносицу и все же решилась:

— И особые условия у него еще... няня должна на месяц переехать к нему в дом. Выход из дома запрещен до окончания контракта, звонки, письма тоже... Не соглашаются нормальные няни на такое, а совсем безбашенных, которые согласны, он отмечает, — нехотя призналась Анна.

В кабинете повисла тягостная тишина. Ольга не знала, что сказать, Анна, видимо, исчерпала последние аргументы. Немного помолчав, уже не делая попыток убедить Ольгу, она задумчиво продолжила:

— Вот знаешь, чувствую, что хороший он человек... не может он ничего плохого задумать. И о ребенке беспокоится. И то, что с младенцем няня неотлучно должна быть понятно. Но почему безвыездно? Без связи? — и минуту помолчав, решилась:

— А давай так договоримся, я ему представляю твои данные, даю личную характеристику, и если вдруг! он заинтересуется, тогда ты берешься за это предложение? Оля! Я честно считаю, что там нет ничего опасного или компрометирующего! Ну не предложила бы я тебе эту работу, если бы думала иначе! По сути, что ты теряешь? Месяц проведешь в загородном доме, на полном обеспечении. Клиент, кстати, уезжает на месяц,

скорее всего вы даже не увидите. Привез водитель тебя, через месяц увез...

Ольга машинально встала и подошла к окну. Собственно, действительно, что ей терять. В конце июня контракт уже закончится, а сейчас такое время, что работу искать бессмысленно. Новые вакансии не выставляются, кому же в голову придет принимать педагога в начале лета, лишнюю зарплату платить. И Анну хочется выручить, да и доверяет она ее профессиональному чутью, ведь не первый год Анна успешно заведует агентством.

— Аня! А можно мне его данные?

Анна недоверчиво подняла глаза:

— Конечно, только инкогнито. Не хочет светиться. Пересылать?

— Хорошо, перешли.

— Твои посылаю ему?

— Ладно, уговорила... только тоже инкогнито, без фото. И еще... если дело дойдет до контракта, половину суммы авансом. Это ты можешь выговорить?

— Да запросто! — повеселела Анна, — а если уж и ты ему не подойдешь, то я ему прямо скажу, что он нигде не найдет себе няню!

Рассмеявшись над воодушевленной уже почти подругой, Ольга заметила:

— Думаю ему няня точно не нужна! Вырос, пожалуй, мальчик из ясельного возраста!

Переглянувшись, женщины расхохотались и, отсмеявшись, стали прощаться.

Несмотря на то, что агентство находилось далековато от ее дома, Ольга решила пройтись пешком. Весна нынче припоздала и на деревьях только-только начинали наклеиваться бутоны, ожидая устойчивого тепла, когда достаточно будет одной ночи, и сады оденутся в нежные бело-розовые накидки яблоневого, вишневого, сливового цвета.

Ольга вдруг ясно представила, что впереди ее ожидает новый поворот, и неожиданное ощущение дежа-вю нахлынуло с такой силой, что она остановилась посреди тротуара, растерянно глядя сквозь прохожих.

Не было! Не было этого ужасного года!

Домой! Там Алеша ждет! И разрыдавшись, не видя ничего перед собой, она кинулась к дому. Когда пелена спала, она уже подбегала к подъезду, умом вполне понимая, что все было, и никто не ждет ее у дверей, но сердце упрямылось и заставляло передвигать ноги, бежать по лестнице, чтобы добежав, уткнуться в стену, всхлипывая и сползая на пол.

До конца дня Ольга валялась на диване, выплескивая в подушку все, что накопилось за годы противостояния жизненным невзгодам. Завтра она снова будет независимой, уравновешенной и невозмутимой. А сегодня она всего лишь маленькая девочка, жестоко откинутая судьбой на обочину жизни, и всеми силами пытающаяся найти свою дорогу.

Наплакавшись за все прошлые годы и добавив еще немного в запас, Ольга усилием воли встряхнула себя, и пошла приводить в порядок зареванную физиономию. Остановившись у зеркала она с недоумением взгляделась в отражение. Никогда она не видела себя в таком состоянии, и то что предстало перед ней сейчас, было мало похоже на Ольгу, которую она знала. Ужаснувшись своему виду, она побрела в ванную, молясь, чтобы не встретить никого из соседей. Благополучно миновав коридор, Ольга заперлась в ванной и встав под душ надолго выпала из реальности.

Кто-то стучал в дверь, где-то звонил телефон, чем-то пахло из кухни... Наконец, она выплыла из забытья, оделась, и, замотав голову полотенцем и прикрывая распухшее лицо, пошла в свою комнату.

— Оля! — крикнула из кухни Настя, — у тебя телефон звонил!

— Хорошо, спасибо! — крикнула в ответ и проشمыгнула в комнату.

Отстраненно подумала, глядя в зеркало, что душ не очень-то и помог, что неплохо было бы маску сделать, но за ней опять в ванную идти, а значит не надо делать, а надо просто лечь спать, надеясь, что к утру само пройдет.

Зависнув в этих мыслях, Ольга не заметила, как подошла к столу, открыла ноутбук и развернула последнее письмо от Анны.

Она переслала данные нанимателя. Что ж, посмотрим.

Да он молодой! Почти мой ровесник. Почему-то при беседе с Анной он представлялся более солидным.

Дальше... руководитель высшего звена. Ух ты! А такой молодой!

Не женат... интересно, а дите откуда?

Имеет загородный дом, информация об остальном не предоставляется.

Предлагаемое вознаграждение... УХ ТЫ!!!!!!!

Требуется няня...

Условия...

Обязанности...

Вроде все хорошо, и интуиция притихла.

Соглашаемся! А то с такими срывами как сегодня, и до психушки недалеко!

Не давая себе времени на сомнения, Ольга уверенно настрочила ответ и отправила, не перечитывая, чтобы не было возможности передумать.

Поразмыслив, что во-первых, теперь уже обратной дороги нет, а во-вторых, ее еще никто не взял на работу, она успокоилась и протянула руку, чтобы закрыть почту, но кликнуло извещение.

Конечно же, письмо от Анны!

Анна сообщила, что клиент согласен!!! с ее кандидатурой. Еще бы не согласился, завтра ребенка из роддома забирает, а послезавтра с шести утра няня должна приступить к обязанностям.

Завтра же Анна подписывает контракт с юристом клиента, получает аванс и пересылает деньги Ольге на карту. А послезавтра в 5 утра за ней подъедет машина.

Все! Голова отказывается воспринимать это за реальность!

Надо соглашаться с тем, что утро вечера мудренее... выспаться как следует, потому что завтра придется изучать нюансы ухода за малышом, не до сна будет.

Суматошнее следующего дня для Ольги был только первый день беготни по инстанциям после выхода из больницы.

Врезать замок в дверь комнаты, перестирывать оставшееся белье, оплатить коммунальные платежи, передать тете Маше ключи и ц.у., пробежаться по магазинам для покупки одежды, в которой можно будет общаться с малышом, сложить вещи... ничего не забыть... Конечно, в условиях прописано полное обеспечение, но вряд ли это относится к средствам гигиены, или, допустим, к белью.

А под завязочку еще и информацию по уходу нужно просмотреть.

Она собирается всего на месяц, почему же ее не оставляет ощущение, что она расстается с этой квартирой надолго, если не навсегда? Если на самом деле допустить реальность предчувствия, то вот оно! Именно сейчас Ольга понимает, что здесь она уже посторонняя.

Что за напасть, почудится же!

Целований и махания ручками не было, Ольга накануне попрощалась с тетей Машей.

передала ей ключ от квартиры и комнаты, а соседям просто пожелала порадоваться тому, что поживут без хозяйки, и поулыбавшись, исчезла за дверью своей комнаты.

Теперь интернет! Информацию систематизировать Ольга умела и уже через несколько часов у нее была составлена пространная таблица с многочисленными параметрами, начиная от изменений физического состояния малыша в первый месяц, питания, гуляния и прочего, и заканчивая правилами гигиены и расписанием посещений патронажной сестры. Вроде бы все понятно, и для нее, не понаслышке знакомой с тонкостями ухода за больными и знакомой с правилами гигиены и стерилизации как инструментов, так и палат, не показалось все слишком сложным. Любую работу, за которую бралась, она старалась выполнить по максимуму, и здесь не переживала, в который раз перебирая в уме сложенные вещи, стараясь ничего не забыть.

Без четверти пять Ольга отключила ноутбук, выключила телефон и присела «на дорожку». Без пяти минут встала, окинула взглядом комнату, проверяя, все ли предусмотрела, подхватила довольно объемную сумку и вышла из квартиры.

Все будет хорошо! Все будет хорошо — как мантру твердила она, спускаясь по ступеням.

Он торопливо бежал вверх по лестнице, на ходу представляя, как и чем будет оправдываться за опоздание! Лихорадочно нажимая кнопку звонка, он нетерпеливо притопывал ногой и в ожидании щелчка дверного замка заранее слегка отклонился в сторону, чтобы не попасть под удар распахнувшейся двери.

Сейчас, сейчас его Оленька откроет дверь, она не обидится, она всегда все понимает, его девочка, его звездочка! Счастливая улыбка тронула его губы.

Ну что же ты, солнышко! Наверное, уснула! — подумал он, сильнее вдавливая кнопку.

Еще не тревога, но озабоченность легкой тенью проскользнула по лицу. Трели звонка были слышны через дверь, уже кто угодно проснулся бы. Но дверь все не открывалась. В растерянности, он присел на ступеньку, соображая, что теперь делать. Телефон у Оли не отвечал, он много раз пытался дозвониться и предупредить, что задержится на неопределенное время, но тщетно. Ее друзей и знакомых он не знал, родных тоже у нее не было. И куда бежать, где искать? Время позднее...

Резкий щелчок замка, раздавшийся в тишине подъезда, заставил его вздрогнуть и, вскочив на ноги, кинуться к двери. Но краем глаза он уловил, что открылась совсем не та дверь, которая нужна.

— Простите, — развернувшись, он увидел старушку, выглядывающую из квартиры напротив, — не подскажите...

— Подскажу, подскажу молодой человек... А вы, простите, не знаю имени-отчества?

— Алексей, — представился он.

— Вы ведь Ольгу ищете? — и получив утвердительное «да», старушка продолжила, — так ведь нет ее, как с утра в школу уехала, так и не возвращалась... Говорила, что с женихом уезжает, надолго, а может навсегда. Ключи вот оставила... за квартирой просила присмотреть... позвонить обещала... потом...

Старушка замолчала.

Алексей стоял огушенный, не в силах поверить, что соседка говорит о ней, о его любимой, о его дорогой Оленьке! Ведь они договорились встретиться у нее вечером! А она с утра попрощалась, отдала ключи и уехала? С женихом? С каким женихом? Куда?

Швырнув в угол букет белоснежных роз, Алексей круто развернулся и не попрощавшись, сбежал вниз.

Машина резко рванула с места, прижигая резину. Весь остаток ночи он гонял по городу, выплескивая безотчетную ярость, обиду, злость на себя и на нее. А к утру, когда эмоции схлынули и он смог хоть немного порассуждать, Алексей пришел к выводу, что единственное место, где можно хоть что-то узнать и где еще вчера утром была Ольга, это школа. Дорогу к школе он знал, потому что не раз подвозил Ольгу на занятия, поэтому минут через пятнадцать был уже у ворот. На территории школы была пропускная система, поэтому, оставив машину перед воротами, Алексей прошел к зданию и поднялся на крыльцо.

Несмотря на довольно раннее утро, вход в школу был уже открыт и охранник находился на своем месте.

Представившись, Алексей выяснил, что вчера дежурил другой человек, поэтому вопрос про Ольгу даже не стал задавать., а спросил как можно найти дежурного учителя или еще кого-нибудь из персонала.

— Минутку...сейчас кто-нибудь из детей спустится, тогда и попросим позвать дежурную. А, вон звезда летит! Наташа! — крикнул охранник.

— Чего, дядя Петя? — подошла девочка.

Алексей посмотрел на нее и зацепился за совсем не детский взгляд больших синих глаз. Девочка, вернее уже девушка, была невероятно красива. Правильное, слишком правильное лицо, чуть припухлые губы и ореол золотистых волос. Не по годам развитая точеная фигурка при довольно высоком росте. Просто куколка! Все это Алексей мгновенно выхватил взглядом и тут же рассердился на себя. Приехал про невесту узнать, а на малолеток заглядывается!

Наташа подошла походкой, хорошо знающей себе цену женщины, игриво изогнувшись, опираясь на стойку дежурного и в упор посмотрела на Алексея.

— Кончай глазами зыркать, сходи позови Ингу Игоревну!

— Сейчас, дядя Петя, — пропела Наташа сильным грудным голосом, от которого у Алексея пробежали мурашки, и взбежала по лестнице.

— Тьфу ты, — ругнулся охранник вслед. — Ну чисто ведьма! Ума ни на грош, а вертит всеми, как хочет! Разбаловали ее тут! Сирота она, вот и дожалелись. Такая оторва выросла, прости господи!

— Да уж! Если еще с характером стержовным! Не дай бог такой под каблук! — подумал про себя Алексей, и снова вернулся мыслями к Ольге. Что здесь ее в данный момент нет, он уже понял, но куда дальше? Никакого представления...

Наталья вернулась через несколько минут, сообщив, что Инга Игоревна сейчас спустится, но уходить не спешила, кося глазами в сторону посетителя. Детская непосредственность удивительно гармонично сочеталась в ней с вполне сформировавшейся фигурой, пока еще легкой и грациозной. Она напоминала игривую кошечку, осторожно пробующую коготки на очередной впавшей в ступор мышке.

Ингу Игоревну пришлось ждать недолго, но и она не могла ничего прояснить, так как и у нее вчера был выходной.

Алексей с огорчением попрощался и развернулся на выход.

— Я провожу, можно? — Наташа умоляюще сложила руки и посмотрела на Ингу Игоревну, потом на охранника, — дядя Петя, я только до ворот, честно-честно!

— Да иди уж! Егоза! — буркнул охранник, — смотри у меня, не балуй!

Еще один попался, — вздохнул он вслед удаляющейся паре.

А Наташа тем временем засыпала Алексея вопросами. Кто? За чем? За кем? Что хотел узнать? Почему грустный?

Алексей замахал руками и смеясь ответил, что с такой скоростью даже пулемет не справится, поэтому просьба задавать вопросы по одному.

Наташа снова скосила глаза в его сторону и непринужденно выпалила:

— А я вас знаю, вы Ольгу Васильевну привозили на работу. А кто она вам?

— Ну, девочка... Такие вопросы неприлично задавать незнакомым людям.

Лучше скажи, ты ее вчера видела в школе?

— Видела, — склонив голову набок и кокетливо поглядывая из-под ресниц, ответила Наташа.

Алексей впился напряженным взглядом Наташе в лицо:

— Во сколько? Когда она уехала? Она одна была?

Наташа звонко расхохоталась.

— Ну... незнакомый человек, — спародировала она Алексея, — с такой скоростью даже и автомат не справится!

Алексей непонимающе смотрел на нее несколько минут, потом тоже рассмеялся.

— Алексей Николаевич, — представился он.

— Хорошо, Алексей Николаевич. Сейчас расскажу. Давайте, сядем сюда.

И она опустилась на скамейку неподалеку от ворот.

Вот хитрая чертовка! — восхитился Алексей про себя, присаживаясь рядом.

А Наташа продолжала:

— Ольга Васильевна вела у нас математику. Вообще-то она хорошая, только задавака!

Так вот, как уроки закончились, позавчера значит, так она и уволилась, уезжая, говорит, с женихом. Ну это я сама не слышала, но все так говорили. А вчера утром она приехала за документами. Пошла в учительскую, потом скоро вышла и встала у окна, ждала кого-то, наверное. А потом увидела там что-то и побежала бегом по лестнице. Дальше я не видела, но девчонки говорили, парень какой-то молодой приехал. Жених, наверное. Все, больше ничего не знаю.

По мере рассказа Алексей все сильнее сжимал зубы, боясь застонать от боли, тягучая горячая волна, прерывая дыхание, разливалась в груди.

А Наташа, ничего не замечая, продолжала рассказ.

— А тоже скоро уеду отсюда. Надоело! Я школу закончила, вчера последний звонок был. Правда, жениха у меня нету, но можно в колледж поступить. В институт-то мне не попасть, ума не хватит, а в колледже тоже можно. Там стипендию дают тем, у кого родителей нет. И место в общежитии. И никто не надзирает, как здесь!

Наконец Наташа сообразила, что собеседник ее слишком долго молчит и повернулась к Алексею.

— Алексей Николаевич! Что с вами! Алексей Николаевич!

Она бросилась к крыльцу, вбежала в дверь:

— Дядя Петя! Там... там плохо! Алексею Николаевичу плохо! Он не дышит!

— Беги за врачом! Быстро!!! — закричал охранник, выбегая во двор, а Наташа стремглав кинулась в медицинский кабинет.

Скорая приехала, когда опасность уже миновала. Алексей пришел в себя и даже попытался шутить, что де мол его никакая зараза не возьмет, а сердце еще и его переживет. Тем не менее, он уехал на скорой в клинику, оставив ключи на вахте и попросив передать их водителю.

Отлежав положенное время, Алексей выписался из больницы и улетел по месту работы. Ольгу отыскать он больше не пытался. Сопоставив все факты и вспомнив ее слова, когда на шутливый его вопрос, а что ты будешь делать, если разлюбишь меня? Она также, вроде в шутку ответила- исчезну из твоей жизни.

Исчезла! Просто исчезла, без объяснений, без прощаний, без извинений... Наверное, она права. Без объяснений лучше.

Работа поглощала без остатка, он с головой погрузился в проблемы института. Коллеги, пытавшиеся выпросить у него про жену, которую он собирался привезти с собой, так ничего и не выяснили. Алексей ловко переключал разговоры на производственные темы и постепенно интерес к его семейной жизни угас, находя пищу в новых объектах.

Осень для Алексея наступила совершенно неожиданно! Кажется, вот только что он любовался весенней порой во всей ее красе, строил планы

на семейное счастье, пережил глубочайшее разочарование и потерю любимой, а за окном уже стывшая осень. Лета он просто не заметил, перебираясь с объекта на объект, спал урывками, загоня себя в попытках не вспоминать, не думать...

Боль от потери не исчезла, не растворилась, но она спряталась поглубже, оставив после себя глухую тоску.

То, что Алексей перестал бывать на корпоративах, приемах и просто проводить время в кругу друзей, коллеги связывали с его якобы женитьбой и семейными заботами, потому никто не настаивал на общении и не пытался затянуть его куда-нибудь на очередную тусовку.

Такой расклад более чем устраивал самого Алексея, поэтому он отмалчивался, улыбался, отнекивался, и всех все устраивало. Самые активные барышни может и повздыхали немного, но, не последний перспективный жених на свете, вскоре переключили внимание на другие объекты.

Самым тяжелым в этот период для Алексея оказалось общение с родителями. Он был и остался внимательным сыном, уважительно относился к требованиям и просьбам родителей, но до сих пор, с того памятного дня, не мог решиться встретиться с ними. Перспектива предстоящей встречи и последующих объяснений не давала ему покоя и заставляла каждый раз откладывать приезд, ссылаясь на срочные заказы, загруженность на производстве и на любую выдуманную причину, не позволяющую ему оставить объект.

Но сколько ни оттягивай, а концу быть. Все сошлось одно к одному. Он уже порядком просрочил плановый осмотр в клинике и оттуда бесконечным потоком шли напоминания. Матери предстояла серьезная операция и она категорически отказывалась давать согласие, не повидавшись и не пообщавшись с сыном. Да и на работе в Центре поджидали отчеты по результатам исследований.

Одна из лабораторий как раз завершала опытные образцы, которые должны были пойти в разработку. А далее предстояла длительная работа по доводке и запуску в серийное производство, беготня по комиссиям, сотни бумаг и подписей и прочая чиновническая тягомотина. Так что дома Алексей собирался пробыть долго, рассчитывая к лету уже вылететь на объект с готовым пакетом документов и утвержденным вариантом для серийного выпуска.

Мать Алексея, Маргарита Львовна Вересова (в девичестве Никольская), считала себя отпрыском дворянских корней, голову всегда стремилась держать гордо и смотрела на мир слегка свысока.

Хотя так никто никогда и не понял, каких дворян, и откуда она это взяла, но муж, а следом и сын, старались подыгрывать ей, что нисколько не мешало им эксплуатировать эти самые корни в семейной жизни. Маргарита Львовна прекрасно готовила, закатывала соленья-варенья и вообще содержала дом в идеальном порядке. Вполне привычная к армейскому распорядку, помотавшись четверть века по гарнизонам, она и на пенсии в доме следовала раз и навсегда заведенным правилам. И отец, и сын боготворили ее. Атмосфера в семье была легкой, доброжелательной, поэтому приезд сына всегда был особым праздником для всех троих.

Маргарита Львовна никогда не расспрашивала Алексея о личной жизни, но с надеждой ждала, когда же случится это чудо, что она сможет подержать на руках внучат.

Трель телефонного звонка застала Маргариту Львовну за стряпней, поэтому она крикнула через плечо:

— Коленька! Возьми трубочку, у меня руки в тесте!

Николай Николаевич взял трубку, слушая, по ходу монолога собеседника вставлял «да», «конечно» и «обязательно». Закончив разговор, он подхватил Маргариту Львовну со спины за талию и закурил по кухне. Та с возгласом — «ты что творишь, сумасшедший!» — развела перед собой перепачканные в муке и тесте руки.

Николай Николаевич осторожно поставил жену, развернул к себе, и обнял ладонями лицо.

— Дождались, Риточка! Дождались! Алешка с девушкой приедет сегодня вечером! Так что кстати твоя стряпня!

— Коленька! Как же?! У меня же ничего не готово!

— Ритуля! У тебя все есть! Она же не в ресторан едет! А накормить мы всегда накормим чем-нибудь.

— Ишь! чем-нибудь! — Маргарита Львовна воинственно выпрямилась, оставив руки в стороны — Много ты понимаешь! Алешка девушку привезет!!! А ты!... чем-нибудь...

Так! Сходи в магазин, купи рыбы, зелени свежей...

— Запиши, а то перепутаю все! — перебил Николай Николаевич.

И, Ритуль, ты, уж не пугай девочку своим дворянством, а? Алешка говорит, что у нее нет никого, мать умерла уже давно.

— Коля... — ласково, понизив голос начала Маргарита. Это означало одно — мало не покажется!

— Все-все! — вскинув вверх руки в защитном жесте и отступая, проговорил Николай Николаевич, — Риточка, я же... Так что купить-то? Надо поторопиться, а то уже и обед скоро, а дел невпроворот...

К вечеру, изрядно вымотавшись, но довольная собой, Маргарита Львовна гордо оглядывала стол, внося в сервировку последние шприхи. Все выглядит замечательно, впрочем, как всегда, отметила она про себя. Она любила красиво оформленные столы и умела их украсить соответственно событию.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Коля, а он не сказал, во сколько ждать?

— Нет, но ты не волнуйся, он предупредит, когда выезжать будут.

Раздавшийся спустя полчаса звонок был встречен обоими в большом воодушевлении, но улыбка, с которой Маргарита Львовна поднимала трубку, быстро погасла. Николай Николаевич зеркально отразил выражение жены.

— Не приедут, сегодня не приедут. У Алеши самолет задержали, еще не вылетел. Сказал, позвонит, если не ночью прилетит.

Алеша позвонил на следующий день к вечеру. Деревянным голосом сообщил, что все отменяется и приехать на этот раз он не сможет. Сразу вылетает на объект.

Больше эту тему Алексей не поднимал. Он иногда звонил между перелетами с объекта на объект, но ни разу за все время «не смог»! приехать домой.

В начале ноября ранним утром в квартире Вересовых раздался звонок. Как обычно, Николай Николаевич отвечал односложно, только «да», «нет», «хорошо» и подобное, поэтому Маргарита Львовна, привычная к звонкам в любое время, а также к тому, что из ответов мужа бесполезно пытаться составить представление о сути разговора, спокойно подремывала, надеясь что звонок случайный и им можно будет доспать еще часок-другой. Во времена службы после подобного звонка Николай Николаевич обычно потихоньку

одевался, стараясь не потревожить жену, и Маргарита Львовна, делая вид что спит, предоставляла мужу возможность проявлять заботу о ней. И как только закрывалась входная дверь, поднималась и принималась за хозяйственные хлопоты.

Сейчас же Николай Николаевич, напротив, шумно толкнул дверь спальни и раскрыв руки пошел к кровати.

— Ритуля!!! Подъем!!! Алешка едет! Уже приземлился!

Как-то само собой получилось так, что тяжесть, давившая на плечи Алексея все время с момента расставания с Ольгой, отпустила, ушла, едва он вошел в родительский дом!

Шальная открытая, совершенно искренняя улыбка расцвела на лице при виде тревожно-выжидательно застывших перед ним родителей. Широко раскрыв руки, бросая сумки, он шагнул к ним, обнял обоих за плечи и уткнувшись носом куда-то между ними, затылком к одному виску и носом к другому, вдохнул родной запах, запах дома, уюта и покоя. Как же он соскучился! Как не хватало ему домашнего тепла все эти месяцы!

— Мамулечка! — подхватил он подмышки, приподняв и прижав к себе начинающую всхлипывать мать.

— Пусти, тяжело ведь! — впрочем, не предпринимая попыток высвободиться, буркнула Маргарита Львовна, — давай сумки в комнату, мыть руки и к столу! — скомандовала следом уже другим тоном.

— Есть! — шутливо козырнул Алексей, опустив мать на ноги, подхватил сумки и шагнул по направлению к лестнице.

Его комната располагалась на втором этаже небольшого уютного дома, который родители приобрели после отставки Николая Николаевича, и с удовольствием окунулись в приусадебную возню молодыми еще пенсионерами. Алексей к тому времени только закончил институт и приступал к трудовой деятельности в экспериментальном отделе научного конструкторского бюро в огромной промышленной корпорации.

Когда при выборе места работы из всех предложенных вариантов Алексей остановился на этой вакансии, сокурсники пытались отговорить его, страшая налагаемыми подпиской о невыезде и другими ограничениями в будущей работе. А родители, напротив, ничего страшного не увидели в этом. Сами они прекрасно прожили и без заграничных курортов, и с удовольствием проводили время вместе, как правило на Черноморском берегу, в отдалении от активных курортных мест. Поэтому совершенно спокойно восприняли новость о месте распределения Алексея, не находя в этом ничего нового для себя.

Несколько дней Алексей провел дома, к великой радости матери с отцом. Отец с сыном ходили на рыбалку, и хотя возвращались без улова, все равно были довольны, а мать встречала их накрытым столом со свежей выпечкой. Утепляли розовые кусты, укладывали на зиму виноградные лозы, в общем, занимались обычной осенней работой на участке, а вечерами жарили шашлыки, наслаждаясь последними теплыми деньками.

Алексей уже немного сожалел о том, что не приехал раньше, так хорошо ему было дома.

Время позволенного себе отдыха пролетело незаметно. Пришлось смириться с неизбежным больничным заключением в преддверии предстоящей суеты и работы с документацией, зная, что потом никак не получится выкроить даже пару дней, не говоря уж о паре недель.

Маргарита Львовна также согласилась лечь на операцию, тем более, что и находиться они будут в одной клинике, только в разных отделениях, да и выписываться должны предположительно почти одновременно.

Послеоперационный период у нее проходил тяжело. На второй день началось воспаление и пришлось резать вторично. Усилием воли Маргарита Львовна гнала от себя паническое настроение, всеми силами стараясь отвлекаться от негативных мыслей. Она безоговорочно отказалась от отдельной палаты и на четвертый день уже переместилась в общую четырехместную. Общие больничные проблемы, разговоры о семьях, о лечении, сервисе клиники и его отсутствии и прочая болтовня отвлекали от грустных мыслей лучше всяких психологов. Неизменно дважды в день приезжал Николай Николаевич и приходил из своего отделения Алексей. Их приходу радовалась вся палата, дружно разбирая пакеты с гостинцами, и хоть всем им мало что можно было есть после перенесенных операций, гостинцам радовались как дети, складывая их в тумбочки до лучших времен, а там что-то передавали домой детям, чем-то угощали нянечек и сестер, в общем, гостинцы были не лишними. И Николай Николаевич радовался, что может хоть чем-то поднять настроение, а Маргарита Львовна улыбалась, глядя на суету вокруг своих любимых мужчин.

Через неделю после операции она уже потихоньку прогуливалась по коридорам отделения, поддерживаемая Алексеем, и даже слегка присаживалась на высоком стульчике возле облюбованного ими диванчика в уголке фойе. На диванчике устраивался Алексей, или оба с отцом, и они могли по часу, а порой и более, сидеть так глядя друг на друга и разговаривая ни о чем.

Дни пролетали незаметно, за окном уже пролетал первый снежок, по ночам температура падала до легкого минуса. Близился день выписки Маргариты Львовны, и Алексей решил выписаться парой дней пораньше, чтобы организовать встречу дома. Получив выписку и заказав машину на послеобеденное время, для того, чтобы напоследок еще подольше посидеть с матерью, он сидел в их любимом уголке в фойе и поджидал ее с обеда. Погрузившись в свои мысли, он не обратил, как чуть поодаль опустилась на диван девушка. И только когда услышал явные всхлипывания, Алексей поднял голову. Девушка сидела в противоположном углу дивана, уткнувшись лицом в стиснутую в руках вязаную шапочку, и, вздрагивая всем телом, она пыталась сдерживать периодически прорывающиеся рыдания. Алексей беспомощно оглянулся вокруг, как и многие мужчины, он терялся при виде женских слез и надеялся, что сможет кого-либо позвать на помощь. К сожалению, помощь не спешила.

— Я могу Вам чем-нибудь помочь? — негромко спросил он.

Девушка, не ответив, отрицательно помотала головой.

— Может быть, позвать сестру?

Девушка еще сильнее замотала головой, выдавив сквозь всхлипы:

— Ннет...нне нна-д-до....

— Я все же приглашу кого-нибудь, — поднимаясь с дивана сказал Алексей, развернувшись в сторону процедурной, и обрадовался, увидев приближающуюся Маргариту Львовну.

— О, мама! Ты вовремя, мне кажется, тут понадобится твоя помощь, — и он глазами указал на диван.

Маргарита Львовна мигом сориентировалась, присела возле девушки, приобняла ее за плечи и скомандовала:

— Быстро стакан воды!

Алексей моментально исчез, радуясь появлению матери.

Подав Маргарите Львовне стакан, он счел свою миссию выполненной и, чтобы не

мешать женщинам общаться отвернулся и открыл планшет. За чтением бумаг он не заметил возвращающихся Маргариту Львовну с девушкой, пока мать не хлопнула его по плечу.

— Алексей! Так все на свете проспидишь!

Он поднял голову и посмотрел на Маргариту Львовну непонимающим взглядом, в котором постепенно появлялось осмысленное выражение.

— Да, мама... что пора?

— Алеша, смотри, какую красавицу я привела! познакомься, пожалуйста...

Алексей перевел взгляд на девушку и у него вырвалось:

— Наташа?!

— Алексей Николаевич?! — одновременно воскликнула Наташа?

Маргарита Львовна ждала, вопросительно, с изрядной долей заинтересованности глядя на сына.

— Мама, это Наташа, — представил Алексей, забыв, что мать уже собиралась сама их познакомить, — мы встретились случайно, полгода назад в лицее, где Наташа училась. Не преувеличу, если скажу, что Наташе я, пожалуй, обязан жизнью.

Маргарита Львовна тревожно взглянула на Алексея, а он понял, что, забывшись, проговорился, и теперь мать не отступится, пока не выпытает все. Здоровье сына стояло для нее на первом месте, и никакие отговорки больше не помогут.

— Наташа, я очень рад, что мы встретились! Я так и не смог поблагодарить тебя за помощь, — обращаясь уже к девушке, улыбнулся Алексей.

— Мама, мне, пожалуй, пора. Я приеду за тобой послезавтра, без папы, хорошо?

Наташа молча с тоской смотрела на мать и сына и такое отчаяние сквозило в ее взгляде, что протянувший было руку для прощания Алексей остановился, вспомнив, что девочка сирота, и много лет провела в школе-интернате, не зная семьи. Глянув на стиснутую в руках шапочку, накинутое на плечи пальто и посмотрев на заплаканные глаза он спросил:

— Наташа, ты здесь надолго? Если уже закончила, я могу подвезти тебя до дома?

— Ннет... то есть да... то есть закончила. Спасибо, я доберусь сама.

Неловкую паузу разорвала Маргарита Львовна, попросив Алексея приехать завтра и привезти ей одежду, чтобы приготовиться к отъезду сразу после выписки, смеясь над собой:

— А то я в этой пижаме на старуху похожа, лишний час не хочу в ней проходить! И..Алеша, — добавила задумчиво, — конечно подвези девочку, не стоит ей сейчас по автобусам толкаться.

Алексей, удивленный ее словами, вопросительно взглянул, но не получив ответа, повернулся к Наташе.

— Обязательно подвезу! Никаких «сама», у тебя еще вещи есть? Нет? Тогда...

Мамочка! До завтра! — поцеловав мать в щечку, он подхватил небольшую сумку с Наташиными вещами и пошел к выходу.

Маргарита Львовна с тревогой смотрела им вслед, не понимая, какие отношения могут связывать ее сына с этой запутавшейся в жизни девочкой, и что он имел в виду, когда говорил ей, что обязан жизнью. В отличие от Алексея, она сразу догадалась о причине Наташиных слез. Плачут здесь девушки по двум причинам — или хотят ребенка и не могут, или не хотят, но уже поздно. Первая причина для столь юной особы еще не могла возникнуть, а вот вторая по глупости, в самый раз. Вздохнув, Маргарита Львовна, направилась в палату, размышляя о том, что завтра все же надо бы откровенно поговорить с сыном, пусть это не в ее правилах, но, как ей показалось, ситуация сложилась несколько

напряженная, и она не может понять ее причины.

Алексей с Наташей спустились в вестибюль. Выходя, Алексей автоматически придержал дверь, пропустив Наташу вперед. Она, смутившись, неловко проскользнула в двери и задержалась на крыльце.

— Алексей Николаевич, — зардевшись начала она, — может я все же сама доберусь, мне неудобно так...

— Наташа, что за проблема! Мне не составит труда отвезти тебя, не на себе же, на машине, — шутливо добавил он, улыбаясь.

Наташа тоже улыбнулась и в глазах ее промелькнуло прежнее лукавство.

— А я далеко живу.

— Вот и покатаемся. Ты мне про себя расскажешь, — подходя к машине и открывая дверцу продолжал Алексей, — забирайся!

Закрыв дверь, он обошел машину, сел за руль и тронулся.

— Ну, куда едем? — как заправский водитель лихо спросил он.

Наташа назвала адрес и Алексей удивленно воскликнул:

— Как же ты туда добираться? Это ж на краю света?

Наташа только пожала плечами:

— Вот так и добираться... — и умолкла, пригорюнившись.

Алексей, чувствуя неловкость девушки, перевел разговор на произошедшие весной события.

— Расскажи мне, что тогда, в лицее произошло? Никто ничего толком не знает, привезли в больницу, а что и как, неизвестно.

— Ой, Алексей Николаевич! — Встрепенулась Наташа, разом забыв про неловкость и огорчения. — Сели мы, значит, с вами на скамейку, я начала рассказывать, что хочу в колледж поступить. А потом глянула на вас, а вы сидите, как неживой! Прямо серый весь, голова откинута, зубы стиснуты, руки в скамейку вцепились! И не дышите! Я так перепугалась! Зову вас, зову! А вы не отвечаете, и глаза не открываете! — Наташа судорожно вздохнула, видимо вспомнив ту страшную ситуацию, всхлипнула и продолжила, — а потом я побежала к дяде Пете, кричу ему, дядя Петя, дядя Петя! Там Алексею Николаевичу плохо!

А он как рывкнет! Врача! Быстро!!!! Я прямо подпрыгнула и побежала к Лилечке. Ну этс мы так врача нашего, Лилию Викторовну, зовем. Лилечка как услышала, схватила чемоданчик свой и бегом к вам. Даже халат не одела! Я потом следом за ней побежала, а вы уже лежите на скамейке, дядя Петя вас держит, а Лилечка укол делает. Вот. А потом вы дышать стали, нормально дышать. Потом скорая приехала, вас увезли. Я потом спрашивала, никто ничего знал про вас. А тут вас увидела, просто не поверила! — она опять попыталась всхлипнуть.

— Ну все-все... все ведь хорошо? Я живой, видишь? Даже вот машину веду. — пошутил Алексей. — да мы еще всех переживем!

— Алексей Николаевич, я так рада! — глядя на него огромными блестящими глазами воскликнула Наташа, — Вы даже не представляете, как я рада, что вы живой!

— А уж я-то как рад! — усмехнулся Алексей, невольно поддавшись ее очаровательной непосредственности.

— Наташа, ты в колледж-то поступила? В какой? — продолжил он.

— Поступила... — нахмурилась опять Наташа. — в торговый...

— Это хорошо, что поступила, — продолжал Алексей, не замечая явного нежелания Наташи говорить на эту тему, — и как учеба?

— Да так... — нехотя ответила он, пожав плечами.

Бросив взгляд на девушку, отметив ее насупленный вид, Алексей не стал продолжать расспросы и стал рассказывать о себе. Говорилось легко, как в старые времена, когда они семьей ездили в поезде на море, и случайные попутчики охотно рассказывали о себе то, что иногда не смогли бы доверить даже самым близким людям. Так и сейчас, Алексей вдруг рассказал Наташе о своей любви, о разочаровании, о том, что после больницы почти полгода пытался убежать от себя и от своей боли, и о том, что впервые после того случая приехал домой. Закончив рассказ, он замолчал. Наташа тоже помолчала, но не вытерпев, тихо спросила:

— Это ведь она?

— Да. — ответил Алексей, прекрасно понимая, кого имела в виду Наташа. Они помолчали еще немного. А потом девушка так же тихо заговорила:

— Алексей Николаевич, я тоже вам все расскажу...

Я, конечно, поступила в колледж. Да что там не поступить! У меня и экзаменов-то, не было. Я же сирота, нас и не гоняют. А потом я из лица такого! Я в этот лицей еще когда мама с папой были живые пришла. Маленькая еще была. Тогда мы хорошо жили, деньги были. А родители оба археологи. Ездили все время. А больше никого у нас не было, вот я со второго класса и живу в лицее. Сначала-то неплохо было. Мама с папой приезжали, домой меня забирали. А потом они разбились на самолете, вместе разбились. Я в лицее осталась. Говорят, нельзя было сироту исключать, вот и повезло мне, что в таком лицее училась. Способностей-то у меня немного, наверное, исключили бы, если бы родители живы были. А так вот закончила. А в колледжи из него вообще всех сразу берут, только на несколько вопросов о себе надо ответить. Типа почему к ним пришел, да о чем мечтаешь... ерунду всякую спрашивали.

Наташа задумалась, а Алексей не торопил ее, слегка снизив скорость и спокойно глядя на дорогу.

Помолчав, она продолжила:

— Это в июле было... Я как раз в свою квартиру переехала, только мне восемнадцать лет исполнилось. До этого-то нельзя было, квартира опечатана, говорят, до совершеннолетия была. В общем, перебралась я. Квартира вроде хорошая у нас была, двухкомнатная, но большая, в центре. Я как-то не очень в них разбираюсь. Считаю, ни больших, ни маленьких не видела. Переехала я значит, сначала радостная была, а потом все закрутилось, не пойми как. В квартире вроде и не жил никто, она какая-то пустая и грязная. И мебели никакой почти нет, и вещей тоже. Но я же помню, что когда я была маленькая, все в доме было, и чисто, и красиво, и вещей много всяких было, и посуда... и еще игрушек много было. А еще мама с папой все время что-нибудь интересное привозили — маски всякие, кости какие-то, даже череп один раз привезли. Я его так боялась! А папа унес к себе в комнату, поставил на стол и смеялся, что «йорик», он череп так называл, сам меня боится. Так вот в квартире вообще ничего из этого не осталась. Даже «йорика», и папиного стола...

В общем, занятия через месяц начинаются, стипендию мне должны были дать только в начале сентября. Денег нет, жить на что-то надо. Вот и вернулась я в лицей. Там конечно я уже и не училась, но меня пустили, разрешили до сентября пожить. Через неделю прикатила

Ленка из моего класса. Она что-то из вещей забыла, приехала забрать. Разговорились...

Она и уболтала меня поехать с ними на море. На машине, их четверо, меня могли пятой взять. И про деньги тоже... сказала, что не надо париться, все оплачено. А я согласилась.

Наташин рассказ затянулся, Алексей давно уже проехал мимо дома, адрес которого она назвала, решив не прерывать девушку, но Наташа этого даже не заметила, отстраненно глядя вперед.

— Все было замечательно! Мы остановились в домике, очень близко от берега. В домике было 2 спальни, одна большая комната и кухня. Ребята поселились по двое, а я осталась в большой комнате.

Мы привезли с собой много продуктов, готовили сами. Я совсем ничего не умела, в лицее-то нас не учили этому, все в столовой кушали. А здесь кое-что научилась делать. Ребята смеялись надо мной. А я даже картошку не умела чистить. Сейчас и мне смешно. А тогда даже обижалась.

Через две недели мы все были уже черные, как головешки. Делать-то нечего, только купались и загорали. Девчонки просились съездить куда-нибудь на экскурсию, но ребята отказались. Они сказали, что зоопарк им и в жизни хватает. Причем здесь зоопарк!

А потом приехал Витя... Я сразу влюбилась, вот только увидела и забыла обо всем. Стою, как дура, смотрю и слова сказать не могу. А он такой красивый! Я даже в кино таких красавцев не видела! В общем, вытаращилась я на него, а он на меня смотрит улыбается. Не обидно так, даже ласково. Конечно, наверное все плятятся на такого красавца, привык давно. Потом мы еще неделю отдыхали, уже все вместе, Витя тоже с нами остался. В последний день перед отъездом мы на пляже шашлыки жарили, купались, сидели долго, потом все ушли. А мы с Витей остались...

Когда вернулись, я в свою квартиру уже поехала, на занятия через день выходить надо было. Витя со мной зашел. Посмотрел, давай, говорит, ко мне поедem, нечего здесь тебе делать. Я на него смотрела как на бога.

Да что там... я и сейчас его люблю без памяти.

Наташа снова замолчала, не замечая ничего вокруг. Слезы ручьем катились из ее глаз. Алексей понимал, что ей, как и ему самому часом раньше, необходимо облегчить душу, излить из себя накопившуюся там горечь, с тем чтобы иметь силы жить дальше. Поэтому машина неспешно продолжала катиться вперед, а он все также молча сидел рядом.

Встрепенувшись, Наташа продолжила:

— Вот и поехала я к нему. А квартира у него очень большая. Моя в сравнении совсем крошечной кажется. Он мне сразу отдельную комнату дал. До этого я всегда с девчонками жила. А теперь у меня целая комната, и в комнате так красиво все, как в кино. Жили мы замечательно! Любила его, до одури! Кажется, если бы сказал, надо из окна прыгнуть, то прыгнула бы и не спросила, зачем. Я на занятия ходила, он на работу. Ключи мне дал от квартиры своей, потому что я раньше приходила. Уборку делала, стирала. Сначала пыталась еду готовить, но Витя запретил, сказал, что лучше заказывать будет. Плохо я готовлю. Да и редко мы дома ели. Мы каждый вечер в клубы ходили, в рестораны, на приемы. Нас часто приглашали, называли замечательной парой. Даже фотографировали не раз. А мы на самом деле были самыми красивыми. Я знаю, я тоже красивая, мне всегда это говорили, еще в школе. Да и в зеркало смотрелась.

Счастливая я была!!! Летала на крыльях! Все девчонки мне завидовали.

Потом Витя предложил мне свою квартиру продать. Да и зачем она мне нужна была,

когда я и так у Вити живу. Он помог мне открыть счет в банке, карточку, чтобы деньги за квартиру туда на мое имя перевести. Он все сделал сам, потому что я ничего не понимаю в этом. А у него контора риэлторская. Как раз продажей квартир занимаются. Получилось, что просто продать нельзя, а можно обменять как-то. Витя пытался объяснить все, но зачем мне! В общем, он перевел мне деньги в банк, а еще отдал документы вот на тот домик, где я сейчас живу. Смеялся, говорит, в нагрузку домик дали, потому что не получилось по другому продать. Теперь, говорит, это твоя дача будет.

А у меня никогда денег не было. Мы радовались, что теперь я обеспеченный человек. Нет, Витя никогда не жалел денег для меня. Он мне и вещи купил, у меня ведь кроме школьной одежды не было ничего. И водил везде, и деньги давал, чтобы могла пообедать или купить что-то. Но когда свои деньги, это совсем другое. Купила я себе из одежды многое, шубку, сапожки вот... Хотела Вите подарок хороший купить, но не знала что выбрать. А когда его спросила, он еще и отругал меня. Говорит, не надо деньги тратить, у него все есть, а мне еще пригодятся. Так и не купила ему ничего.

А неделю назад у меня тошнота началась. Прямо на приеме едва до туалета добежала. Я и не поняла ничего, думала, что отравилась. Уехали мы домой, вроде прошло все. А назавтра снова... Я даже в колледж не пошла. Витя ушел... Вечером вернулся, принес тест на беременность. Я знала, что это, только не видела никогда. Но там инструкция есть...

В общем, дал мне Витя деньги и говорит, поедешь завтра в больницу, избавишься от ребенка. Я начала плакать, он кричать. Говорит, что рано ему отцом становиться. Поругались мы. Сильно поругались. Я считаю, что нельзя от детей избавляться, но он не согласился.

А вчера Витя собрал мои вещи, взял у меня ключи от квартиры и привез меня на дачку. Оставил продукты, документы, паспорт мой... Говорит, когда избавишься от ребенка, позвони.

Наревелась я... Но потом не до слез было. Там холодно жутко! Печка есть, но не получилось растопить ее. Не горит, зараза, только дым идет. Но Витя одеяло привез теплое. Закуталась я, не раздеваясь, пригрелась, уснула. А утром вот приехала, как Витя велел. Только поздно уже... срок большой. И что теперь делать, я не знаю....

Наташа уже не плакала, только периодически судорожно вздыхала каким-то тройным вздохом, затем как из шарика выпускала из легких воздух.

Они еще какое-то время покружили по улицам, потом руки сами направили машину в сторону пригорода. Помолчав еще несколько минут, Алексей сказал:

— Наташа, выслушай меня, не перебивай. Я сейчас живу с родителями, но у меня есть и свой дом. Я сам очень редко там бываю, тем не менее за домом постоянно присматривают. Мы можем поехать сейчас туда. По-крайней мере, там тепло и есть что поесть. Ты сможешь жить там, сколько будет нужно, но у меня есть ряд условий. Во-первых, ты не хозяйка в доме и должна будешь соблюдать заведенный там порядок. Во-вторых, ты не сможешь распоряжаться или отдавать приказы людям, которые там живут и работают. В третьих, я не потерплю панибратства или неуважения в свой адрес, либо в адрес близких мне людей. И последнее, возможно лишнее, но я озвучу — я не предполагаю никаких отношений между нами, кроме дружеских. Я признателен тебе за прошлое и искренне готов тебе помочь, но в свою очередь прошу, никогда не допускай такого поведения, чтобы его можно было понять как намек на наши близкие отношения.

Закончив, Алексей притормозил машину и повернулся к Наташе. Та сидела, напряженно

сцепив руки и уставившись в приборную доску.

— Наташа? Ты меня слышишь?

— А?... Да, я все слышала... я могу повторить, я все помню. Не нарушать, не командовать, не компроментировать, уважать...

Алексей расхохотался, — коротко, но по сути верно! Молодец!

Наконец и Наташа расслабилась и ответила:

— Согласна я! А куда мне деваться? На дачку ехать? Я и не найду ее сейчас, да и не хочу... А у вас, если можно, поживу пока. Я буду тихой, как мышка, правда-правда! Я уже и уборку делать могу, и еще могу научиться другое что делать! А могу, пока вас нет, за домом присматривать.

Алексей улыбался, глядя на этого совсем еще не видевшего ничего в жизни ребенка.

— Конечно, ты многому должна научиться. Давай, я тебе еще одно условие поставлю?

— Какое? — настороженно спросила она.

— Ты должна будешь присматриваться и учиться всему, что делают ухаживающие за домом люди. А когда я буду приезжать, буду принимать у тебя зачеты. Договорились?

— Договорились Алексей Николаевич! Я согласна! Мне вас сам бог послал! — захлопала в ладоши Наташа.

— Какое еще дите! — подумал Алексей, глядя в оживившееся лицо девушки.

Телефонный звонок застал Алексея на подъезде к дому.

— Отец потерял, еще бы, полдня где-то пропадаю... да, пап, слушаю..

Я сегодня не приеду, я к себе заскочу. А завтра к маме в одиннадцать. Что? Нет, ты дома оставайся, я сам привезу. Тебе утром что-нибудь надо? Тогда я сразу к маме... И цветы куплю, не переживай... помню-помню, да не волнуйся ты, приедем часам к двенадцати. Все! Целую! До завтра.

Алексей скосил глаза на Наталью, та с любопытством прислушивалась к разговору. Он прекрасно ее понимал, такой взрослый дядя, а папа его поучает! И опять ухмыльнулся. Определенно, эта девочка положительно на него влияет.

Подъехав к воротам, Алексей бибикнул и приготовился ждать. Он бывал здесь редко и понимал, что охранники не будут сидеть круглосуточно, не смыкая глаз, тем более, когда его нет дома. Да и не требовал этого. Несмотря на то, что дом у него был большой с огромным парком, ценностей, которые можно было бы украсть, в доме практически не было.

Не лезят современные воры за бытовой техникой в особняки с охраной, а мелкое жулье тем более. Потому и ждал, пока охранник проснется и сообразит, что хозяин приехал. А ждать и не пришлось долго. Через пару минут ворота открылись и охранник приветственно поднял руку. Махнув ответным жестом, Алексей проехал к дому.

Наталья смотрела широко открыв глаза. Она никак не ожидала такого! Вот это дом Алексея Николаевича? И здесь никто не живет? И он разрешил ей здесь пожить?

Пока Алексей подъезжал к крыльцу, в доме уже вспыхнул свет, со стороны флигеля быстро подходил мужчина лет пятидесяти, видимо охранник уже всем сообщил, что приехал хозяин. Поэтому дверь широко распахнулась и на крыльцо выскочила молодая улыбчивая женщина. Она, всплеснув руками, постоянно передвигаясь, делала несколько дел одновременно, то придерживая дверцу, то выхватывая из рук Алексея сумку с Наташиными вещами, и скороговоркой выговаривала ему:

— Ой, да что же это вы Алексей Николаевич! Да что же не позвонили-то? Да я бы и приготовила что-нибудь вкусненькое... Ой! — Она прикрыла рукой рот и широко открыла

глаза, когда Алексей, зайдя со стороны пассажирского сиденья, открыл дверцу и протянул Наташе руку.

— Познакомьтесь, это Наталья, — и, повернувшись к мужчине, представил его Наташе, — Василий. А это душа и хозяйка нашего дома — Вера.

— Ой, скажете, Алексей Николаевич! Хозяйка! Придумали же! — решила пококетничать Вера, но порозовела от удовольствия.

— Ну давай, хозяйюшка, приглашай нас в дом. Василий, поставишь машину и присоединяйся! — распорядился Алексей и пошел в дом. Наташа робко следовала за ним, боясь лишней раз повернуться. Но любопытство одолевало и она постоянно косила глазами то вправо, то влево, пытаясь как можно больше рассмотреть. А ей еще квартира Вити казалась огромной!

А Вера, интересно, жена что ли? А почему тогда она его Алексеем Николаевичем зовет? Нее... не похоже...

— Вера, мы наверх, а ты собери на стол, что есть, мы голодные, с утра не ели. Наташу куда можно поселить? — поднимаясь по лестнице спросил Алексей.

— Так... куда хотите, Алексей Николаевич. Можно на втором в любую спальню. Я сейчас Татьяну Николаевну попрошу, пусть белье постелит, да еще если что нужно принесет, — растерянно ответила Вера, не зная, как относиться к гостю. Оно и понятно, никогда, кроме родителей да иногда небольших компаний коллег и друзей, никого не бывало в доме. Кто эта Наташа? Будет здесь жить или погостит? Какие порядки заведет, если останется?

Задаваясь этими вопросами Вера не забывала об ужине и сновисто накрывала на стол. На плите уже закипала вода дляпельменей, а Вера быстро нарезала овощи на салат. Пока Алексей с Наташей принимали душ и переодевались Вера успела и приготовить, и на стол накрыть, и уже поджидала их, добавляя то одно, то другое к уже заставленному столу. И Василий, и Татьяна Николаевна тоже были здесь.

— Вот, не обессудьте Алексей Николаевич, из горячего только пельмени.

— Ох, Вера, кроме мамы больше никого не знаю, кто так отменно, а главное, быстро может накрыть стол! Да за этот стол прямо сейчас не стыдно любую компанию пригласить! Вот, Наташа, мы попросим Веру научить тебя своему искусству. Поможешь, Вера?

Вера зарделась от похвалы, но смотрела прямо, не опуская глаза, знала, что похвала заслуженная и гордилась этим:

— Отчего ж не научить, коли желание есть... — и пытливо посмотрела в глаза Наталье, перевела взгляд на Алексея, — давайте уж за стол, а я пока пельмени запущу, не варила заранее, чтобы не раскисли.

Зазвенели приборы, Наталья с Алексеем дружно налегли на еду, Василий с Татьяной Николаевной тоже не церемонясь, поддерживали хозяев, даже Вера улучила минутку, пока закипали пельмени, и присела вместе со всеми. Все ели молча, Алексею с Наташей было не до разговоров, а остальные деликатно не мешали.

— Все, готово! — Оповестила Вера, заглянув в кастрюлю, и ловко подхватив первой тарелку хозяина стала накладывать горячие пельмени.

Увидев, что разомлев от еды, Наталья в полудреме едва не клюет носом, Вера вопросительно глянула на Алексея и показала на нее глазами.

— Наташа, пора спать? — сориентировался тот, — пойдём?

Наташа согласно кивнула головой, сонно оглядываясь и вряд ли понимая где она

находится и куда идти. Алексей поддержал ее за локоть и повел в спальню.

Оставшиеся за столом домочадцы недоуменно переглянулись между собой. Поведение Алексея никак не вписывалось в привычную им картину. Все они уже несколько лет жили в этом доме и впервые видели Алексея с девушкой. Безусловно, они понимали, что когда-то в доме появится жена, хозяйка, но вот Наталья пока никак не вписывалась в эту фигуру. Обсуждать ситуацию они, конечно, не позволили себе. Работали все здесь давно и отлично знали принципиальность хозяина, который незамедлительно расставался с человеком при нарушении любого из условий контракта, одним из которых был запрет на обсуждение где-либо его лично и близких ему людей. И Вера, и Василий, и Татьяна Николаевна замечательно относились к Алексею, уважали и, можно сказать, любили его. Он никогда не унижал работников, не чинился и не дергал людей попусту, но был требовательным, и порой довольно жестким при нарушении соглашений.

И работники единодушно признали требования справедливыми и старались не нарушать ни одного из выставленных условий.

Вечером Алексей не успел познакомить Наталью с домом, распорядком и правилами, и попросил Веру поговорить с ней, когда та проснется. Предупредил, что девушка молодая, непосредственная и не в меру любопытная, и не стоит идти у нее на поводу. Он знал, что Вера все прекрасно поняла и предостережет остальных от ненужных подробностей в общении с Натальей. Попрощался и выходя заметил, что не знает, сможет ли приехать сегодня, но обязательно позвонит ей.

Вера проводила его серьезным задумчивым взглядом. Ясности в отношениях между этими молодыми людьми не прибавилось, напротив, все показалось еще более странным.

В клинику Алексей приехал вовремя, а иначе у него и не бывает, усмехнулся он, если только не вмешиваются чрезвычайные обстоятельства, как в тот злополучный день.

Поднявшись в отделение, он вручил матери букет ее любимых желтых хризантем, одарил соседок по палате, не забыв навеститься к лечащему врачу и персоналу, и, попрощавшись со всеми, подхватил вещи Маргариты Львовны и повел ее к выходу. Довольная своим сыном, Маргарита Львовна, как всегда гордо подняв голову улыбалась окружающим и желала скорейшего выздоровления. Кажется, за две недели она успела перезнакомиться со всем отделением, что ничуть не удивило Алексея, знавшего, что его мать знают все, и она тоже знает все обо всех.

Дом встретил Маргариту Львовну привычным теплом, радостной улыбкой выбежавшего навстречу Николая Николаевича и накрытым по случаю столом. Слегка прищурился, хозяйка ревностно окинула стол, сразу заметив несоответствие в сервировке и, успокоившись, похвалила мужа, вопросительно ожидавшего оценки его труда.

— Коленька, я смотрю, и не нужна скоро буду в этом доме, вы и без меня прекрасно справляетесь, — притворно вздохнула она, обнимая любимого мужчину.

— Ритуленька! Золотце мое! Ну куда же мы без тебя! Думал, не дождусь, места не находил! Лучше бы мне в больнице валяться! — едва не пустил слезу Николай.

— Конечно лучше, — рассмеялась Маргарита Львовна. — Там, во-первых, некогда скучать, процедурами замучают, а во-вторых там такая компания большая, шумно и весело!

За шутками и дружескими подколками прошел обед. Все переместились в гостиную. Она было небольшой, но имела камин, что было гордостью Николая Николаевича, который терпеть не мог искусственные камины. Он самолично после покупки дома и небольшой его перепланировки устроил в доме это чудо, а комната, где оно разместилось, соответственно

стала гостиней. Теперь они часто проводили здесь время, наслаждаясь теплом живого огня. Так и сейчас, подвинув поближе кресла, они расселись возле растопленного камина, устремив взгляды на горящие поленья. Каждый думал о своем и также каждый мог задать друг другу множество вопросов, но все молчали. Никто не хотел нарушить спокойного очарования долгожданных посиделок. Здесь смешалось и успешно прошедшая операция, и еще не утоленное желание родителей подольше пообщаться с так редко приезжающим сыном, и чувство вины Алексея за долгое отсутствие и скрытые от родителей события в своей жизни, и стремление матери вывести на откровенность сына и в то же время понимание бесперспективности такого шага, и многое другое. День плавно приближался к вечеру, за окном сгущались зимние сумерки, а они все так же сидели у огня, иногда перекидываясь ничего не значащими фразами. И никому из них не хотелось нарушать сложившуюся атмосферу домашнего покоя.

— Алеша, ты сегодня у нас? — как бы между делом спросила Маргарита Львовна, не отводя взгляда от огня. Она уже успела во время обеда перекинуться с Николаем и знала, что прошедшей ночью Алексей ночевал у себя. Маргарита Львовна была проницательной женщиной и сопоставив вчерашнюю встречу с Натальей с ночным отсутствием сына, сделала определенные и почти правильные выводы.

— Думаю, нет, — улыбнулся Алексей. Мне кажется, вы не будете сегодня скучать без меня. — И, посерьезнев, обратился к матери, — Мама, мы поговорим позже, обязательно поговорим, не волнуйся, не переживай. У меня все хорошо, и нет причин для беспокойства.

Маргарита Львовна облегченно вздохнула и расцвела искренней улыбкой, а Николай Николаевич благодарно взглянул на сына, успокоенный его заботой о матери. Он ведь чувствовал тревогу своей любимой жены и не знал, как ее развеять. А сыну хватило для этого пары фраз.

Алексей, как и обещал, позвонил Вере, как только выехал. Дорога между его домом и родительским занимала около получаса и приехал он к себе еще не поздно. Вера встретила его напряженным встревоженным взглядом, не решаясь заговорить.

— Что случилось? — сразу задал вопрос Алексей,

Вера секунду задержалась, но все же ответила:

— Наташа еще не вернулась, я беспокоюсь.

Алексей не стал выяснять причин, почему уехала, почему не отвезли-не встретили, а спросил четко и по делу:

— Номер телефона оставила?

— Нет.

— Когда уехала? Куда? На чем? Одна? Говорила ли когда вернется?

Вера, уже знакомая с методами решения Алексеем возникающих проблем, сначала решим, потом разберемся, потом накажем или похвалим, так же по существу ответила:

— Уехала утром вскоре после вас. Сказала, занятия с десяти. От машины отказалась, спросила как проехать на автобусе. Показала ей остановку, назвала маршрут, расписание и конечную остановку в городе. Уехала одна, я сама посадила ее на девятичасовой автобус. Время в пути 25–30 минут. Сказала, что занятия в колледже до трех, с четырехчасовым должна была вернуться. Сейчас пять. Можно подождать на остановке, возможно с пятичасовым приедет. Если нет, можно в город на конечную поехать и там подождать. Я так и хотела сделать. Минут через двадцать автобус подойдет.

— Вера, я сам поеду, вы здесь оставайтесь. Если разминемся, позвоните мне.

— Конечно, Алексей Николаевич! И еще... у нее пальтишко... а сегодня морозец. Я предложила ей шубку, но она отказалась, — виновато опустила голову Вера.

— Вера! Прекратить! Вы не виноваты ни в чем! Это я должен был подумать, а не бросать девочку, не поговорив толком. Не волнуйтесь, все образуется. Вы вот пирожков с брусничкой не сделаете? — Алексей подмигнул Вере и вышел.

— Хитрец, — подумала Вера, — но пирожки будут.

Наташа не приехала и с этим автобусом, и Алексей поехал в город. На остановку он прибыл за десять минут до отправления, но в автобусе Наташи тоже не было. Решив подождать десять минут, Алексей остановился так, чтобы видеть вход и внимательно смотрел за подходящими к автобусу людьми. К сожалению, она не появилась. Автобус отошел, а Алексей, уже заранее решившись, поехал по адресу, где находилась «дача» Наташи. Это было близко от конечной, где он ждал Наташу. Доехал он минут за пятнадцать и, уже подъезжая, увидел свет в окнах.

— Все правильно, приехала за вещами, — досадливо подумал он, — Мог бы предусмотреть, что она с приема из больницы и вещи все здесь. Надо же ей во что-то переодеться. Идиот, чем думал!

Он постучал в дверь, как и ожидалось, открыла Наташа, удивленно взглянув на него.

— Добрый вечер, Наташа. Можно войти?

— Конечно! — она слегка отступила, пропуская его внутрь.

Алексей вошел, окинул взглядом интерьер «дачи» и остановился на упакованных вещах.

— Наташа, ты документы на эту «дачку» взяла с собой?

— А зачем, Алексей Николаевич?

— Просто хочу посмотреть дома, ты не против?

— Ну конечно, нет, — Наташа метнулась к старенькому комоду и открыла ящик. — а что брать?

— Бери все, что есть.

Она кивнула головой схватила полиэтиленовый пакет и выгребла из ящиков все, что осталось от предыдущих хозяев, и то, что передал ей Виктор.

— Вещи все забрала? Возвращаться не понадобится?

Наташа отрицательно помотала головой и попыталась взять одну из сумок.

Алексей перехватил, легко поднял и понес к машине.

— Догоняй!

Пока Наташа одевалась и замыкала дверь, Алексей завел машину и набрал номер телефона Веры, сообщив, что Наташа с ним. Открывая Наташе дверь, он с удовлетворением заметил, что девушка уже в зимней шубке, и с легкой улыбкой тронул машину.

Пирожки с брусничкой еще не подошли, но ужином их накормили. Алексей сразу обменялся с Наташей телефонными номерами, не оставляя на утро, заставил записать номера Веры и Василия и попросил оставить Вере расписание своих занятий и адрес колледжа. Еще договорились, что Василий будет отвозить ее утром и забирать после занятий, а Наташа всегда будет предупреждать, если будут изменения. И по всем хозяйственным и личным вопросам обращаться к Вере.

Немного ошалевшая от такого количества заботы, проявленной посторонними ей по сути людьми, Наталья долго ворочалась в постели, пытаясь хоть немного разобраться в происходящем.

Веру вполне устраивала жизнь в усадьбе Алексея Николаевича. В свои тридцать с небольшим лет она успела поработать во множестве мест, начиная от торговли на лотке и заканчивая попытками организовать свое собственное дело. Бойкая, активная, неутомимая и очень неглупая, она может и поднялась бы в предпринимательстве, попади в должную струю. Но ей не повезло, как и многим в этой сфере, где десятки и сотни подобных «Вер» должны были, и даже просто обязаны были своими трудами вымостить дорогу для единиц, прорвавшихся наверх. Имея легкий всепрощающий характер, Вера не стала отчаиваться или доказывать окружающим свою состоятельность, хотя не сомневалась, что смогла бы снова встать на ноги, а просто оставила все и ушла простой домоправительницей к Алексею Николаевичу, очень вовремя рассмотревшему ее потенциал. А поскольку Вера к тому же, можно сказать, родилась с поварешкой, то ему, избалованному кухней Маргариты Львовны, вдвойне повезло. И вот уже сколько лет он не знал забот с домом, а Вера как прижилась здесь, так и думать забыла о другом деле. Естественно, что появление Натальи вызвало у нее ощущение тревожного ожидания. Так не хотелось снова оказаться в подвешенном состоянии.

Вера внимательно присматривалась к Наташе, но та пока была скована, зажата и вела себя так, словно заняла чужое место и очень боится, что ее попросят с него. Вера была уверена, что через день-два, когда Наташа утвердится в своем положении, тогда и можно будет сказать что-то определенное о ее характере. За кажущейся беспечностью и неутомимостью Веры скрывался острый ум и способность к аналитическому мышлению. А многочисленные жизненные перипетии научили ее хорошо разбираться в людях. Поэтому, положившись на судьбу, она решила во что бы то ни стало помочь Алексею, приняв участие в Наташиной судьбе. Пусть будет, как будет, а она поможет ему в том, о чем он попросил ее еще раз перед отъездом, хотя бы в благодарность за прошедшие спокойные годы, если вдруг окажется она позже не ко двору при новой хозяйке, да и еще вилами по воде писано, выйдет ли та новая хозяйка из этой красивой куколки.

Решив для себя этот не самый простой вопрос и приняв решение, Вера отмела все сомнения и с улыбкой встретила спускающуюся вниз Наталью.

Алексей, — а опустив отчество, Вера позволяла называть его только про себя, даже между собой они никогда не допускали фамильярности, — уехал спозаранок. Вера вставала еще раньше, поэтому к его отъезду уже был готов свежий завтрак. Еще раз оговорив отдельные моменты, он поручил Наталью Вере и уехал.

Все в доме давно привыкли ко внезапным приездам-отъездам хозяина и Вера была всегда готова встретить и проводить, накормить и прислать машину, принять гостей и выполнить любой заказ Алексея. И сегодня она приняла все как должное, не задавая вопросов, когда, куда и зачем.

Второе утро просыпаясь в особняке Алексея Николаевича, Наташа никак не могла поверить своему счастью. И настороженно оглядывала нижний холл, спускаясь по лестнице, и пытаясь определиться, как себя вести в этом доме.

Снизу вверх, приветливо улыбаясь, на нее смотрела Вера.

— Добрый день, Наташа! Ты как раз вовремя, мы завтракать собираемся, проходи на кухню, мы всегда здесь кушаем, когда Алексея Николаевича нет.

— А его нет? — огорченно спросила Наташа.

— Нет, — подтвердила Вера, делая вид, что не замечает ее вопросительного взгляда, и направляясь к кухне.

— А куда он уехал? Когда вернется? — вопросы Наташа задавала автоматически, с почти детской непосредственностью, как привыкла всегда в среде детей и прочих обитателей школы.

— Он не должен нам докладывать, — мягко остановила ее Вера, — уехал по своим делам, вернется, когда сочтет необходимым. Если тебе что-то надо, я во всем тебе помогу. А сейчас пойдем-ка, поможешь мне накрыть на стол. Так и побыстрее будет.

Побыстрее не очень получилось, но Вера не спешила, незаметно перекладывая выставленные Наташей приборы и между делом подсказывая и направляя ее действия, а для себя отмечая, что все надо начинать практически с нуля.

Завтракали как обычно, перекидываясь вопросами-ответами о предстоящих на сегодня делах, поездках и прочих мелочах. Непринужденность обстановки сняла напряжение, возникшее в первые минуты, немного погодя и Наташа начала задавать вопросы. На многие из них она получала ответы, то от Веры, то от Василия, оказавшегося вполне добродушным мужчиной, вроде охранника дяди Пети, то от Татьяны Ивановны. Но часть из них оставалась без ответа, как бы забываясь в ходе беседы, на них никто не акцентировал внимания, но Наташа уже начала понимать, что люди, сидящие с ней сейчас за столом пропускают мимо ушей вопросы именно об Алексее Николаевиче и его делах. И сразу, заалев, вспомнила условия, которые озвучивал ей Алексей Николаевич, сидя за рулем, когда предлагал ей пожить здесь. Тогда она готова была на все, только быстро забыла и начала совать свой нос куда не надо. Но она и сейчас готова, надо только постараться. И Наташа опять замкнулась. Но Вера, заметив и краску девушки, и перемену в настроении, в свою очередь стала задавать ей вопросы на знакомую той учебную тему, не замерзла ли она вчера, добираясь на учебу, поскольку было морозно? Удобно ли размещена остановка и сколько ехать от нее до колледжа? На какой улице тот расположен? Сколько лет учиться? Какие предметы сейчас преподают и как долго будет такая большая нагрузка? Как умелый педагог, она подводила Наташу к необходимым ей ответам.

После завтрака Василий забрал Наташу, взяв у Веры список покупок, чтобы по пути проехаться по магазинам, и они уехали.

Спустя неделю, Наташа уже вполне освоилась в доме. В выходные дни Вера провела для нее короткую экскурсию, они обошли почти весь дом, не поднимаясь на верхний хозяйский этаж, вход на который дозволен был только Вере, и по необходимости ее доверенному лицу. Но за все годы такой необходимости не возникло, и Вера самолично убирала в комнатах и следила за порядком на всем этаже. Попутно Вера давала пояснения, как и что делается в доме, какими силами и в каком порядке, когда меняется белье, время завтраков-обедов-ужинов и прочие моменты, касающиеся содержания и режима дома. К чести сказать, Наташа с энтузиазмом поддерживала ее, задавала множество уточняющих вопросов, которыми часто сместила Веру, но тем не менее, девушка понемногу начала входить в курс дела. По крайней мере, она уже знала, что второй этаж предназначен для жилья всех находящихся в доме, кроме Алексея Николаевича и Василия. Здесь сейчас было занято три спальни в правом крыле дома, на месте четвертой размещалась общая просторная ванная. В левом крыле было всего две спальни, по одной с каждой стороны, но при каждой был небольшой кабинет и отдельная ванная комната. За все время, пока Вера работала здесь, это крыло никогда не занималось, но и такие сведения она придерживала, считая, что Наташе не нужно знать

сверх необходимого. На первом этаже, кроме соответственно огромного, частично двухцветного холла, столовой и просторной кухни, находящихся в центре дома, было пристроено два обширных гостевых крыла, где тоже всего дважды останавливались гости, приехавшие как-то с Алексеем Николаевичем на конференцию. Вера помнила, что тогда он строго-настрого запретил упоминать его имя в качестве владельца дома, сказав коллегам, что случайно дом его знакомого пустует в данный момент и он любезно согласился предоставить его на несколько дней. Она решила, что Наташе тоже незачем знать, кто, когда и как останавливался здесь, поэтому, вопрос Наташи, для кого предназначены эти апартаменты, как часто здесь бывают гости предпочла не услышать. Наташа оказалась девочкой понятливой и быстро училась не задавать неудобных вопросов.

Следующий из двух выходных дней был посвящен саду и парку. Теперь уже Василий проводил экскурсию. К этому времени уже выпал снежок, и прогулки ограничились аллеями и дорожками, потому что по тропинкам парковой части уже сложно было гулять. Снег подтаивал, смешиваясь с песком и землей, и превращался под ногами в малопригодное для прогулок месиво. Но и доступной для обхода территории оказалось достаточно, чтобы по возвращении Наталья не чувствовала ног.

Увидев активно снующую по кухне и столовой Веру, она с улыбкой спросила:

— Вера, что случилось? Что ты так носишься?

— Так, Наташа! Быстро переодевайся и сюда! Будешь помогать! Да живо-живо! — отмахиваясь от вопросов прикрикнула она.

Девушка пулей влетела наверх, заскочила в комнату и быстро скинув спортивную одежду, нарядилась в удобный брючный костюмчик, справедливо решив, исходя из полученной ранее информации, что если накрывают в столовой, то едет Алексей Николаевич.

Вера, отметив наряд девушки, вздохнула про себя. Везет вот некоторым! Эту девочку хоть в рубище наряди, можно на подиум выпустить, и аплодировать будут! А она вот и маленькая, и полнеть уже начинает, снаружи, конечно, вроде и не очень заметно, но она-то знает...

Но уж такой она родилась, что любые неприятные мысли, она отметала в сторону, и снова цвела и благоухала доброжелательством.

Помощница из Наташи все еще была не ахти, поэтому Вера использовала ее только для принеси-подай, не до реверансов сейчас, а Наташа воспринимала все как должное, Вера была почти вдвое старше и, априори, по мнению школьницы, имела права командовать. Как командовали ею все в лицее, начиная от директора и заканчивая уборщицей тетей Шурой.

Стол сервировали на семь персон. Наташа прикинула, что если даже всех здесь посчитать, то Алексей Николаевич должен приехать с двумя гостями. Любопытство распирало ее, вопросительно-просящие взгляды оставались незамеченным, и девушка смирилась с тем, что узнает все только с приездом гостей.

Следующим утром после переезда Наташи Алексей рано утром уехал в офис, прихватив с собой бумаги на дачку Наташи. Бегло просмотрев их вечером, он нашел в них множество моментов, которые на его взгляд явно говорили о мошенничестве. Не полагаясь на свое мнение, Алексей решил проконсультироваться в юридическом отделе компании, но до того хотел еще раз внимательно просмотреть и рассортировать документы. К его радости, Наташа сгребла все бумаги, которые валялись в старом комодке, и свои, и предыдущих владельцев. По ним выходило, что эта дачка неоднократно служила объектом обмена себя любимой на

квартиры в сотни раз превосходящие ее по стоимости. На предмет юридический обоснованности претензий по факту мошенничества и хотел прояснить Алексей Николаевич у своих акул юридического мира.

Ему было жалко эту ничего не видевшую в жизни девочку. Собственно, вся жизнь ее могла уложиться в несколько событий: слабо отложившееся в памяти счастливое детство, сиротская жизнь в лицее без права выхода за его пределы, три недели счастья на море и два месяца с любимым человеком, закончившиеся для нее так трагично.

Если юристы найдут достаточно зацепок, то можно попробовать вернуть Наташе квартиру. Конечно, боли от предательства это не уменьшит, но поможет выстоять.

Домой он не поехал в этот вечер, надо с родителями побыть, маме обещан разговор, а это на полчаса, да и Наташе надо с самого начала дать понять, что он не собирается быть нянькой для нее. Пусть понемногу привыкает к мысли, что ей пора учиться выживать. Конечно, под руководством Веры, но без него.

И так получилось, что провел он дома у родителей почти неделю, вплоть до воскресенья. В первый вечер они опять посидели втроем, не дойдя в общении до тех доверительных состояний, когда душа открывается навстречу любящим глазам и не остается ни тайн, ни заслонов...

А вот на следующий вечер, наедине с мамой, он раскрылся. Он рассказывал маме обо всем, о встрече со своей половинкой, о счастье и радости и незабываемых мгновениях, подаренной ему его Оленькой, о потере и разочаровании, о боли после расставания, о первой встрече с Наташей, о больнице, и о попытках спрятать себя в работе. И даже о том, как пожалел Наташу, после встречи с ней в клинике. Он изливал душу, то с печальной улыбкой, то с радостью, то с болью, то с искрами в глазах. Конечно, он догадывался, что отец не просто так нашел срочное дело поздним вечером, но был благодарен матери за это. Потом они еще долго сидели обнявшись и Маргарита Львовна потихоньку уточняла у него подробности. Способности к анализу Алексей унаследовал скорее всего от матери, она как никто другой могла из вроде бы ничемного разговора и нескольких брошенных мимоходом фраз сделать ошеломляющие выводы, которые, как правило, подтверждались. Вот и сейчас, еще в клинике она правильно предположила состояние Наташи и ее явное нежелание ехать домой, но никоим образом не связала ее интересное положение с Алешей, полагая, что тот встретил подругу одного из своих знакомых и не мог пройти мимо ее проблемы.

А вот выводы, сделанные Алексеем насчет Ольги смущали ее нелогичностью приписываемого ей поступка с характером девушки, проглядывавшим в каждом слове сына. Она чувствовала чудовищную несуразность, совершившуюся весной, но не могла нащупать нестыковок в изложении. Что-то не давало ей покоя, но чувство это было скорее интуитивным и не поддавалось логике, где все говорило о правоте Алешки.

Глядя, как загораются его глаза при упоминании имени девушки, или при описании какого-то эпизода, связанного с ней, Маргарита Львовна понимала, что он не скоро излечится от этой болезни, по имени Олюшка, а возможно и никогда.

Но она знала, что боль отступает, если у человека появляются новые проблемы. Поэтому она не только не возражала против помощи Наташе, но и полностью поддерживала ее. Действительно, там где в доме живут три человека, там разместится и еще один. Тем более, что большую часть года им и заботиться не о ком, кроме самих себя. А Наташа может стать общим «ребенком», который станет центральным ядром этой компании. Глядишь, и Алексей слегка забудется в хлопотах о Наташе.

А сейчас надо его немного остудить, пусть поживет недельку у нас, а там посмотрим... Хочется пообщаться с этой Наташей. Всякими правдами и неправдами Маргарита Львовна задержала Алексея у себя до конца недели, а в субботу вечером, за ужином, слегка склонив голову набок и глядя на сына любящим взглядом, спросила:

— Алеша, ты не хочешь пригласить нас Коленькой к себе в гости?

Отец с сыном застыли, не донеся вилки до рта. Маргарита Львовна не любила вмешиваться в дела сына, видя, что каждый раз, когда она бывает в его доме, он незаметно для себя ожидает реакции матери на все, что она видит, и поскольку мать всегда являлась непререкаемым авторитетом в делах семьи и дома, то Алексей старался ей угодить. А вот этого Маргарита Львовна не хотела категорически. Сын должен устраивать свой дом под себя, не оглядываясь на нее. Поэтому визиты их с мужем в дом сына становились все более редкими, а в последний год и вовсе прекратились. Тем неожиданнее прозвучал вопрос Маргариты Львовны для обоих мужчин.

— Мамочка, дорогая, ты же знаешь, что я всегда рад! — нашелся, наконец Алексей. Он уже понял подоплеку ее просьбы, но не видел в этом ничего предосудительного. Пусть посмотрит, меньше беспокоиться будет. — А когда?

— Да вот можно и завтра. Воскресенье, все дома, и тебе не на работу. Может, к обеду и съездим? Верочку повидаю, да и по Танечке соскучилась. Как вы?

Мужчины согласно закивали головами, и переглянувшись хором ответили:

— Конечно! Хорошо!

Устроенный в доме переполох сошел на нет. Стол был накрыт, горячее в духовке доходило последние минуты, печенье вынуто и остывало на блюде, и Вера, еще раз придирчиво осмотрев стол, устало опустилась на стул, кинув руки на колени. Теперь она спокойна, все успела.

Конечно же, она знала, кого они ждут в гости, еще с утра Алексей позвонил и предупредил ее, и особо попросил собрать всех, мотивируя тем, что родители давно не были и соскучились по всем домочадцам. И истинную причину столь резко наметившегося посещения Вера также предполагала, поэтому сразу обратила внимание на неброский, но очень милый костюм Наташи, удовлетворенно отметив, что у девочки есть вкус в одежде.

Со всеми сидящими за столом родители Алексея уже были знакомы, только отцу он представил Наташу, о которой тот хоть и слышал от Маргариты Львовны, но не был знаком лично. Девушка поначалу немного смущалась, но, похоже, что чрезмерная стеснительность не была присуща ее характеру. Через некоторое время она уже свободно отвечала на вопросы, не забывая при этом отдавать должное блюдам, а иногда и сама отваживалась кое-что спросить. Уж очень ее разбирало любопытство: и зачем Алексею дом, если он здесь практически не живет? и к чему содержать штат и круглогодично обеспечивать персонал? и, если уж так сложилось, почему родители не живут в этом доме? Но уже немного столкнувшись с тем, что можно спрашивать, а чего нельзя, Наталья решила, что подобные вопросы относятся как раз ко второй группе и вовремя прикусила язык, спросив что-то о предстоящих празднованиях Нового Года.

После обеда компания как-то сама собой распалась на группы. Николай Николаевич с Василием присели в кресла и затеяли партию в шахматы, Алексей подошел к Наталье, а Маргарита Львовна с Верой устроились на кухне. Татьяна Николаевна собрала со стола посуду и, оставив остальное на Веру, уединилась со своим любимым сериалом.

Вера очень тепло относилась к Маргарите Львовне, и получала в ответ такое же

искреннее тепло. Кроме прочего, они сошлись на фоне любви к кухне. Для обеих это было своего рода творческой отдушиной, где обе и могли, и хотели проявить себя. Поэтому редкие встречи с Маргаритой Львовной, Вера ценила и знала, что та найдет возможность уделить ей часок-другой, когда они смогут посидеть за чашечкой специально заваренного Верой по такому случаю чая с новым видом печенья. Потом они разберут рецепт, поделаются мнениями, поговорят о других вариантах, и только тогда позволят себе перекинуться несколькими фразами на прочие темы. Такие посиделки у них стали уже почти традицией, жаль, что в последнее время Маргарита Львовна стала так редко бывать здесь. Отношения у них сложились ровные, обе были женщинами располагающими к себе окружающих, и несмотря на разницу в возрасте прекрасно понимали друг друга. Маргарита Львовна никогда не расспрашивала Веру о состоянии дел, да и вообще ни о чем, что касалось ее работы, а Вера не позволяла себе ни малейшего намека на сплетни, не высказывала своего мнения и не комментировала никаких случаев из быта, якобы спрашивая совета. Но по малозначительным фразам, вроде: «Попробуем сегодня печенье по рецепту, что мне Татьяна Николаевна...», или «Какой замечательный сорт левкоев нынче Василий...», — обе прекрасно ориентировались в атмосфере усадьбы. Маргарита Львовна была спокойна, усадьба находилась в надежных руках этой маленькой улыбчивой женщины. За все годы Вера ни разу не позвонила на телефон «горячей линии», то есть на ее, Маргариты Львовны, самостоятельно справляясь с многочисленными текущими проблемами и проблемками по управлению таким немалым хозяйством. Вера не пыталась набиться в подружки или стать посредником между матерью и сыном, обе были довольны сложившимся характером отношений и получали от этого удовольствие.

Уезжала Маргарита Львовна вполне удовлетворенная увиденным, понимая, что почти полностью была права насчет мотивов сына, приютившего девушку в трудный для нее период.

Ни для кого в усадьбе уже не было секретом Наташино положение, скрыть его с периодическими приступами тошноты, отказом от еды и внезапно подступающими головокружениями было просто невозможно, но пересудов не возникало, никто не приставал с расспросами и старались вести себя как обычно. Конечно, каждый воспринимал это по-своему, но в целом, очень спокойно.

Наташа к этому времени уже вполне освоилась в новом доме, с удовольствием ездила на учебу, а в выходные дни выбиралась с Верой или с Татьяной Николаевной за покупками. Но в этот день, она приехала с Василием. Быстро пробежав по рынку, заскочив в пару супермаркетов, Василий выполнил обязательства по необходимому списку покупок и, как обещал Наташе, всю дорогу умолявшей его заехать на предновогоднюю ярмарку, привез ее к торговому центру.

Девушка любила делать покупки, но всю жизнь прожившая на полном обеспечении, никогда не бывала в магазинах и совершенно не разбиралась ни в ценах, ни в качестве товаров, ни в количестве необходимых для себя вещей. Вера, помня просьбу Алексея Николаевича, старалась незаметно подсказывать ей, когда они бывали в магазинах вместе, обращая внимание на ту или иную вещь. Возвращались они всегда довольные покупками, и, раскладывая их по полкам, еще раз внимательно просматривали и обсуждали и цену, и качество, и сколько примерно должна прослужить та или иная футболка, как за ней ухаживать и прочие моменты. Так Вера понемногу знакомила Наталью с жизнью. А вот поездок с Татьяной Николаевной, после неудачных двух, Вера старалась больше не

допускать, поскольку она считала неразумным тратить деньги девушки на бесполезные предметы, купленные под влиянием сиюминутного импульса.

Василий же в этом плане был надежен, лишние деньги не позволял выкидывать на ветер, и Вера ничуть не беспокоилась за Наташин кошелек, отпуская их вдвоем.

А сама Наташа одинаково любила бывать со всеми. Ее привлекала сама атмосфера магазинов, яркие вывески, праздничные витрины, множество бутиков с разнообразными товарами. Она готова была часами ходить вдоль прилавков, полок и рядов с развешенной одеждой, разглядывать баночки, туфли, шубы, косметику, бытовую технику... все, что находилось в данный момент рядом с ней. Вера относилась к этой ее неумной жажде магазинов спокойно, она была уверена, что девочке просто надо насытиться впечатлениями, а потом она успокоится. Каждый раз они определялись по времени и примерному количеству магазинов, которые могут охватить и шли, разглядывая все подряд. Иногда попадалось что-то привлекательное, и они покупали это, а иногда искали целенаправленно, но редко находили требуемое, потому что Вера была непреклонна и не позволяла покупать вещи, если они не вполне соответствовали требованиям.

А сейчас Наташу сопровождал Василий. Он вообще крайне редко соглашался на покупки. И хотя у Наташи была своя расчетная карта, она, понимая насколько беспомощна в этом плане, не позволяла себе оспаривать его запреты. Но сегодня Василий сам включился в процесс и с удовольствием помогал выбирать небольшие подарочки к Новому Году.

Переходя из одного торгового зала в другой, Наталья немного замешкалась, задев пакетом молодую, красивую женщину в роскошной шубке.

— Ну ты, корова! — получила она выговор, — смотри куда прешь!

Но Наташа только смотрела, широко открытыми глазами, не отвечая и не реагируя на слова девушки. За плечом той стоял Виктор! Он собственническим жестом придержал ее за талию и посмотрел на Наталью отстраненным взглядом, как на совершенно незнакомого человека.

— Ну что ты, Лерочка! Не волнуйся! Это всего лишь неуклюжая деревенщина, — разворачивая спутницу в противоположную сторону, бросил Виктор, — незачем на нее внимание обращать.

Они давно скрылись за дверью очередного магазина, а Наташа все также стояла не двигаясь с места, опустив руки и глядя в пространство.

— Витя... Витенька.....Родной!

Как же так... За что?

Любимый...за что?

Она звонила ему бесчисленное количество раз, каждый раз надеясь, что вот сейчас он обязательно возьмет трубку и она услышит его родной голос, представляла, как он улыбается уголками рта, как откидывает со лба непослушный локон...

Витенька...

Он позвонил всего один раз, вскоре после того, как она переехала в дом Алексея. И не спросив ни где она живет, ни как себя чувствует, потребовал привезти документы на «дачку», и когда она сказала, что их у нее нет, и хотела объяснить, что документы у Алексея Николаевича и она позже может их взять и привезти, Виктор не стал слушать и бросил трубку. Больше он не отзывался. Она бы поехала к Вите, чтобы отвезти ему эти бумаги, но Алексей Николаевич тоже не появлялся, и Наташа не решилась поехать без документов, понимая, что в результате только сделает еще хуже.

Впервые она попросилась домой, не пройдя запланированных магазинов и не купив намеченных подарков. Василий, чувствуя неладное, не расспрашивал, но и не поддерживал тягостное молчание, заведя неспешный разговор-монолог о погоде, о предстоящих праздниках, о том, что еще необходимо купить и сделать до Нового Года. Так они добрались до дома, где Василий, молча указав глазами на девушку, передал Вере продукты и вернулся к машине за остальными покупками.

— Наташенька, я что-то сегодня себя неважно чувствую, — схитрила Вера, почуяв неладное. — Ты сильно устала? Не поможешь мне с ужином?

— Конечно, помогу. Только переоденусь и умоюсь, я быстро! — встрепенулась Наташа. Не часто к ней здесь обращаются с просьбами! Значит, Вере на самом деле нехорошо, если обратилась к ней. Наташа была веселой, жизнерадостной девочкой, не умела долго грустить и быстро переключалась на новое дело. И сейчас, вмиг забыв о своих горестях, она с воодушевлением прибежала на помощь Вере.

Как-то само собой получилось, что Наташа рассказала Вере о своей любви и о нечаянной встрече в торговом центре.

Вера не стала ее утешать или жалеть. Посидев немного, она начала:

— Когда мне было столько же сколько тебе, я тоже влюбилась. Влюбилась безоглядно, безрассудно... Мне казалось, что это моя единственная любовь, на всю жизнь. Когда он был рядом, не было ни голода, ни холода, ни неурядиц... Для меня было счастьем делать для него все, чего бы он ни попросил. В этой эйфории я жила несколько месяцев. А потом я забеременела. Не дыша от счастья, я ждала его с работы, приготовила стол, готовить я всегда любила, принарядилась... Только счастье мое тут и закончилось. Не буду рассказывать подробности, это до сих пор тяжело.

Он заставил меня избавиться от ребенка. И я так его любила, что послушно пошла и сделала, как он хотел. Теперь я бесплодна. А еще через месяц я ушла от него. Нет, он меня не выгонял, и я знаю, что сама виновата, сама решилась на столь чудовищный шаг, но с ним я больше жить не смогла. Я поняла, что если человек не способен разделить твоё счастье, — а что может быть большим счастьем для женщины, чем ребенок? — и не хочет поступиться ради этого даже толикой своего благополучия, то зачем мне нужен такой человек?

Вера помолчала. Наташа тоже ничего не сказала, только смотрела полными слез глазами.

— Давай-ка ужин готовить. А то баснями сыт не будешь, — улыбнулась Вера, возвращаясь к привычным делам.

В канун Нового Года Алексей выделил несколько часов, чтобы навестить свою усадьбу, поздравить всех с наступающим, раздать подарки, пообщаться за обедом и переговорить с Натальей. Они переместились в удаленную часть холла-гостиной и присели на диван, где Алексей ввел Наташу в курс дела.

Процесс о мошенничестве с обменом квартир через риэлторское агенство, возглавляемое Виктором, завершился. Квартира Наташи и еще ряд других квартир подлежали возврату законным владельцам. Но процедура возврата оказалась более сложной, чем представлял Алексей. Квартира уже была перепродана и следующие ее владельцы, также невинные жертвы аферы, должны были ее освободить, но для этого им необходимо получить обратно деньги и купить другое жилье. Таким образом, фактически Наталья не сможет воспользоваться своей квартирой еще довольно продолжительное время. Но после праздника им надо съездить к юристу и подписать документы. А потом можно заняться следующим

этапом. Имущество Виктора арестовано, после его продажи и возврата денег пострадавшим, можно будет заняться ремонтом квартиры.

— Алексей Николаевич, — опустив голову прошептала Наташа, — я вам столько хлопот доставляю... Спасибо вам огромное! Я не представляю, что бы со мной сейчас было, если бы я не встретила тогда вас в больнице. Наверное, замерзла бы на своей дачке.

— Не стоит вспоминать о плохом. Сейчас ведь все хорошо? Учеба вот продвигается, а там и малыш родится, радость будет...

— Не будет никакой радости! — вдруг резко вскочила Наташа, — ненавижу! Ненавижу этого ребенка! Если бы не он, у нас с Витей все было бы хорошо! — Злые слезы полились из раскрытых глаз. — И не нужна мне эта квартира! Что хотите с ней делайте, мне она не нужна! Из-за нее Витя остался без ничего! Зачем вы на него в суд подали? Ему теперь жить негде! Я ее обратно отдам!

Наташа распалаясь все больше, покраснев, выкрикивая обвинения. Алексей, вначале опешивший от такого поворота, встал. Заложил руки за спину и выпрямился. Теперь это был уже не сочувствующий запутавшейся девочке молодой мужчина, а строгий, жесткий, с бесстрастным лицом и холодными слегка прищуренными глазами, человек.

— Наташа, прекрати немедленно, — тихим ледяным тоном произнес он.

Наташа тут же замолчала, вскинувшись и испуганно глядя на Алексея.

— Не надо истерик. Я не намерен выслушивать твои упреки. Квартиру можешь отдать хоть сегодня, но жить потом будешь даже не на дачке, поскольку тебе она больше не принадлежит, а на улице, поскольку вряд ли Виктор пустит тебя к себе. Я готов был помочь тебе в трудной ситуации, но если ты предполагаешь подарить квартиру любовнику, а сама жить у меня за мой счет, то с этим я не согласен. И еще. Если еще хоть раз ты позволишь себе поднять на меня голос, считай мое гостеприимство законченным.

Если ты хочешь и дальше оставаться здесь, то после праздника мы подпишем документы и ты оформишь на меня доверенность на управление квартирой.

С этими словами Алексей развернулся и пошел на кухню.

Вера была здесь, ей конечно была слышна эта неприятная сцена, и было стыдно за Наташу и неловко оттого, что не смогла научить Наташу хотя бы вести себя спокойно. Поэтому она старалась не встречаться взглядом с Алексеем, пыталась суетиться по одной ей ведомым делам. А Алексей, понимая, что заставило Веру нервничать, обратился к ней с просьбой:

— А не сварить ли ты мне чашечку кофе? Давненько не угощала меня своим фирменным..., - придвинул стул и опустился на него, облокотившись на стол.

Вера бросила быстрый благодарный взгляд и метнулась к плите. Через пару минут кофе поднялся густой шапкой, капнув пару капель холодной воды, Вера слегка встряхнула турку, высвободив пену, и аккуратно налив кофе в чашку, бережно поставила перед Алексеем. Тоже села на стул напротив него и подперла голову рукой.

Пригубив горячий напиток, Алексей прижмурился от удовольствия.

— А теперь скажите мне, как успехи у Натальи? Сейчас я еще больше понимаю, что она совсем не готова к самостоятельной жизни. И, если быть честным, то я в растерянности...

— Я понимаю вас, Алексей Николаевич. И мне тоже страшновато. Но может быть с рождением малыша у нее изменится отношение.

А пока буду стараться научить ее, чему смогу. Сейчас она ориентируется в жизни примерно на уровне десятилетнего ребенка. Конечно, восполнить такой пробел быстро не

получится. Но за этот месяц она уже многое освоила, девочка по житейски сметливая, ловкая, понятливая. Она про себя говорит, что не очень умная, училась плоховато. Но мне кажется тут совсем в другом дело. Определили ее среднячком, она и поверила, так и свыклась.

А что касается сегодняшнего срыва.... Тяжело ей, простите ее. Надеюсь, что она сделает правильные выводы из сегодняшней беседы.

— Спасибо, Вера! И за кофе, и за поддержку.

С наступающим всех вас! Счастья в Новом Году! — попрощался Алексей.

Глава 11

Завершив дела в нотариальной конторе, оформив доверенность, Алексей решил пройтись немного по праздничному городу. Новогодняя суэта утихла, но город продолжал сверкать огнями украшенных витрин, елками, перемигивающимися гирляндами, с фигурками снегурочек и дедов морозов, улыбками прохожих, уже не спешащих к новогодним курантам, а неспешно прогуливающимся по тротуарам. Наташа тоже была рада прогулке, слишком мало было в ее жизни подобных моментов.

Пройдясь по морозцу, девушка раскраснелась, глаза радостно сияли, волосы слегка выбились из-под шапочки. Алексей с легкой грустью смотрел на нее. Высокая, тонкая, обворожительная девочка. Как же ей не повезло в жизни! И сможет ли она освоиться и найти свою дорогу, чтобы быть счастливой, чтобы не смогли сломить ее никакие Викторы. Ему захотелось сделать ей еще что-нибудь приятное, и он пригласил ее в свою любимую кофейню, благо находились они как раз неподалеку.

Наташа ела пирожные, запивая их зеленым чаем, и жмурилась от удовольствия, по детски облизывая губы. Алексей улыбнулся, глядя на этого в сущности совсем еще ребенка, и сердце сжималось при воспоминании о циничных словах Виктора, который на суде заявил, что эта идиотка сама просила его продать ее квартиру и была довольна суммой сделки.

Он только пригубил кофе, как его внимание привлекла промелькнувшая за окном фигура, смутно напомнившая до боли знакомый силуэт.

Алексей рванулся из-за стола, выскочил на улицу... никого...

Опять показалось... уже более полугода он гоняется за призраком, то в одной, то в другой девушке увидев свою Оленьку. Заныло, застонало сердце. Что она? Где? С кем? Счастлива ли? Как же хочется обнять ее, прижать к себе, и целовать, целовать ее губы, волосы, глаза... Но хотя бы издали увидеть, хотя бы знать, что у нее все хорошо!

Постояв несколько минут на морозе, Алексей вернулся, сел за стол, проигнорировав вопросительный взгляд Наташи, допил кофе и попросил счет.

За следующие четыре месяца Алексей навещался в свой дом всего два раза — привез подарки на восьмое марта и поздравил Веру с днем рождения в середине апреля. Но постоянно звонил Вере и был в курсе всех дел Наташи. Все у нее было хорошо. В колледже, на удивление, ее хвалили, что доставляло ей огромное удовольствие. Беременность протекала спокойно, и по срокам ей осталось ходить еще месяц. Настораживала Веру ее непреклонность и холодность по отношению к будущему ребенку. Ни одной улыбки не вызывали упоминания о малыше, ни одной вещички Наташа не приобрела для него за все время, не строила планов, не заводила разговоров о детской... Напротив, при любом упоминании о нем, хмурилась и замыкалась в себе.

Алексей попросил еще немного подождать и пока ничего не предпринимать.

А в остальном Наташа уже вполне вписалась в атмосферу дома, освоила основные моменты ведения хозяйства и вполне успешно помогала Вере и Василию. Неожиданно для себя она увлеклась садоводством и по мере возможности, когда позволяла учеба, проводила время вместе с Василием в теплице и зимнем саду. Неусидчивая от природы Наташа могла часами смотреть на бутон, наблюдая за лепестками, гипнотизировала землю, начиная со второго дня после посева по двадцать раз приподнимая пленку и заглядывая, не лезут ли росточки. Ей нравилось рыхлить руками землю, поливать растения, подкармливать, это

успокаивало ее, на лицо опускалась мечтательная улыбка.

Василия тоже радовала компания Наташи и он охотно рассказывал ей о растениях, об уходе за ними, показывал что можно выращивать в теплице, а что лучше оставить на летний период. Они вместе выбирали который огурчик или помидорчик можно уже снять для стола, а который еще оставить на пару-тройку дней.

Иногда к ним присоединялась Татьяна Николаевна и это вызывало особенное удивление на лице Василия. За все четыре года, проведенные им в этой усадьбе, он не замечал в ней интереса ни к саду, ни к теплицам.

Но тем не менее компания работала, Наташа почерпнула очень многое в этих практических уроках и уже начала задумываться, не поторопилась ли она, поступив в торговый колледж. И можно ли, если все сложится хорошо, перевестись в агро-колледж?

А Татьяна Николаевна просто тоже хотела общения. Все они тут были, каждый по-своему, одиноки. Конечно, они выбирались иногда в город, чаще по делам. Но подавляющая часть времени проходила на территории, в которой все уже знали каждый кустик. Домашние дела отнимали у нее совсем немного времени, да и выполняла она их скорее, от скуки, чем по обязанности.

Детство и юность Татьяны прошли в счастливой семье. Любящие родители, заботливый старший брат, достаток в семье, поступление в институт. Все шло как по маслу. Не закончив второго курса Танюша забеременела и срочно выскочила замуж. Институт пришлось оставить. Но ребенок родился раньше срока и умер, не прожив и суток. Не сказать, что Таня сильно переживала, но в институт не вернулась. А семейная жизнь не заладилась, и через два года Татьяна разошлась с мужем и вернулась к родителям. Старший брат к тому времени закончил военное училище и уехал по назначению. Он уже год как был надежно и счастливо женат, обожал свою супругу и готов был носить ее на руках. Мать встретила молодую невестку настороженно, но Маргарита, или Ритуля, как ласково звал ее Николаша, была настолько обаятельна и умела ладить с окружающими, что даже свекровь сдалась и стала называть ее не иначе, как наша Риточка. Маргарита, в отличие от Татьяны, выйдя замуж, не бросила университет. И даже после назначения мужа в дальний конец страны, перевелась на заочный и доучилась два года, получив диплом психолога. И хотя Рита не работала и дня за всю жизнь, но знание психологии ей очень помогало в различных жизненных ситуациях. Параллельно с написанием диплома, она родила сына, успешно преодолев пеленко-распашоночный период, и взяв сына на руки, улетела на защиту.

Таня же, выросшая тепличным цветком под крылом родителей, так и не смогла самостоятельно устроить свою жизнь. Она неоднократно пыталась создать семью, расходилась и сходилась с очередными мужьями, то приезжала к родителям, то снова возвращалась к мужу. Детей у нее больше не было и после четвертой неудачной попытки обзавестись семьей, Татьяна окончательно перебралась обратно к родителям. Так и жили они втроем, изредка встречая гостей — отца и сына, и обожаемую всеми Риточку.

Когда Татьяне едва исполнилось сорок лет, умерла мать, а вскоре за ней ушел и отец. Она осталась одна в квартире, да и в жизни тоже.

После выхода Николая в отставку, он с семьей перебрался на родину, купил дом. Изредка они собирались вместе, но всегда приглашали Татьяну к себе в дом. Николай не любил бывать в родительской квартире, где все напоминало ему о родителях, которых во времена своей офицерской службы он видел крайне редко. И, как часто случается, после потери родных людей он подсознательно винил себя за то недоданное, что мог бы, но не

сделал, не приехал, не догостил...

Совершенно неожиданно для Татьяны, только недавно закончивший институт Алексей, купил здесь прекрасный дом с усадьбой.

Она узнала об этом почти год спустя, когда Алексей пригласил ее и родителей в гости. Масштабы усадьбы поразили Татьяну. Несмотря на то, что уже почти год здесь работали два человека — Вера и Василий, — работы было еще очень много. И если в доме Вера быстро навела порядок, не гнушаясь помощью разовых работников, то Василий категорически отказывался от сторонней помощи, предпочитая пусть понемногу, но благоустраивать территорию своими руками. И надо сказать, несмотря на огромный объем работы, ему удалось привести в порядок уже значительную ее часть, по крайней мере, в пределах видимости от дома.

Всех удивила Татьяна. Апатичная и практически равнодушная ко всему, она иногда гостила у брата в его доме, но никогда не высказывала любви к индивидуальным домам, и вдруг загорелась! Она с воодушевлением осматривала сад, беседовала с Василием, с Верой, насколько было возможно, обошла дом и близлежащую территорию. Ей все нравилось.

Когда пришло время отправляться домой, она с сожалением огляделась и опустив голову пошла к машине.

Такой эмоциональный подъем Татьяны Николаевны не остался незамеченным в семье Алексея. Впервые за все годы, после переезда Николая и Маргариты, они видели ее ожившей, словно стряхнувшей с себя десятков лет. Несколькими днями позже, Алексей, посоветовавшись прежде с родителями, навестил Татьяну Николаевну. И еще через пару дней отвез ее к себе в усадьбу погостить, сколько захочется.

Она погостила пока он не уехал, потом пока его не было, а потом так и осталась здесь. Надо сказать, что вписалась она в усадьбу очень органично. Не выделяла себя, не требовала особого отношения, не вмешивалась в хозяйство. Как-то само собой получилось, что на нее легли вопросы непосредственного присмотра за состоянием комнат. Она следила за своевременной уборкой, сменой белья, проветриванием и прочими текущими вопросами быта. Надо сказать, и сама не гнушалась перестелить постель или поставить цветы. А Вере хватало и организационных вопросов и она не отказывалась от помощи Татьяны. Они прекрасно дополняли друг друга, и старшая по возрасту Татьяна Николаевна, не претендовала на ведущую роль, и отлично чувствовала себя в такой обстановке.

На ее глазах проводились некоторые перепланировки в доме, был доведен до соответствующего уровня парк, выстроен зимний сад, оборудованы теплицы. И Татьяна уже выросла в эту усадьбу, считала ее своей, и действительно, она принимала самое непосредственное участие во всех делах, где советом, а где и руками. Она тихо и незаметно исчезала из поля зрения, если в доме случались гости, и так же ненавязчиво включалась в работу, если нужна была ее помощь.

Жизнь в усадьбе проходила размеренно и несколько монотонно, за исключением редких наездов Алексея.

А когда в доме появилась Наташа, все сразу оживилось. Она, словно недостающее звено, добавила целостности и активности в неспешное бытие обитателей дома. И Татьяна, никогда не имевшая детей и не почувствовавшая личной семейной жизни, всей душой приняла эту девочку, со всеми ее страхами, проблемами и жизненной неустроенностью. В меру своих сил, она старалась помочь и поддержать Наташу, и, надо сказать, та тоже тянулась к Татьяне Николаевне, чувствуя искренность ее отношения. Так и получилось, что

когда Наталья находилась дома, то чаще всего Татьяна была рядом с ней.

Отведя майские праздники, Вера отправила Наталью с Татьяной Николаевной в клинику, а сама с Василием поехала в магазины. Близилась роды, и как бы ни относилась Наташа к будущему ребенку, вещи для него понадобятся.

Как выяснилось, это было сделано вовремя. По словам ведущего врача, роды ожидаются со дня на день. Он даже предложил Наташе сразу лечь на сохранение, во избежание проблем, но она отказалась. Вера тоже считала, что нечего в больнице делать прежде времени, успеет еще, належится. В общем, всем женским коллективом было решено, что на занятия Наташа ходить до родов не будет, Вера тут же позвонила в колледж и предупредила куратора, а потом все вместе подготовили для больницы документы и необходимую одежду, уложили в сумку, чтобы была под рукой.

Наташа переносила беременность очень легко. Кроме недолгого периода с приступами тошноты в первой половине срока, да незначительных отеков на последнем месяце, ее ничего не беспокоило. Но чем ближе был срок, тем тягостнее ей было думать о будущем ребенке, о том, что почти год ее жизни потрачен впустую. О том, чтобы оставить малыша, она даже не допускала мысли. И надежды Веры, что Наташа передумает ближе к родам, таяли с каждым днем.

Когда к ночи у Натальи начались схватки, и Вера вызвала скорую, Татьяна Николаевна тоже уже была готова сопровождать их. Пока доехали, пока Наташу определили в палату, проведя необходимые процедуры, наступило утро.

Алексею Вера позвонила, как только вернулись домой. Было еще слишком рано, не хотелось на заре поднимать человека с постели без особой нужды. Она знала, что по поводу палаты он уже договорился, и нет необходимости тревожить его рано утром, но сделала, как он просил. Знала, что Алексей непременно еще раз проверит, все ли приготовлено, как требуется, иначе он не умеет. Таким уж или родился, или воспитан. Вздохнув, Вера отпустила Василия, да и сама с Татьяной пошла отдохнуть после бессонной ночи. А часа через четыре ее уже разбудил звонок.

Наташа родила девочку!

В роддом Алексей приехал в этот же день. И хотя в палату его еще не пустили, но с врачом он смог встретиться и поговорить.

Приветливый, очень располагающий к себе молодой человек, представился Александром Александровичем. Он заверил Алексея, что у Натальи все в порядке, роды прошли хорошо, с ребенком тоже все замечательно. Но есть одна проблема.

— Алексей Николаевич, возможно, я превышаю свои полномочия, — начал доктор, — но я должен выяснить Ваши намерения насчет малышки. Вы в курсе, что Наталья Владимировна намерена написать отказ от ребенка?

Алексей напрягся, еще больше выпрямился на стуле и нехотя ответил:

— Да. Я очень надеялся, что после родов у нее проснется материнский инстинкт....

— Она категорически отказалась кормить девочку, впрочем, малышка тоже не захотела брать грудь, здесь они показали удивительное единодушие, — усмехнулся Александр Александрович. — А дочка у вас очень хорошая родилась. Все замечательно, здоровенькая, крепенькая, никаких послеродовых отклонений! Прямо показательный экземпляр новорожденного! Поверьте мне, я не первый год здесь работаю, много детишек через мои руки прошли. Но ваша, вот чувствую, она особенная!

Алексей снисходительно усмехнулся. Как часто он слышит подобные речи! Привык.

Первым делом надо похвалить что-то твое — жену, собаку, квартиру... неважно. Считается, что после этого ты снисходительнее отнесешься к ошибкам или лояльнее к просьбам. У этого молодого человека хоть заискивания в голосе нет. Но тоже что-то нужно от меня. Он посмотрел доктору в глаза:

— И что вы предлагаете? — он хотел сказать «хотите», но ему не захотелось обижать этого приветливого человека.

— Алексей Николаевич! — воодушевился тот, — повлияйте на жену, не отказывайтесь от ребенка. Ведь она не может решить этот вопрос единолично, если вы будете против!

Взгляд Алексея стал отстраненным. Он и сам не мог понять, почему так заинтересован в Наташиной судьбе, но ему почему-то не хотелось допускать, чтобы к ней относились как к матери-одиночке. Их принимали за пару, ребенка, без сомнения, посчитали его дочерью. А он и не стремился разубеждать кого-либо в этом. Только вот сейчас он попал в щекотливое положение. Права заставить Наташу забрать малышку у него нет, а если она ее оставит, то автоматически получается, что сделано это с его согласия.

— Я приду на днях, — и не ответив на просьбу Александра Александровича, Алексей вышел из кабинета.

В следующий свой приезд он уже навестил Наташу в палате, попросил принести девочку. Его искренне огорчало отношение молодой мамы к дочке, но повлиять на нее он не мог. Судьба незнакомой ему малютки не особенно волновала Алексея, тем не менее, что-то внутри него противилось столь категоричному решению Наташи. Он еще и сам не осознавал, что для себя уже все решил. Поэтому с некоторым любопытством рассматривал это маленькое существо и пытался соотнести с ним хвалебные речи доктора. Какие способности, какой потенциал можно рассмотреть в этом маленьком комочке? Но малышка вдруг резко повернула в его сторону голову, словно обвиняюще полоснув взглядом, и тут же отвернулась.

Решение пришло мгновенно и, не дослушав Александра Александровича, Алексей произнес, глядя на Наташу:

— Мы забираем ребенка. Я приеду за вами послезавтра.

И не обращая внимания на робкие попытки Натальи возразить, развернулся к врачу, протянул ему руку на прощание и вышел из палаты.

Он до последнего надеялся, что отношение Наташи к малышу изменится после родов. Но его опасения подтвердились, и теперь Алексей поставил себя в еще более затруднительное положение.

Буквально сегодня-завтра ему следует вылететь в один из подведомственных ему филиалов. Зима выдалась сложной и утомительной, но результаты радовали Алексея. Вся документация по разработанному в его отделе объекту готова и через несколько дней он запускается производство. Это хорошо. Он уже устал от города, от чиновничьей возни, презентаций и согласований. Детство ли сказалось, с бесконечными переездами из гарнизона в гарнизон, или характером такой уродился, но Алексею трудно было долго сидеть на одном месте. Поэтому и предложение о назначении на свою должность, он принял не без радости. Ему нравилось быть одновременно в курсе множества разработок, проектов, испытаний, многие из которых своим появлением обязаны именно ему. Талантливый конструктор с мощным аналитическим складом ума, он с самого начала смело и аргументированно отстаивал свои позиции, и теперь, спустя пять лет, мало находилось оппонентов, высказывающих свои сомнения, тем более, пока ему удавались все начатые проекты, и приносили они баснословные прибыли корпорации. Отсюда и почти

неограниченные субсидии для работы, и личные стремительно увеличивающиеся счета.

С финансами семья Алексея никогда не испытывала трудностей, теперь же он вообще не интересовался деньгами, передав ведение дел юристу. Его личные потребности были ограничены содержанием дома, да мелкими прочими тратами в периоды пребывания в родном городе. Остальные счета оплачивала корпорация. Еще будучи молодым специалистом, работая в отделе в группе исследователей, он внес предложение, которое стало основой будущей работы, представленной на государственную премию. На свою часть премии Алексей купил дом. Для чего, он сам с трудом мог объяснить, впрочем объяснений с него никто и не требовал. Коллеги не знали о его покупке, а друзьям и приятелям его мотивы были ни к чему. Сам он скорее ощущал, нежели понимал, что ему захотелось иметь место, которое будет служить ему якорем, куда бы он ни уехал, отовсюду его будет ждать свое место, свой дом. Вскоре он получил предложение возглавить научно-производственное отделение корпорации, с чем и согласился недолго раздумывая.

А вот теперь Алексей не знал, как разрешить сложившуюся ситуацию. Конфиденциальное заявление в агенство на подбор няни он позаботился отправить уже неделю назад, но до сих пор ни одна из представленных кандидатур его не устроила. Конечно, Вера и Татьяна Николаевна некоторое время справятся самостоятельно, но няня все же нужна. И как можно быстрее. Надеяться на Наталью он уже перестал.

И Анна Борисовна, директор агенства по трудоустройству, к которой он обратился за помощью в выборе няни, тоже ничем порадовать не может.

Обещала, нехотя правда, еще одну кандидатуру, если та согласится. Интересно, каким специалистом нужно быть, чтобы не согласиться за такую сумму! Даже любопытно стало посмотреть на ее резюме. Но показать его Анна Борисовна отказалась наотрез, пока не переговорит с самой женщиной. Сегодня к вечеру вопрос прояснится. Жаль, что встретиться с ней он не успевает, все же впечатление от живого человека и бумажки с его описанием, причем не всегда точным, разные вещи.

Резюме няни пришло вовремя, и Алексей стал внимательно с ним знакомиться. Во-первых, эта няня — последняя надежда освободить Татьяну Николаевну от необходимости в течение месяца неотлучно находиться при младенце. Она, конечно, с готовностью выручит Алексея до возвращения, но ему очень не нравился такой вариант. Во-вторых, его действительно заинтересовала незнакомая женщина, которая, судя по реакции директора агенства, не бросается на любое предложение, похоже, даже цена услуг не является здесь решающей.

Так... посмотрим... гм, а где фото? Фамилия-имя есть у этой дамы?

Алексей, не закрывая файла с резюме, набрал Анну Борисовну.

— Еще раз приветствую вас, Анна Борисовна.

— Получили резюме?

— Да, получил...но...

— Кажется, я догадываюсь о вашем «но», — рассмеялась Анна, — вы не нашли фото?

— Да, вы правы.....это... шутка?

— Нет, ни в коем случае. Но, мне кажется, вы еще не прочитали резюме? Позвоните мне, пожалуйста после ознакомления с ним. Хорошо? — усмехаясь про себя, она положила трубку и, оттолкнувшись от стола, прокатилась в кресле к окну. Этот короткий разговор поднял ей настроение. Молодец Ольга! Зацепила-таки эту ледяную глыбу! Многолетний опыт работы и отменно выработанное чутье Анны подсказывало — клиент наш!

Алексей недоуменно посмотрел на запищавшую гудками отбоя трубку, редко кто первым прерывал разговор с ним. И сам себе улыбнулся. Зазвездился ты, парень, что ли? И продолжил знакомство с данными няни.

Так... образование...отлично!

Опыт работы. школа 5 лет... дальше перерыв полугодовой... нет больше. по состоянию здоровья. ага, снова работы, но эпизодические, больше репетиторство. Это понятно, конец года, в школах нет вакансий..

Здесь все понятно.

Характеристики за последние полгода... все положительные, рекомендации дирекции агентства — профессионал высокого уровня, обязательна, выдержана, пунктуальна, интеллигентна, умеет находить подход к детям разных возрастов...

... ну, это нам, положим, лишнее... — про себя прокомментировал Алексей.

А теперь дополнительная информация. Ого! Интересно!

Первое: поскольку работодатель представил о себе неполную информацию, соискатель оставляет за собой право опустить аналогичную информацию в своем резюме.

Второе: соискатель согласен на выставленные работодателем требования, но в свою очередь выдвигает свои условия — 1) никаких дополнительных обязанностей, кроме непосредственно ухода за ребенком; 2) аванс в размере пятидесяти процентов от суммы договора; 3) сразу по окончании срока договора соискатель покидает место работы и работодатель обязуется не чинить этому препятствий.

Мда... смелая женщина! И уверенная в себе. Молодая, но знает себе цену.

— Анна Борисовна! Заинтриговали! — снова набрав номер агентства, шутливо начал Алексей. — Судя по характеристике и условиям, не иначе княгиню в няни предлагаете.

— Не удивлюсь, если так и есть, — отшутилась Анна. — Ну как! Подходит? Я ее два часа упрашивала помочь вам!

— Пожалуй... сам не понимаю отчего, но уверен, что подходит. Хотя это нонсенс — принять человека на работу, не увидев даже фото, не узнав его имени и не проверив данные.

— Полно, Алексей Николаевич! Вы не с улицы работника берете. А мы на что? Я отвечаю за своих людей. А... — едва не назвав имя Ольги, Анна запнулась, — эту женщину, я знаю как крайне порядочного человека.

— Хорошо. Я согласен. К сожалению, меня завтра уже не будет. Договор вы подпишете с моим юристом, распоряжение по оплате также будет у него.

Примите мою искреннюю благодарность, вы настоящий профессионал своего дела. Я улетаю с легким сердцем.

— Счастливого полета, Алексей Николаевич!

— И вам счастливо оставаться!

Попрощавшись с Анной Борисовной, Алексей еще раз внимательно просмотрел резюме. Не найдя никаких замечаний, со вздохом откинулся на спинку кресла. Жаль, что не получилось лично побеседовать, но хорошо уже то, что няня вообще нашлась, на что он уже и рассчитывать перестал. А через месяц он вернется, там уже будет посвободнее, и будет видно, что делать.

Комнаты для малыша и няни были готовы накануне. Татьяна Николаевна перебралась в левое крыло, зарезервировав вторую находившуюся здесь спальню для Натальи, а освободившиеся комнаты предоставили новорожденной и ее няне. Не особо вникая в суть, Алексей распорядился приготовить все необходимое для ребенка и няни и, доставив их из

Клиники, не заходя в дом, развернул машину и уехал.

По дороге домой малышка заснула и ее, спящую, так и унесли сразу в детскую. Вера, едва взглянула на прикрытый конверт и, развернувшись, быстро ушла. Всколыхнулась в душе застарелая боль, вспомнились события почти двадцатилетней давности. Присев на кресло в своей комнате и сжав голову руками, Вера раскачивалась из стороны в сторону, тихонько подвывала, поскуливая и всхлипывая. Она плакала и о своей так нескладно сложившейся жизни, и о потерянном шансе на женское счастье, и вообще просто так, стремясь выплакать, вылить из себя свою глубоко запрятанную боль. Отплакавшись, она кое-как привела себя в порядок, прошла в ванную и спустя пятнадцать минут вышла оттуда с привычным выражением приветливости и доброжелательности ко всем окружающим. Дом продолжал жить своей жизнью, и он требовал ее внимания.

С Татьяной Николаевной Вера договорилась, что всю «материальную часть» — покупка питания, одежды, игрушек и прочего, — осуществляет Вера, на долю же Татьяны Николаевны остается непосредственно уход за малышкой до приезда няни, то есть, сегодняшний вечер и ночь. Наталью Вера в расчет не брала, та просто самоустранилась, проигнорировав сам факт наличия ребенка в доме, более того, своего собственного ребенка.

В этот день еще раз появился Алексей. Он переговорил с Верой о встрече няни наутро, одобрил то, что Наталья с Татьяной Николаевной переместились в другое крыло и, попросив Веру подняться в верхний холл и пригласить Наташу, поднялся к себе. Спустившись обратно с папкой, он застал всех, даже Татьяну Николаевну, тревожно поглядывающую на него. Наташа сидела покрасневшая, слегка понурился голову и опустив глаза.

— Так... похоже дамы уже перекинулись парой слов... — подумал Алексей. Несмотря на все сочувствие к Наташиной ситуации, он не мог принять ее отношения к малышу, и заговорил сухо, как бы сдерживаясь, -

— У меня немного времени, поэтому прошу выслушать, не перебивая. Меня не будет месяц. На этот срок я пригласил няню, Вера в курсе ситуации. Няня сама установит режим ребенка и свой, соответственно. Вера — на вас организация и поддержка. Татьяна Николаевна, Наталья... — он последовательно посмотрел каждой в глаза, — по мере сил и необходимости вы обе помогаете няне в уходе, но только с ее разрешения.

— Я что, сама за ней ухаживать буду? — вскинулась Наташа.

— А что в этом особенного? Или ты считаешь, что новорожденные дети могут самостоятельно себя обслуживать? — очень тихо, почти не разжимая губ и сузив глаза ответил Алексей, — ты мать, это твоя прямая обязанность.

— Нет! Близко не подойду! Ты сам привез, сам и разбирайся! Не собиралась я ее забирать, а теперь нянчиться с ней должна? Нет, нет и нет!

— Вера, возьмите Татьяну Николаевну, идите к ребенку.

Женщины молча поднялись и, стараясь быть менее заметными, исчезли.

— Наташа! — голос Алексея звучал резко, чувствовалось, что он уже едва сдерживается, — ребенку надо дать имя. У тебя есть предложения? Тогда, может быть, Мария? Хорошее имя для женщины...

— Да называй как хочешь! Мне фиолетово!

Мария! Как же, Мария! Машка, она и есть Машка!

— Наталья! — почти прошипел Алексей, гипнотизируя ее взглядом, и

полуобернувшись, не отрывая от Наташи глаз, процедил проходящей по лестнице Татьяне Николаевне, направлявшейся к детской с бутылочкой в руке — Будьте любезны, прикройте за собой дверь! Ребенка разбудите!

Итак, Наталья! Тебе не кажется, что ты забываешься?! Позволь тебе напомнить наш последний разговор.

С каждым его словом, становившимся все жестче, Наташа сжималась и опускала голову. Она опять не сдержалась...

Между тем, Алексей продолжил.

— Прошу запомнить. Я не раскидываюсь словами попусту. Все, что я тебе обещал, я выполнил. Более того... Ты могла жить здесь, пока это необходимо. На сегодняшний день, как вижу, необходимость в этом отпала, — он с горечью усмехнулся, — ребенок тебе не нужен... пусть пока он останется здесь. Как ни странно об этом напоминать, но тебе уже не пятнадцать лет. Ты вполне взрослая девушка, и, позволив себе близкие отношения с мужчиной, могла предполагать возможность появления ребенка, а, следовательно и последующей за этим ответственности. Я лично, не понимаю твоего поведения, да и не хочу понимать.

Устало расслабившись, он на пару секунд прикрыл глаза, затем тихо закончил, — А ты сейчас собери вещи, Василий отвезет тебя на квартиру. Продолжай учебу, год скоро закончится. Через месяц, я вернусь, тогда решим, что дальше с ребенком делать.

Да... прости, но с таким отношением, я прошу, — Алексей сделал ударение на последнем слове, так что у Наташи не оставалось ни малейших сомнений в необходимости выполнить эту просьбу, — никоим образом не препятствовать няне в ее работе и не появляться здесь до моего приезда. На этот месяц режим дома будет подчинен малышу.

С этими словами, Алексей резко поднялся и быстро спустился по лестнице.

Наташа сидела подавленная, опустив голову и глядя перед собой застывшим взглядом. Стыдно-то как! Она опять наговорила гадостей Алексею Николаевичу! Ну почему она не может сдержаться! Ведь он прав! Во всем прав! Как всегда прав... и... это бесит! Ну почему она должна! Эта гадкая девка сломала ее едва начавшуюся жизнь! Разрушила ее сказочную любовь! Если бы не беременность, они с Витей по-прежнему жили бы вместе и были бы счастливы!

Наташа, несмотря ни на какие доводы, не хотела согласиться с тем, что для Виктора она была только средством для следующего заработка.

Она представляла, как переедет в свою квартиру, и начнет все сначала. Теперь она уже не жалела о том, что Алексей вернул ее квартиру. Пусть Витя пострадал! Так даже лучше! Она поможет ему! У нее есть жилье, и вместе они снова будут счастливы. На этом, вновь повеселевшая девушка поднялась и, едва не напевая, вприпрыжку спустилась вниз.

— Вера! — крикнула она, вбежав в кухню, — Вера, я сегодня переезжаю в свою квартиру. Где Василий? Я сейчас соберу вещи. Он отвезет меня?

Вера! Как я рада! Я буду жить, как захочу! Никаких указаний, никаких режимов! Как здорово! Вера, как я счастлива!

Наташа закружилась по кухне, с размаху села на стул, через пару секунд вскочила и, не сдержавшись, подбежала к Вере и обняла ее.

— Вот дуреха, — укоризненно прошептала Вера, погладив ее по спине. — Нашла чему радоваться. Иди уж, собирайся... Через час спускайся, Василий поедет в город, да ключи от квартиры вот, не забудь...

Наташа взбежала по лестнице наверх, а Вера подумала, что та даже не вспомнила о ребенке.

Няня прибыла в пять тридцать. Василий проводил ее к дому, где их уже встречала Вера. После короткого перекрестного взгляда друг на друга обе женщины с облегчением выдохнули. Поняли сразу, здесь не ожидается ни подвохов, ни проблем.

После знакомства Вера провела Ольгу Васильевну в комнату, тихонько приоткрыв дверь, показала детскую, ванную, махнула рукой на свою дверь и, договорившись встретиться внизу через десять минут, оставила новую соседку одну.

Комната няни находилась рядом с детской, но не имела смежной двери, что слегка озадачило Ольгу.

А как же следить за ребенком в ночное время?

Бегло взглянув в окно, насколько возможно в сумерках, отметила неплохой вид и оставив пока сумки, вышла в коридор. Наличие дверей, отделяющих этот блок от холла и всего одной комнаты, кроме детской и спальни няни, порадовало ее. Хорошо, что мимо детской не будут ходить посторонние.

Оценив расположение интересующих ее помещений, Ольга поспешила вниз. Уверенно пройдя через холл, она вошла в кухню, где ожидаемо хлопотала Вера. Вера с доброжелательной улыбкой, которая практически не сходила с ее лица, поставила на стол две тарелки и положила по порции омлета.

— Обычно мы завтракаем в восемь, но я с удовольствием присоединюсь к вам.

— Спасибо, — расслабилась Ольга, — я и вправду не успела позавтракать..

— Вот и хорошо. Вы мне скажите только время, когда будете кушать, и режим питания малышки, а я все сделаю.

— Вера? Мне не назвали вашего отчества?

— А и не надо, — легко махнула рукой Вера, — не люблю.

— Хорошо... если вам удобно, можно и меня по имени...

— Посмотрим, — опять отмахнулась Вера, продолжая завтракать.

— Если вы не против, о режиме поговорим попозже. Мне нужно познакомиться с ребенком, определиться... думаю, часам к одиннадцати можно будет встретиться.

— Хорошо. — легко согласилась Вера, — Спуститесь сюда, я буду где-нибудь здесь, внизу.

Быстро закончив завтрак, Ольга Васильевна встала из-за стола, попросила приготовить смесь для ребенка и поспешила наверх переодеться. Вера оценивающе прищурилась вслед. Ольга ей понравилась, как говорится, с первого взгляда. Красивая, молодая, собранная, серьезная... но уж слишком холодная, что ли... Хотя для крохи в самый раз, ей пока еще важнее точный режим и правильный уход. А этом плане, видимо, им повезло с няней.

Ровно в шесть, успев принять душ и переодеться, Ольга вошла в детскую. Чувство времени, выработанное за время преподавания в лицее, осталось с ней теперь уже навсегда. Детская комната оказалась аналогична ее спальне. Просторная, метров около тридцати, она была совершенно безликой. Словно случайно в пустующую комнату поставили детскую кроватку, а у противоположной стороны бросили несколько ящиков с игрушками, да пару спортивных уголков, подходящих разве что годовалому ребенку, но никак не младенцу недельного возраста. Отсутствие любящей женской руки даже не чувствовалось, оно вопило отовсюду. Какая же мать откажется с любовью обставить комнату для будущего ребенка? Но никакой детской мебели! Стоящие ближе к окну стол со стулом, как бы случайно попавшие

сюда, явно предназначены для нее, не для малышки.

На окне ролеты, вместо штор. Впрочем, с этим она согласна, не нужны здесь пылесборники. И отсутствие мягкой мебели обосновано. Но как же все пусто, стерильно, холодно... Случайная комната... Случайная няня... Случайный ребенок...

Взгляд Ольги переместился на кроватку и встретился с уставленными на нее глазами малышки, что заставило ее слегка вздрогнуть. словно кроха оценивала ее так же, как она перед тем комнату.

Молчаливое переглядывание прервало появление Татьяны Николаевны.

Ольга Васильевна, — начала она, — простите, задержалась. Я вижу, вы уже познакомились.

— Нет еще, только приступаем, — усмехнулась Ольга, подходя к кроватке, и играя на зрителя, — здравствуй, Мария. Я твоя няня. Не будешь возражать, если я буду называть тебя Машей?

Ей вдруг показалось, что малышка отрицательно крутнула головой.

— А я, как ты слышала, Ольга Васильевна, — пристально взглядываясь в лицо девочки, Ольга не могла понять, чего ждет от этой крошки.

И недоверчиво открыла глаза, отчетливо увидев, как малышка кивнула, де мол все понятно, не глухая. Ольга Васильевна удивленно подняла одну бровь, но никак больше не отреагировала. Быстро сориентировавшись, она отправила женщину на кухню.

— Татьяна Николаевна, вы можете идти, и попросите, пожалуйста, Веру подогреть питание. Я скоро спущусь.

Татьяна ушла, а Ольга, преодолев непонятно откуда взявшуюся иррациональность происходящего, слегка наклонилась и спросила, не веря, что произносит эти слова семидневной крохе:

— Ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?

И опять получив утвердительный кивок девочки попыталась кивком показать ей на возможную камеру наблюдения.

Кажется, малышка поняла, перевела взгляд, задержала его над дверью и снова слегка кивнула. Ольга выпрямилась, постояла, заложив руки за спину и приходя в себя, затем быстро вышла из комнаты.

Вернувшись, оставила в сторону бутылочку, принесла теплой водички и, раздев ребенка, машинально отметив сухость постельки, поднесла ее к лотку, подержала, закрепляя процедуру, и уже хотела начать ополаскивать тельце, как девочка пописала.

— Отлично, — подумала Ольга, споласкивая ручки, ножки и протирая лицо малышке, — Уже и в туалет научилась ходить. Чертовщина какая-то! Может она вообще попала в подпольную лабораторию? И здесь производятся опыты по пересадке сознания? А контракт? Что за тайны? Что за запреты на общение? И баснословная сумма вознаграждения за месяц.

Быстро закончив процедуру умывания, Ольга взяла бутылочку и поднесла к малышке, которая в нетерпении уже поглядывала на нее. Она недолго дожидаясь, схватила бутылочку ручонками и подтянула к себе так, что Ольга едва не выронила ее ребенку на грудь. А та не обращая больше внимания на окружение, присосалась к соске и довольно причмокивала, то прикрывая свои огромные голубые глаза от удовольствия, то снова распахивая их.

Вот так Машенька, рассуждала Ольга, опускаясь на стул. И как теперь ей быть?

Открытие было ошеломляющим, но минуту подумав, Ольга пришла к выводу, что наняли ее именно для ухода за новорожденной. В конце концов, в любом случае, это беспомощный младенец и ему нужны ее руки и забота. Значит ей нужно присмотреться к малышке и, исходя из

этого составить план занятий, а режим ей подойдет обычный. Собственно, как каждому младенцу, ей нужна еда, гигиена, прогулки и массаж. А остальное сложится по ходу знакомства с ситуацией.

Успокоив себя полученными выводами, Ольга забрала пустую бутылочку, опустила жалюзи, притенив комнату, и оставила Машеньку спать.

Когда она спустилась вниз, Вера всё так же хлопотала на кухне.

— Кофе? — получив утвердительный кивок, она заправила турку и поставила на плиту. Достала две чашечки, сливки, сахар и вазочку с печеньем.

— Как вам? С сахаром? Сливки?

— Спасибо, я черный без сахара, — улыбнулась Ольга.

— Вот- вот... я тоже... И что это за кофе! Намешают все подряд.

Вера присела к столу и приготовилась слушать.

Ольга передала график кормлений, общее расписание сна и бодрствования. Расписала даты консультаций, приема медицинской сестры. Отметила свое время, когда она может пообедать-поужинать или решить возникающие вопросы.

— Вера, — в итоге обратилась она, — я прошу в течение месяца никого не заходить в наш блок без особой причины, тем более в комнату к малышке. Это время мы не будем выходить гулять, кроме как на балконе. Мне не хочется, чтобы ребенок подхватил какой-нибудь вирус, пока немного не освоился.

— Да и заходить-то некому! — Вера обреченно махнула рукой. — Разве что Татьяна Николаевна... Но я ее предупрежу, не беспокойтесь. А я там практически только спать поднимаюсь, не будет вас никто беспокоить.

Первые дни прошли совершенно спокойно. Ольга приглядывалась к Маше, старалась подметить каждую деталь, каждый поворот головки или движение ручкой. А девочка безропотно приняла предложенный режим и, кажется, с удовольствием включилась в игру «узнай меня». Массаж и упражнения на отдельные группы мышц, на укрепление координации, голосовые — все воспринималось с возможной активностью. Часто Маша самостоятельно упорно повторяла упражнения.

Любимым их местом стал балкон. Долгие прогулки перед сном, а иногда и во время сна малышки, изучение сада, насколько позволял обзор, даже знакомство Маши с жильцами дома. Ольга сама уже не могла определить, когда и почему стала относиться к этом малявке как к родному человеку. Маша стала для нее вроде бессловесного друга. Так обращаются к любимой собаке — холят, лелеют, кормят и доверяют. Она сообщала девочке необходимые сведения, показывала кто есть кто в доме, и была уверена, что та все запоминает.

Ольгу настолько увлекли ее новые обязанности, что она не заметила, как срок ее контракта почти завершился. Через два дня она должна была покинуть этот дом и вдруг неожиданно для себя поняла, что не хочет этого! Она привыкла к Машеньке, привыкла помогать ей в развитии и восприятии окружения. И неожиданно для нее самой это стало приносить Ольге удовлетворение. Да что там говорить, даже столь затворническая жизнь оказалась Ольге по нраву. Она чувствовала себя комфортно в расписанном повторении ежедневных действий, в спокойном ритме жизни после многомесячного периода беготни по

собеседованиям и репетиторствам. Ей понравился этот дом, который она видела практически только из окна и с балкона, редким вечером выходя на крыльцо на несколько минут. Вообще, атмосфера в доме, его обитатели отношения между ними, — все импонировало Ольге настолько, что она с легкой завистью думала о хозяевах дома. Смущала лишь мысль о родителях малышки, которые ни разу за весь месяц не пожелали ее навестить.

Ольга уже хлебнула, как говорится, полной ложкой всяческих «радостей» от жизни. Поэтому она не порывалась осуждать их, но очень бы хотела узнать причины такого отношения к девочке.

Что-то дальше будет с Машей? Захочет ли она открыться еще перед кем-то? Тяжело ей будет снова встретиться с непониманием окружающих.

И опять защемило в груди в преддверии расставания. Теперь уже в беспокойстве за Машу.

Месяц спустя, после того как Наташа уехала, чмокнув в щечку Татьяну Николаевну на прощание и помахав Вере ручкой, она неожиданно появилась в усадьбе. Ничего не объясняя, Наталья потребовала от Веры, чтобы та отдала ей документы на квартиру, поскольку они ей срочно нужны.

— Наташа, о чем ты говоришь? Как документы на твою квартиру могут оказаться у меня?

— Но ключи же у вас были? Значит и документы тоже.

— Ключи мне Алексей Николаевич передал перед отъездом, а документы у него.

— Тогда пойдемте в кабинет и заберем. Я имею право, это моя квартира!

— Нет, дорогая. В кабинет я тебя не пушу, да и документы, скорее всего у юриста. А вот тебе домой пора, скоро последний автобус отходит. Ты разве не в курсе, что Алексей Николаевич запретил тебе здесь появляться до его приезда? Вот через пару дней вернется, тогда и встретитесь, и все решите.

— Да не могу я ждать его приезда! — Наташа разрыдалась, — мне ночевать негде! Витя сказал, чтобы я без документов не возвращалась, он не пустит меня.

— Так ты опять с этим аферистом! — всплеснула руками Вера.

— Не надо о нем так! Вы совсем его не знаете! Он не хотел никого обманывать! Просто так сложилось! — вскинулась Наталья, — в свою-то комнату мне можно подняться? Я кое-что из вещей возьму...

Вера молча кивнула головой и Наташа поднялась по лестнице.

Уже проходя через холл в свое крыло она краем глаза отметила, что в противоположной стороне открылась дверь. Наташа приостановилась и взглянула на выходящую оттуда женщину.

— Ольга Васильевна?!

— Наташа?

Обе женщины застыли, глядя друг на друга. В голове Ольги всплыл эпизод в кафе — красивая молодая девушка в положении... Наташа... Алексей...

Так вот кто мама Машеньки. А отец...хозяин усадьбы...

Ольга побледнела, на деревянных ногах, медленно прошла к креслу и присела. Наташа тоже молча села в соседнее кресло.

Несколько минут они молчали. Наконец Наталья собралась с духом.

— Ольга Васильевна, неужели вы — няня?

— Да, Наташа, — ровным безжизненным голосом произнесла Ольга. — А Машенька

как я понимаю, твоя дочь?

— Фи! Машенька! Никто она мне! Понятно? Никто! Как была не нужна, так и теперь ненавижу! Еще больше ненавижу! Всю жизнь мне сломала!

— Наташа, — попыталась урезонить ее Ольга, — чем же малышка виновата?

— Да если бы не она... если бы не эта беременность, у меня все было бы хорошо! А теперь... у-у-у... — Наташа завывала, — дрянь, дрянь, дрянь! Ненавижу-у-у....

Ольга, придя в себя от такого откровения, попыталась еще раз достучаться до Натальи.

— Ну-ну... перестань. У вас замечательная девочка. Она такая умница, и красавица... вот сейчас уже гулять с ней выезжать начнете, коляску завтра купим и можно будет гулять с ребенком на свежем воздухе... — дальше Ольга не знала что сказать, потому что Наташа подняла не нее злое лицо и выкрикнула:

— И вас ненавижу с вашими нравоучениями! Что вам здесь надо? Нашли теплое местечко? Катитесь в свой лицей! Нечего вам здесь делать! Идите собирайте вещи, чтобы через десять минут духу вашего здесь не было!

Она вскочила с кресла и нависла над Ольгой сжав кулаки. Ольга, замерев на пару секунд, поднялась и молча направилась в комнату.

Как только Ольга ушла, дверь открылась и появилась встревоженная Татьяна Николаевна.

— Наташенька, дорогая! Как я рада тебя видеть!

А что тут у вас произошло? Почему ты так с Ольгой Васильевной?

— Да потому! Все с этой дрянью носятся, как кошка с салом! И эта, «няня»... туда же! «...такая замечательна девочка...!» — кривляясь передразнила Наталья. Пусть катится и своих рождает!

Татьяна Николаевна недоуменно смотрела на нее и не могла понять причины такого отношения к няне. Но, с первой встречи, найдя в Наташе объект для реализации неостребованного чувства материнства, она слепо принимала все ее действия и оправдывала поступки. Так и сейчас, Татьяна ни на минутку не усомнилась в правильности решения Наташи, только взглядом проводила спускающуюся по лестнице няню.

Вещей у Ольги было немного, сложить их в сумку не составило труда, и через пять минут она была готова. Напоследок зашла к малышке, у Ольги было такое чувство, будто она предаст беспомощного человечка. Вздохнув, она легонько провела по головке спящей девочки и быстро вышла из детской. Кивнув головой Татьяне Николаевне, спустилась и попрощалась с Верой.

На недоуменный вопрос Веры:

— Куда вы на ночь глядя? — Ольга как можно спокойнее ответила, — Наташа объяснит. Я успеваю на последний автобус?

— Да, вполне... еще двадцать минут, — глянув на часы, ответила Вера. — Может, Василия позвать?

— Нет, спасибо, я сама доберусь. Всего доброго, с вами было приятно работать.

Ольга ушла.

А Вера прокручивала в голове сложившуюся ситуацию и не знала, что предпринять. До приезда Алексея оставалось еще два дня. Вряд ли Наталья решила сама ухаживать за малышкой, скорее всего на Татьяну Николаевну придется переложить, но Наталью надо оставить здесь на эти дни. Пусть сама объяснит Алексею, почему Ольга Васильевна покинула дом. Конечно, по доносящимся сверху крикам Натальи Вера догадывалась, что

произошло нечто, вынудившее Ольгу срочно уехать, но сути она не знала, а гадать не привыкла, правильно решив, что вскоре так или иначе все разъяснится. А пока она поднялась к Наталье и обрадовала ее тем, что та может остаться здесь до приезда Алексея Николаевича.

Наталья и в самом деле обрадовалась, так как не представляла себе, куда сейчас идти, не получив документы, как требовал Витя. Решив, что все сложилось как нельзя лучше, и она спокойно дождетя Алексея, Наташа с удовольствием приняла душ и устроилась в своей такой привычной уже постели.

Но следующий день, увы, начался с проблемм...

Разбудила ее встревоженная Татьяна Николаевна.

— Наташенька, солнышко, вставай! Мне нужна твоя помощь.

— Какая помощь? — приподняв голову от подушки, сонно пробормотала Наташа.

— Машенька капризничает, не ест, не пьет... не знаю, что и делать...

— Да идите вы от меня со своей Машенькой! Не ест, и не надо! Значит, не голодная!

Отстаньте, я спать хочу, — Наталья отвернулась и закрыла глаза.

Татьяна Николаевна потопталась полминутки и ушла.

Полежав еще немного, Наташа поняла, что сон уже не вернется и, сладко потянувшись, встала с кровати и открыла окно. За окном уже вовсю светило солнышко, — а проспала-то почти до полудня, — подумалось Наталье, и она, со вздохом вспомнив причину побудки, побрела в ванную комнату.

И все же хорошо-то как! Не нужно подскакивать утречком и готовить завтрак, мыть посуду... И хотя Наташа уже неплохо научилась готовить, и Витя уже не швырял тарелки в мусорную корзину вместе с ее кулинарными пробами, все же особой радости ей это не доставляло. Как-то не дружила она с бытом. Поэтому за месяц хозяйствования ее новенькая после ремонта квартирка немного потускнела, запылилась, обросла кучками одежды, неглаженного белья, пустыми пакетами от покупок, валяющимися где попало. В общем, чистотой и уютом там и не пахло.

То ли дело здесь. Чисто, светло, тихо... никто ничего не требует, не ругается...птички за окном щебечут. Все же хорошо здесь! Жаль, Витю нельзя сюда привезти, наверное, не пустит Алексей... А как было бы здорово! Тогда и Витенька был бы доволен, и ей было бы хорошо. Ну почему бы Алексею не разрешить им здесь с Витей жить? Дом пустой, работники вон только себя и обслуживают, им лишний человек не в тягость, а сам Алексей Николаевич и не бывает здесь. Ему, должно быть, все равно. Может попробовать поговорить?

С такими рассуждениями Наталья умылась, накинула халат и пошла вниз, на кухню.

— Вера, что у нас на завтрак?

Вера, в данный момент готовившая творожок для Машеньки, с неизменной легкой улыбкой ответила:

— Завтрак был два часа назад. найди что-нибудь к чаю, или сама приготовь, я сейчас занята.

Ошеломленная Наталья не могла поверить, что Вера отказалась приготовить для нее завтрак. За все время, что она прожила в этом доме, Наташа неизменно получала завтрак-обед-ужин в любое время, у Веры всегда находилось чем ее угостить, если она пропускала время.

Наташа нехотя встала, готовить не хотелось, ей и так за месяц осточертела кухня, поэтому, разжившись печеньем, она подогрела чайник и принялась завтракать.

— Вера, а что вы делаете?

— Творожок для Машеньки, — подняла взгляд женщина. Несмотря на приветливость, было заметно, что она недовольна. Вера тщательно пыталась спрятать свое раздражение, вызванное равнодушием Наташи к малышке, но заботиться о Наташе расхотелось. Девочка уже большая, небось своего Витю кормит, пусть и себя обслужит, руки не отвалятся.

— А почему? Разве нельзя купить? Зачем время тратить? Да и не ест она сегодня ничего, мне Татьяна Николаевна сказала. — Наталья сыпала вопросами, безмятежно хрустя печеньем и прихлебывая чай, не ожидая ответов. Вера и не отвечала. Она закончила кипятить простоквашу и, откинув творожок на сито, оставила Наталью одну.

Допив чай, девушка выскочила во двор, потянувшись всем своим изумительным телом, обнажив из-под халатика длинные ножки и подставив солнцу приподнятое лицо. Красота!!! Лето! Экзамены сданы, она теперь второкурсница! А вот съездить отдохнуть не получилось. Витя занят все время, уходит утром рано, приходит поздно. Что-то не ладится у него с работой. Она и так старается изо всех сил, чтобы ему было хорошо. Но ведь у нее тоже занятия были, потом сессия... Но теперь у нее каникулы, может быть съедят с Витенькой куда-нибудь, может даже на море... Деньги у нее еще есть. Правда, потратили они много за этот месяц, Вите на обеды каждый день надо, да на другие расходы... но еще хватит отдохнуть. А потом... потом Витя зарабатывать будет. Все будет хорошо.

Наташа, медленно прогуливаясь, шла по тропинке, она успела соскучиться по саду, хотя, признаться, за месяц практически не вспоминала о нем, окунувшись в новую самостоятельную жизнь. Витю она встретила в первые же дни, они оба были рады встрече. Посидели в кафешке полчаса, Наташа рассказала о себе, поспрашивала о его делах. Витя отшучивался, что теперь он де мол бомжует, ни кола, ни двора. Само собой, воодушевленная встречей, Наташа пригласила его к себе жить.

— Я так и думала — тихо радовалась она про себя — все как я и мечтала. Вот он, мой любимый, и я могу ему помочь. Витенька! Родной! И он не забыл меня, я ему тоже нужна.

Вновь обретенная совместная жизнь уже не очень напоминала ту осеннюю сказку. Витя почти все время был раздражен, и Наташа терпела, угождала, чувствуя свою вину, и оправдывая поведение Виктора теми проблемами, которые были созданы не без ее помощи.

А вчера он потребовал документы на квартиру. На вопрос «зачем», ответил коротко:

— Для дела. А если ты мне не доверяешь, я могу уйти.

Наташа тут же обняла его и заверила, что конечно же доверяет, но документы не может ему показать, потому что они не у нее.

Так слово за слово, получилось, что Виктор отправил ее за документами с наказом не возвращаться без них. А что Витя ее не пустит без бумаг, Наташа уже догадывалась, и вспоминая ноябрьские события, передернула плечами. Хорошо, что сейчас лето, и что ей есть где переночевать. И волна благодарности к Алексею затопила ее. Все же какой он замечательный человек! Жаль, Витя не такой!

Так, порхая мыслями туда-сюда, Наташа прогулялась по саду, постояла возле озера, даже взбежала на пригорок к беседке, чтобы оттуда полюбоваться дальними посадками, и направилась к дому.

Ольга, сидя уже в автобусе, все еще не могла прийти в себя. Она мгновенно узнала Наташу, встретив ее в холле, когда, как обычно перед сном, направлялась вниз пожелать всем спокойной ночи. Застыв на мгновение, Ольга направилась к креслу, боясь, что ноги не выдержат, и она свалится там, где стоит. Да, теперь все понятно. Ребенок Алексея и Наташи,

и она у них в нянях. Насмешка судьбы!

Боже! Как больно! Сколько еще боли и унижений ей суждено вынести!

Слез не было. Она устала от бесконечных подножек, с завидной регулярностью расставляемых невидимым режиссером на ее пути. Устала...

Едва не проехав свою остановку, почти на ходу выскочила из автобуса и ближе к ночи уже открывала дверь своей квартиры. Сожалея, что не смогла предупредить жильцов о возвращении, она переступила порог и тихонько направилась в комнату. Незаметно прошмыгнуть не удалось, из зала высунулась лохматая голова Насти:

— О! Вернулась. Привет!

— Привет — шепотом ответила Ольга — тише, иди ложись, я сейчас душ приму и тоже спать. Устала и замерзла.

— Может чая горячего?

— Нет, я спать.

— Ну давай — Настина голова исчезла за дверью.

Ольга открыла комнату, занесла вещи и, достав пижаму, отправилась в душ. Забравшись в ванну, она пустила горячую воду, села на дно, обхватив руками колени и уткнувшись в них носом. Горячие струи душа хлестали по лицу, по волосам, по плечам... Из кончиков пальцев рук и ног уходил холод, и, казалось, боль с души смывалась и уносилась потоками воды.

Утро в последний месяц начиналось у нее в пять сорок пять. Легкая зарядка-пятиминутка, душ и ровно в шесть она заходила в детскую. Дома она тоже проснулась рано. На цыпочках, чтобы не побеспокоить соседей, посетила ванную и вернулась в комнату. За месяц ее отсутствия, похоже, в комнату никто не заглядывал. Да и кому было заглядывать, когда сама строго-настрого предупредила соседей без ее ведома комнату не открывать. А тете Маше она оставила ключи, но делать ей здесь нечего. Единственное домашнее растение, фиалку, она перед отъездом выставила на кухню.

Пыли, конечно немного накопилось, но это не смертельно. Час работы. А пока можно с почтой разобраться. И Ольга углубилась в чтение.

Незаметно для себя, она почти успокоилась.

Все, что касается ее лично, она получает. Условия договора она выполнила. Не ее вина, что ей указали на дверь раньше срока. Так что деньгами она теперь обеспечена, как минимум на год. Так или иначе завтра контракт заканчивается, и ей все равно пришлось бы уехать. Конечно, осадок от того, что тебя, мягко говоря, попросили, пройдет не скоро, но тут уже ничего не поделаешь, так что и переживать не о чем.

Но тем не менее беспокоила ее вторая сторона договора — Маша. Как там ее девочка? Кто с ней? Накормили ли? А все прочее? Никто ни разу не интересовался, какие процедуры, какие упражнения они делают. Как там Машенька без нее будет обходиться? Не оставят ли ее в кровати еще на несколько месяцев? Это будет убийственно для такой девочки.

Так в смятении проходил день. Она ответила не несколько писем, по работе подходящих вакансий не наблюдалось, да и перерыв сделать надо. Разве что к Анне наведаться, поблагодарить за контракт, да поболтать полчаса.

Соседи проснулись не слишком поздно, так что и позавтракать получилось вовремя. Потом наведальась к тете Маше, там уже не отделалась полчасаком, а так и просидела до обеда. После обеда решила развеяться и прогуляться, а заодно пройтись по магазинам, прикупить продуктов, да гостинчиков соседке. Прогулка, с одной стороны, показалась ей утомительной после загородной тишины, а с другой, Ольга с удовольствием выпитывала в

себя разноглосье улиц, площадей, и даже толкотню в метро. И незаметно влилась в этот кипучий поток большого города, отпустив все заботы и переживания.

Летний день был в самом разгаре, Наталья нагулялась на свежем воздухе, проголодалась после утреннего чая, но вернулась в дом в прекрасном настроении. Каково же было ее удивление, когда она поняла, что никаким обедом на кухне даже не пахнет. А Вера с Татьяной Николаевной сидят на диванчике в холле и тихо переговариваются, встревоженно взглядывая на вошедшую девушку.

— Что-то случилось? — с вопросом подошла Наташа, — обедать будем?

— Наташенька, у нас проблема, — запричитала Татьяна, — Машенька отказывается есть, может заболела, а я не знаю, что с ней происходит и что мне делать. Завтра Алеша придет, что мы ему скажем?!

— Ах ты, зараза мелкопакостная! Бойкот она объявила! — возмутилась Наталья — я ей сейчас покажу молочко-творожок! Она у меня все съест!

И Наташа рванула вверх по лестнице. Охнув, Татьяна засеменяла следом, а Вера лишь осуждающе смотрела им вслед.

Татьяна Николаевна поделилась с Верой причиной ухода Ольги Васильевны, и Вера уже очень сожалела, что оставила вчера здесь Наташу. Мало того, что они нарушили распоряжение Алексея, так теперь эта взбалмошная девчонка еще и ребенку навредит, не дай господь. Следом Вера не побежала, не любила она излишней суеты, да и была у нее причина не контактировать с малышкой. А там и двух женщин хватит для паники. Вера была уверена, что отказ от еды у девочки как-то связан с отсутствием няни, но также она предполагала, что Ольга теперь не захочет вернуться. Сама Вера в такой ситуации ни за что бы не согласилась приехать обратно.

Отвратительно ругаясь, Наталья подскочила к кроватке, где в это время спала малышка и, схватив ее за ручки, начала трясти. Прибежавшая следом Татьяна Николаевна отобрала Машеньку, отодвинула Наталью от детской кроватки и снова уложила ребенка в постель. Девочка, казалось, так укоризненно смотрела на нее, что Татьяна не выдержала и выговорила Наташе:

— Сдурела ненормальная! Нельзя же так, она же еще головку не держит! Сломаешь шейку!

— Я ей сейчас руки-ноги поотрываю! Не только шейку!

У, зараза, навязалась на мою голову! Вот что теперь делать? Что я Алексею скажу?

— Не надо было Ольгу выставлять! За что ты ее выгнала?

— Эта дрянь презирает меня! Моя бы воля, на шаг не подпустила бы ее к нашему дому!

— Ненавижу! И ее! И девку эту ненавижу!

— Побойся бога, бесстыжая! Ребенок чем виноват?

— Ну все! Нечего тут нотации читать. Лучше скажи, что делать будем, как ее жрать заставить? Сдохнет ведь, Алексей меня убьет — и Наташа принялась толкать бутылку в рот девочке, перемазав той лицо, пеленки, одежду...

— Уйди ты, не будет она есть! Убери бутылку, изгваздала все!

И чем ты вчера думала только! Что тебе няня сделала? Целый месяц ухаживала за малышкой так, как мать родная не заботится. Ребенок ухоженный, сытый, спокойный, мы их не видели и не слышали. Что на тебя нашло?

Обе замолчали, глядя на кроватку. Несколько минут прошли в полной тишине.

— А может позвоним тому мальчику? — вспомнила Татьяна Николаевна, — Ну доктору

в роддоме. Такой славный мальчик, и Машенька ему понравилась тогда, даже удочерить хотел.

— Вот и удочерял бы, пока Алексей не надумал сюда ее тащить. Ладно, звони, он тебе телефон давал?

Созвонившись с доктором, все немного успокоились. Он пообещал приехать быстро, как только сможет. И не подвел. Не прошло и часа, как он приехал и все, кроме Веры, поднялись в детскую.

После тщательного осмотра, доктор вынес однозначный вердикт — немедленный возврат няни любимым способом.

Доктор, распрощавшись и наказав обязательно звонить в случае непредвиденных ситуаций, уехал.

Наталья стояла красная, покусывая губы и умоляюще глядя на Татьяну Николаевну. Вера отстраненно наблюдала за этой картиной.

Тяжело вздохнув, предчувствуя неприятный разговор, Татьяна Николаевна набрала номер Ольги.

День уже склонялся к вечеру, когда прозвенел звонок телефона. Ольга настолько отвыкла от него за время работы с Машенькой, что непроизвольно вздрогнула. Подняла трубку и услышала голос Татьяны Николаевны:

— Ольга Васильевна, здравствуйте.

— Добрый день, — настороженно ответила Ольга.

— Ольга Васильевна, я хочу извиниться перед вами за вчерашний инцидент и убедительно прошу Вас срочно приехать, дело в...

Ольга перебила ее:

— Простите, Татьяна Николаевна, во-первых, Вам не за что извиняться, а во-вторых, мой контракт завтра заканчивается, и возвращаться я не предполагаю.

Ольга положила трубку, не дожидаясь продолжения разговора.

Татьяна огорченно смотрела на трубку.

— Ну вот, так я и знала, она не хочет со мной разговаривать...

— Извиниться и попросить Ольгу вернуться должна Наталья, — Вера пристально смотрела на девушку, — она оскорбила человека, она и должна отвечать за это. Я бы тоже не приняла извинения через посредника. Тем более, Татьяна Ивановна просила прощения от своего имени, хотя здесь она совершенно ни при чем.

Наташа покраснела еще больше, глаза ее начали метать искры. Протянув руку, она взяла телефон и набрала последний номер.

Ольга, вздохнув, снова сняла трубку...

— Простите меня, Ольга Васильевна, — без приветствия начала Наталья, — не обижайтесь, пожалуйста, я не знаю, что на меня нашло...

— Добрый день, Наташа. Я и не обижаюсь.

— Ой, здравствуйте!

Ольга промолчала.

— Я чего звоню вам... — Наташа всхлипнула, но больше от жалости к себе, чем к малышке, — у нас...ребенок... не ест и даже не пьет... Доктор сказал, что она не болеет, а скучает по няне. Ну, как собака, когда хозяин уезжает...

Велел вас вернуть. Если вы не приедете, не знаю, что будет. Она лежит, даже не двигается, не плачет. Глаза откроет, посмотрит, и снова закрывает.

Наташа уже взалхлеб зарыдала.

Ольга долго молчала, потом попросила:

— Пригласи, пожалуйста, Веру к телефону.

— Да, слушаю. Добрый день, Ольга Васильевна, я рада вас слышать.

— Добрый день, Вера. Насколько, понимаю, завтра должен приехать Алексей Николаевич? — получив подтверждение от Веры, Ольга продолжила, — я готова приехать и побыть с Машенькой до его приезда. Прошу вас лично, оградить меня на это время от общения с Наташей.

— Хорошо, когда за вами приехать? Если можно, побыстрее, Машенька на самом деле даже не пила ничего. Я очень беспокоюсь.

— Я поняла, пусть Василий выезжает, я пока вещи сложу. Наберет меня, как подъедет...

— Все, Ольга Васильевна! Бегу... Спасибо вам огромное!!

Вера, не сказав больше ни слова, понеслась к Василию. Но и так по разговору было понятно, что Ольга приедет. Татьяна Николаевна облегченно выдохнула, а Наташа опять опустила голову, шмыгнув носом.

Вернувшись, Вера под села поближе и обратилась к Наташе.

— Ты понимаешь, что сейчас Ольга Васильевна только по доброте душевной и из жалости к ребенку решила приехать?

Наталья кивнула головой.

Вера тихо продолжила, глядя ей в глаза.

— Такое сложно простить. Я вряд ли смогла бы... И моли бога, чтобы Алексей Николаевич не узнал об этом. И еще... Постарайся не попадаться Ольге Васильевне на глаза, по крайней мере, до его приезда.

Вера встала и ушла на кухню. Обед сегодня Наташа так и не получила, а если вспомнить, что и завтрак она благополучно проспала, то вполне понятно, что она тоже поплелась следом за Верой. Заглянув на кухню и увидев, что кормить ее никто не собирается, Наташа опять поставила чайник и присела к столу с печеньем. Вера кивнула своим мыслям, глянула на Наташин перекус и сказала:

— Хорошо. Попьешь чаю и поднимайся к себе. На ужин не спускайся, Татьяна Николаевна принесет поесть тебе в комнату.

Наташа обиженно надула губы, но промолчала. Допила чай, заглушив голод, и встала. Собравшись с духом, хотела что-то сказать Вере, но взглянув на нее, передумала и пошла к себе.

И что они так трясутся над этой Ольгой Васильевной? Обычная училка, ничего особенного. Строгая больно, улыбнуться лишней раз не хочет, морщин, что ли, боится. Наташа понимала, что не вполне искренна перед собой, и на самом деле Ольга Васильевна ей всегда нравилась, но сейчас ее обуревала непонятная злоба на свою бывшую учительницу. Как она смеет! Она, Наташа, уже год почти хозяйка в этом доме, училка нянчит ее ребенка, ей за это платят! Как она смеет быть лучше Наташи! Да она и ставит себя выше! И на ужин Наташе нельзя спуститься, видите ли эта цаца, расстроиться может!

Пока дошла до комнаты, Наташа так накачала себя, что с размаху пнула дверь, забыв, что так и дефилирует с утра по дому в коротком халатике и мягких тапочках. Охнув от боли, со слезами на глазах, она свалилась на кровать лицом в подушку и горько зарыдала. Она плакала, жалела себя и плакала еще больше. Выплакавшись, Наташа пригрелась и уснула, так и обнимая подушку. Принесшая ей ужин Татьяна, тихонько поставила поднос на стол и

вышла, осторожно прикрыв дверь. Ей было жаль Наташу. Чем-то она напоминала ей саму себя в юности, когда окружение никак не хочет соответствовать нарисованным в голове идеалам, а люди не совсем похожи на добрых принцев и сказочных фей!

Но Наташе тяжелее во сто крат! Она совсем не видела жизни. Ведь даже из столь уютного гнездышка, каковое было у Татьяны, она выбиралась иногда в жизнь, ходила по улицам, по магазинам, общалась с родными и знакомыми, сверстниками и взрослыми. Наташа же была практически лишена всего, с чем приходится сталкиваться сейчас.

Как могла, Татьяна старалась поддержать девочку, и Наташа тянулась к этой одинокой женщине, хотя частенько позволяла себе срываться на ней, чувствуя свою безнаказанность.

Ольга приехала быстро, тем не менее, уже наступил вечер, когда она, выскочив из машины и на бегу буркнув Вере:

— Добрый вечер! Бутылочку чистой воды без добавок и чуть позже молочко, — бегом побежала наверх. Быстро скинув с себя уличную одежду и надев домашний костюм, Ольга взяла уже доставленный Верой поднос и зашла в детскую.

С какой радостью посмотрели на нее широко открытые сияющие детские глаза!

— Девочка моя, хорошая моя, — приговаривала то ли про себя, то ли вслух Ольга, подходя к Машеньке и поднимая ее на ручки. Как бы ни хотелось ей накормить ребенка, она протянула ей бутылочку с водой. Маша благодарно взглянула и начала пить, быстро, жадно, затягивая соску, стараясь вытянуть побольше влаги.

— Родная моя, не спеши, дай бутылочку, потерпи еще немножко... сейчас успокоится твой желудочек, еще попьем. А потом и молочко, хорошо?

Маша кивнула, соглашаясь, тем не менее, в нетерпении смотрела на молоко. После нескольких минут она получила еще порцию воды и только потом, еще переждав немного, Ольга протянула ей бутылочку с молоком. Девочка схватила своими тонкими пальчиками бутылку, вырывая ее у няни из рук, и вдруг отчетливо произнесла: «дядй-дядй»! Ольга замерла. Маша сказала первое слово? Дай-дай? Бедная девочка! Каково такой крошке терпеть голодные спазмы! А она ведь сознательно отказалась от пищи, в этом Ольга уверена. Маленькая моя защитница! Самое дорогое мне существо на этом свете. Что же с нами дальше-то будет?

Привычно переодевая, умывая малышку, перестилая испачканную постельку, Ольга поворачивала уже спящую девочку.

— Настрадалась, бедняжка. Даже до ванночки не дошли, — Ольга с сожалением опустила Машу на кроватку и долго смотрела, как вздрагивает иногда маленькое тельце и хмурятся бровки на кукольном личике.

На кухню Ольга пришла уже почти в полночь, снесла Машину посуду, составила в мойку и присела к столу. Несмотря на позднее время, и Вера, и Татьяна Николаевна находились здесь. Не решаясь расспрашивать, они обе вопросительно посмотрели на нее.

— Все в порядке, поела, спит, — устало улыбнулась Ольга Васильевна.

Обе поджидающие ее женщины облегченно выдохнули.

Вера тут же подскочила и начала подставлять тарелки на стол.

— Ольга Васильевна, вы ведь не ужинали, да и с обедом, наверняка не успели... поешьте хоть немного, ничего с вашей талией не случится.

Ольга еще раз улыбнулась, теперь уже благодарно глядя на Веру.

— Верно, и пообедать не успела, только из магазина вернулась с продуктами, когда вы позвонили. Ой! Продукты в комнате забыла!

— Да не волнуйтесь! До завтра ничего с ними не случится. Сегодня-то уже поздно звонить. Но ничего, завтра разберемся, — махнула рукой Вера.

Татьяна Николаевна тоже сидела за столом, подперев щеку рукой и по-доброму улыбаясь Ольге.

Ольга Васильевна поужинала и, извинившись:

— простите, сегодня очень мало спала, — поднялась к себе. Моральных сил не осталось даже на душ, и переведя будильник на пятнадцать минут раньше, она сразу же уснула, едва коснувшись подушки.

На следующий день с раннего утра дом готовился к встрече хозяина. Эту суету любили все, несмотря на множество хлопот, она приносила радость, разнообразя их размеренную жизнь. Вера, как обычно, готовила стол, все комнаты накануне были тщательно прибраны и проверены Татьяной, а Василий охотно исполнял роль мальчика на побегушках у всех, кому нужна была помощь. Даже Наталья включилась в подготовку встречи. Общий переполох не коснулся только Ольги и, естественно, Машеньки. Они взирали на беготню с высоты второго этажа, где с утра наслаждались тишиной и покоем. Обе обожали эти утренние часы проводить на балконе, молча слушая пение птиц и сонный шум леса.

Но сегодня очарование их молчаливых посиделок было нарушено, поэтому они уже собирались прервать свою прогулку, как Ольга увидела, что ворота открываются, впуская во двор такую знакомую машину. Вцепившись в перила так, что побелели костяшки пальцев, и замерев статуей, Ольга пристально вглядывалась вниз, стараясь сквозь тонированные стекла рассмотреть дорогое лицо. Дверь открылась и из машины легко выскочил Алексей. Алеша... сердце подпрыгнуло и рванулось отбивать бешеный ритм, громко колотясь в грудной клетке. Казалось, кроме этого ритма, невозможно ничего услышать. Все голоса и звуки отошли на второй план, сердце билось в груди, в голове, в ушах... Ольга выпала из реальности.

В себя ее привел мягкий толчок в ноги. Машенька! Солнышко! Она обхватила, насколько смогла, нянины ноги и, прижавшись щекой к щиколотке, подняла лицо кверху, в ожидании глядя на Ольгу. Ольга мгновенно пришла в себя, подняла девочку на руки и быстро прошла в комнату.

— Спасибо, родная, — прошептала она, занявшись привычными делами. Они успели сделать все необходимое, позанимались, покормились и Маша уснула.

А Ольга не стала спускаться на завтрак, не смогла переступить через себя, и бесцельно ходила то из угла в угол, то из своей комнату в детскую и обратно. Не дождавшись няню на завтрак Вера отнесла его сама. Ольга с благодарностью приняла заботу и попросила кого-нибудь чуть позже подняться за посудой, а к двум часам принести детское питание. Свое нежелание спускаться вниз она объяснила беспокойством за малышку, которая вчера весь день провела в стрессовом состоянии.

Алексей Николаевич в этот раз с нетерпением ехал домой. Необъяснимо даже для самого себя, он не поехал к родителям, а сначала посетил свой дом. Поздоровавшись со всеми, раздав подарки, мимоходом спросив, почему здесь Наташа, и где новая няня, Алексей отметил ответ Веры, что у малышки свой режим и няня обычно обедает отдельно, потому что не совпадают часы кормления. Что-то зацепило его в этом ответе, но он отмахнулся и поднялся к себе наверх. Отведя себе полчаса на душ, Алексей с удовольствием переоделся в домашнюю одежду — легкий льняной костюм. Официоз в одежде вообще не был любимым стилем Алексея, но на работе ему приходилось соответствовать правилам, поэтому дома он позволял себе расслабиться. У родителей это были мягкие брюки и спортивные футболки, здесь же чуть строже — свободные домашние костюмы по сезону. Откинувшись в кресле, он с наслаждением расслабился. Дома! Как хорошо! Он с самого начала бесповоротно полюбил свой дом, но бывать здесь приходилось редко. Когда случались короткие отгулы или отпуска, он стремился как можно больше проводить времени с родителями. Пример отца, до сих пор чувствующего вину за недостаточность внимания к своим родителям, был постоянно

перед глазами. И Алексей старался не позволять себе забывать об этом. Да и лично от него дом практически не требовал внимания. Он прекрасно существовал и без хозяина, иногда одаряя и радуя его частичкой своего покоя.

Посидев несколько минут с безмятежной улыбкой на лице, Алексей вдруг вернулся мыслями к няне. Месяц назад он так и не успел с ней познакомиться, но интерес к ней сохранился после ее представления Анной. А сейчас он понял, что привлекло его в словах Веры — у малышки свой режим... но ведь ей всего месяц! Насколько он помнил, малыши в этом возрасте большую часть времени спят. Это во-первых. А во-вторых, разве нельзя было сдвинуть расписание таким образом, чтобы обедать в отведенное время? Определенно, эта няня заинтриговала его.

Он набрал несколько цифр на пульте связи и попросил охранника:

— Саша, помнишь, перед отъездом мы поставили камеру в детскую?

— Да, конечно.

— Ты сохранил все записи?

— Да, могу скинуть вам...

— Перекинь прямо сейчас?

— Хорошо, вам все?

— Нет, пожалуй... скинь последние три-четыре дня, потом остальные просмотрю.

Через пару минут он уже устраивался перед экраном, куда вывел изображение с камер. Камеры были новейшие, четкие, цветные, изображение — не чета следящему уличному шиппотребу.

Первый же кадр записи трехдневной давности выбил воздух из груди Алексея.

Шесть утра, в зоне видимости настенные часы, кровать, балконное окно, прикрытое полуопущенными жалюзи. И голос!

— Доброе утро, Машенька! Голос ножом резанул по сердцу! Алексей впился руками в подлокотники кресла и подался вперед, напряженно вглядываясь в возникающую в зоне видимости камеры фигуру. Он видел ее со спины. Знакомая походка, сотни раз мерещившаяся Алексею во всех уголках страны!

— Как спалось, моя хорошая? — ласково продолжила няня. От ее голоса Алексея пробрала дрожь, он даже не сразу обратил внимание на малышку, что лежала в кровати. А малышка в свою очередь улыбнулась и замахала ручками, радуясь появлению няни. Она даже, как показалось Алексею, что-то пролопотала, хотя он понимал, что это абсурд. Ей всего второй месяц. Какой же он идиот, он даже не спросил у Веры, как зовут няню, не поинтересовался ни ею, ни малышкой, удовлетворившись двумя словами — все хорошо.

Между тем няня прошла к окну, приподняла жалюзи, впустив в комнату первые утренние потоки солнечного света и развернулась лицом к камере.

— Оля!!! — Он было рванулся к двери, но, не добежав, остановился. Сжав кулаки, громко выдохнул и развернулся обратно к креслу.

Нет- нет... надо посмотреть, надо успокоиться... а вдруг мне опять мерещится... просто схожу с ума...

Усилив воли Алексей вернул себя в кресло и продолжил просмотр. Он быстро прокручивал кадры, где Ольга стояла спиной к нему, его не интересовали ни ребенок, ни занятия, ни как няня справляется с работой... Он уже много раз убедился, что это она, его родная, его Олюшка. Вот она повернулась лицом к камере, стоя немного сбоку от окна, так что солнце не мешало ее рассмотреть и глядя прямо в объектив, словно зная о камере, весело

улыбнулась. Вот, стоя спиной, развернулась в полуобороте и тянется за чистой одеждой, разложенной на столике. Вот идет на выход из комнаты и через несколько минут входит с бутылочкой молока и малюсеньким стаканчиком, наполненным чем-то похожим на сметану или творог, и с такой же малюсенькой ложечкой, вот она кормит малышку, низко наклоняясь и спрашивая ее, когда она намерена вырастить зубки....

Периодически он останавливал камеру, вглядываясь в родное лицо, но потом, спохватившись прокручивал пленку дальше. До обеда он успел почти полностью просмотреть два дня. Остался совсем маленький кусочек от второго и третий день, вчерашний.

Алексей спустился к обеду с лихорадочно блестящими глазами, не задавал вопросов сам, и не слышал обращенных к нему. Наташа, трусившая и боязливо опускавшая глаза, ожидая вопроса по поводу ее здесь пребывания, не удостоилась внимания, чему была чрезвычайно рада. Вера с Василием недоуменно переглядывались, а Татьяна задумчиво ковырялась в тарелке. Легкая непринужденность общих обедов, обычно царившая за столом, не появилась. Душой компании здесь был Алексей, но сегодня его душа находилась совсем в другом месте. После обеда Алексей попросил Веру уделить ему несколько минут. Присев на диванчик в холле, он прямо спросил:

— Вера, вы проверяли паспорт няни?

— Да, конечно! И сверяла данные с контрактом, все сходится. А что случилось? — она побледнела.

— Да не пугайтесь вы! Все в порядке! Напомните мне, как ее зовут?

— Ольга Васильевна... а вот фамилию я проверила, но не помню, как-то не понадобилась больше, вот и выскочила из памяти. Но если нужно, я сейчас принесу, у меня и копия паспорта есть, и договор, — засуетилась Вера.

— Не надо, все хорошо. Я просто собирался познакомиться с ней, но неудобно без имени, не обратишься же: «добрый день, няня!» — отшутился Алексей, и Вера с облегчением улыбнулась, все же не до конца поверив его отговорке. Что-то он слишком нервничает. Вера знала Алексея уже много лет, и по малейшим интонациям угадывала его состояние.

Но Алексей улыбнулся ей открытой и радостной улыбкой:

— Вы говорили, что няня обедает в другое время. Не могли бы вы поинтересоваться, когда у нее свободный час будет в послеобеденный период? Не хотелось бы... нарушать их режим.

— Хорошо, Алексей Николаевич, — засветилась в ответ улыбкой Вера, она сразу почувствовала смену настроения молодого человека, словно он скинул с плеч тяжелый груз, и радуется необычайной легкости.

Алексей взлетел на свой этаж, не почувствовав ступеней, нажал кнопку пульта записи и продолжил просмотр. Ничего особенного он больше не увидел во второй пленке, кроме разве непонятого эпизода в конце. Уже после того как Маша уснула, и на пленке проходили застывшие кадры неподвижного интерьера комнаты, Алексей продолжал смотреть на экран, воспроизводя в памяти отдельные фрагменты лица, фигуры, выражение глаз, улыбку... Спыхватившись, он протянул руку к пульта, чтобы выключить ролик и начать просмотр последнего дня, как кадр дрогнул и сменился.

— Интересно, что это? Ночь уже почти... Ребенок давно спит... На экране появилась знакомая фигура, открывающаяся для обзора с головы к ногам, по мере приближения к

кроватке.

— Оленька! — сердце ускорило ритм.

Ольга остановилась возле кровати, постояла, не двигаясь несколько минут, потом слегка наклонилась, погладила малышку по головке, прошептала несколько слов и, вскинув голову таким знакомым непримиримым жестом, вышла из комнаты.

Алексей еще несколько минут просматривал неподвижную запись, потом поменял запись.

Шесть утра на часах. Малышка лежит уже с открытыми глазами и смотрит на входную дверь. Алексей тоже замер. Камера не видит входа, но по реакции девочки можно догадаться. Да и приветствие, похоже, для них стало ритуалом. Прошло несколько минут... девочка беспокойно переводит взгляд с двери на часы... боже мой! Неужели понимает время?! Стоп, Алексей! Не дури! Совсем рехнулся!

Но где Ольга? Алексей запустил запись в ускоренном режиме, внимательно вглядываясь, чтобы не пропустить мелькнувшую фигуру. Ага... есть!

Он вернулся немного назад, вот девочка обратила взгляд на дверь и тут же скривилась. Что-то не так. И голоса не слышно... а где «доброе утро, Машенька»? Да это не Оля! Татьяна Николаевна подала голос, сюсюкая с малышкой, отчего та кривится еще больше. Дальше... попытка накормить... Тьфу, как же так можно! Сама бы попробовала с утра не умывшись и не посетив определенное место позавтракать! Девочка отворачивает головку и всячески старается показать, что хочет другого. Вот умничка! Но Татьяна Николаевна непробиваема. Алексей быстро прокрутил кусок записи с аттракционами в исполнении тети, опять добравшись до пустой комнаты.

Где же Оля? Что с ней вчера случилось? Ведь сегодня, как он понял, она здесь, и все в порядке.

Стоп... опять действующие лица, теперь двое. Это Наталья кричит. Господи, как безобразно ругается! Алексей поморщился. И тут же стиснул зубы, впившись глазами в экран, увидев, как она схватила ребенка и трясет, не обращая внимания на болезненную гримасу девочки. Заставив себя просмотреть всю сцену, Алексей задумчиво потер подбородок. И он еще надеялся, что Наташа со временем станет любящей матерью. Да ее близко к малышке подпускать нельзя! Что же теперь делать с ней? Может он зря не оставил ее Александру Александровичу?

А вот и он, легок на помине! В кадре появился доктор, женщины переглядываясь и запинаясь, все рассказали ему, что произошло. Няня оставила дом вчера поздно вечером. Как уяснил Алексей из записи ссоры Натальи с Татьяной, Наталья настойчиво предложила Ольге покинуть дом, что та и сделала среди ночи.

У Алексея больно сжалось сердце, когда он представил свою Оленьку одну, ночью, на пустынной дороге... Наташа перешла всяческие границы.

А на экране тем временем доктор проводил обследование, измерял, записывал, выпрашивал, и в итоге однозначно заявил, что нужно срочно вернуть няню обратно. Молодец доктор! А то одна клуша, вторая и вовсе дура малолетняя, да еще и бессердечная. А ребенок целый день голодный.

Доктор уехал, опять в записи пустота, малышка, то дремлет, то вздыхает тяжело. И все же кажется Алексею, словно она на часы периодически поглядывает, словно прикидывая, как скоро о ней вспомнят.

Да что же это! Опять он выдумывает! Точно так же она может и на окно и на стену

поглядывать. Кто ж виноват, что у нее перед глазами часы повесили!

Часы? В детской? Кто повесил? Ольга? Ну да, все верно, режим надо соблюдать...

На часах начало одиннадцатого, малышка весь день голодная. Такое ощущение, что бойкот объявила, но доктор объяснил это стрессом на разлучение с няней.

О! Оля!

— Машенька! Девочка моя! Родная моя! — почти бегом Ольга подошла к кроватке, — как ты? Подавая бутылочку с водой, она беседовала с малышкой, а та радостно улыбалась, протягивала ручки, всем своим маленьким тельцем прижимаясь к ней и, получив вожделенную воду, принялась жадно глотать.

— Солнышко, не спеши, теперь все будет хорошо, я с тобой... много нельзя, потерпи, моя хорошая.. — Ольга отняла бутылку и девочка, несмотря на то, что ручки не спешили расставаться с ней, не заплакала, не скривилась, только вздохнула и спокойно предоставила себя умелым рукам няни. А та тем временем меняла одежду, протирала тельце влажными салфетками, умывала личико.

Справившись с водой и переждав положенные минуты, Маша добралась, наконец, до молока! Вцепившись в бутылочку своими крохотными цепкими пальчиками, она дернула ее к себе, одновременно произнеся: «дядя-дядя!»

От неожиданности Ольга вздрогнула и чуть не выпустила бутылочку, едва не прилетевшую малышке в лоб, но та не обратила на это ни малейшего внимания, тут же затолкав соску в рот, блаженно прикрыла глаза и выключилась из реальности, плавно переходя в сон. Ольга с нежной грустью смотрела на нее, меняя постель и укладывая на ночь. На минутку она прижала девочку к себе и прошептала:

— Моя родная! Моя хорошая! Что же нам делать? Что с нами будет?

Алексей долго не мог прийти в себя после просмотра столь шокирующей информации. Он не готов сейчас увидеться с ней!

— Оля-Оленька! Как же так сложилось! Моя единственная! Что же теперь будет? — почти повторил он слова Ольги.

Стук в дверь вывел его из состояния оцепенения. Это пришла Вера сообщить, что к Ольге удобнее всего подойти через полчаса, у нее будет «окно» в занятиях.

Алексей попросил предупредить Наталью и Татьяну Николаевну, что он будет ждать их в холле второго этажа. А сам начал лихорадочно мерять комнату шагами, стараясь сдержать волнение.

Предстоящая встреча с Ольгой, которой он бредит вот уже более года, казалась ему очередным миражом. Он едва сдерживался, чтобы не побежать немедленно. Минуты текли невыносимо долго, стрелки часов никак не поддавались гипнозу взгляда, время словно замерло в тягучем, душном мареве.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не выдержав получасового испытания, Алексей стремительно вышел из кабинета и направился вниз. Слегка замедлив движение, он посмотрел на дверь, ведущую к ней, к Ольге, но пересилив себя, быстро спустился на первый этаж.

— Вера, я успею чашечку кофе?

Мазнув взглядом по циферблату, она взяла в руки турку.

— Конечно, Алексей Николаевич, все успеете, сейчас Машенька кушает еще.

— Вы так хорошо знаете ее расписание?

— Ну а как же! — не отрывая взгляда от поднимающейся шапки пены, ответила

Вера, — ведь я готовлю смеси и творожки для кормления, — у Ольги Васильевны все по минутам, надо, чтобы вовремя было, и нужной температуры. Иначе сама будет готовить, а ей и так едва пять-шесть часов поспать остается... Вот вам кофеек... может печенья?

— Нет, спасибо, дорогая, — машинально ответил Алексей, глядя в чашку и думая о чем-то своем. У Веры округлились глаза. Впервые он назвал ее не по имени, а таким близким и родным словом, и Вера понимала, что он вряд ли осознает, как обратился к ней, но все равно в душе ее разлилось тепло благодарности. Сама она давно уже считала Алексея и всех проживающих в доме почти семьей. Сложной, разношерстной, но дорогой и любимой. Скрывая готовую прорваться слезу, она отвернулась к мойке и принялась привычно тасовать кухонную утварь для подготовки ужина.

Пару минут спустя, искоса взглянув на Алексея, который все так же сидел, уставившись в чашку, Вера окликнула его:

— Алексей Николаевич!

— Да? — встрепенулся он.

— Кофе не нравится? — слукавила Вера, она прекрасно знала, что кофе у нее отменный, и вряд ли найдется много мест, где можно выпить подобный.

— Нет-нет, что вы! Кофе, как всегда, выше всяких похвал! — ответил Алексей, не пригубив чашку. Вера, заметив это, с легкой ироничной улыбкой спросила:

— Может, вам пора к малышке?

Алексей поднял недоумевающий взгляд, перевел глаза на часы и поспешно встал.

— Да, уже пора. Спасибо, Вера, за кофе, — тут он взглянул на нетронутую чашку и, смущенно улыбнувшись, посмотрел Вере в глаза, слегка разведя руки в извинительном жесте. Вера уже не пряча смешинки, кивнула головой.

Алексей вихрем взлетел наверх, окинув взглядом холл и увидев уже поджидающих его женщин, указал глазами на дверь детского крыла.

— Идем? — синхронно повернулись к нему Татьяна с Натальей. Получив утвердительный кивок, они тут же встали и молча направились за Алексеем.

Алексей вошел в коридор и немного замешкался, обернувшись и подняв вопросительный взгляд на свое сопровождение. Татьяна Николаевна также молча остановилась у него за спиной и кивнула на одну из четырех дверей. Алексей, незаметно выдохнув, толкнул створку. Она неожиданно легко распахнулась и стукнулась о стену, издав громкий звук, от которого даже он сам слегка поморщился.

Ольга стояла у кровати, слегка наклонившись к ребенку и положив руки на постель возле ножек малышки, которая, приняв бутылочку, с удовольствием посасывала соску, изредка скашивая глаза на вошедших. Ольга выпрямилась, обернувшись и переходя за кроватью, чтобы встать лицом к вошедшим.

Она поджидала Алексея и прикладывала все силы, чтобы не показать своего волнения. А тут... Целая делегация — Алексей в сопровождении свиты! Наталья стоит, закусив губу и глядя исподлобья, а у самого входа нерешительно мнется Татьяна Николаевна.

Что ж! Они только помогли ей. Ольга улыбнулась кончиками губ и на вопрос Алексея, не мешали ли они, ответила, что все в порядке, и пригласила проходить. Только, с их разрешения, придется параллельно с разговором заняться процедурами с малышкой. Она намеренно нарушала режим, не позволяя ребенку уснуть, но не могла смотреть открыто в такие любимые и такие далекие теперь глаза... чужие глаза. Не ей принадлежащая улыбка, не к ней обращенная нежность... Боясь расплакаться, Ольга убрала пустую бутылку и

принялась размеренно поглаживать и разминать ножки, сгибать-разгибать ручки девочки, глядя на нее немного виновато, и зная, что она все поняла и поддержит ее.

Алексей в свою очередь пристально смотрел на Ольгу, словно пытаюсь найти там подтверждение хранящемуся в памяти образу. Эта девушка та и не та, что он помнит. Строгая, жесткая... похудевшая... повзрослевшая...

Он поймал ее мимолетный взгляд и застыл — такая смесь боли, отчаяния, надежды и радости промелькнула в любимых глазах, что Алексей едва смог выдохнуть. Этого мгновения ему хватило для того, чтобы всколыхнуть, вытянуть из глубины души хранившиеся там чувства к ней, многократно усилившиеся за прошедший в разлуке год. Он прикрыл глаза, стараясь не выплеснуть, не растерять ни крупицы своих ощущений.

Как же сложно, как тяжело принимать, понимать, что вот она, единственная, самая дорогая, любимая... принадлежит другому.

Наконец он воспользовался приглашением Ольги и сел у стола.

Алексей смотрел на изящные руки с тонкими нежными пальцами, порхающими над малышкой, что-то спрашивал, что-то говорил... она отвечала, иногда улыбалась, иногда хмурилась. Он не заметил, как исчезла Татьяна Николаевна и выскользнула из комнаты вскоре за ней Наталья. Глядя на нежные руки пытался вспомнить, что говорили о ее методах работы, об успехах в работе с девочкой, о докторе из роддома...

В себя он пришел неожиданно, почувствовав горечь в ответе девушки на его очередной вопрос, который он задал машинально и, к стыду своему, даже не помнит о чем спросил.

— Алексей Николаевич!- голос няни зазвенел от обиды, — Я не знакома с Александром Александровичем, и откуда у него сведения, я не знаю. В течение месяца я неотлучно находилась в доме, никому не писала, не звонила. Я даже свой телефон не привезла, как и было обусловлено в договоре. Вне дома я находилась всего один день, позавчера, по личным причинам.

А на сегодня мой срок договора истек, и согласно нему, на этом мы с Вами заканчиваем наши отношения!

«А-ооо-уууу-ааааа»!!!- вдруг истошно завопила девочка. Она задергалась, засучила ручками-ножками, закрутила головой. Ольга от неожиданности вытаращилась на малышку и застыла в ошеломлении. Такого она еще не видела, но быстро догадалась в чем дело.

— Ну Машенька! Ай да крошка! Спасибо, милая, я тоже не хочу уходить, — подумала Ольга.

И пока Алексей, опарашенный внезапным концертом, переводил взгляд с нее на ребенка и обратно, взяла малышку на руки, прижала к себе, тихонько приговаривая в маленькое ушко:

«Тихо, тихо, моя хорошая. Не переживай, я с тобой, все хорошо. Я тебя не оставлю, все будет хорошо. Мы с тобой сильные, мы стойкие, у нас все будет хорошо....»

Девочка мгновенно успокоилась, но вцепилась ручками в блузку няни, прильнув к ней, тесно прижавшись к ее груди, словно защищая и требуя одновременно — не отнимайте!!

Алексей не знал, что сказать и как отреагировать. Он растерянно огляделся, заметив, наконец, что они одни с Ольгой, кроме малышки, разумеется. Как он умудрился обидеть ее? И даже не соображает чем.

— Ольга Васильевна, простите, я не хотел Вас обидеть, — Алексей напряженно всматривался в глаза няни, — мне будет очень жаль, если Вы решите невозможным продолжение нашего сотрудничества. И я на самом деле не предполагал, что Вы сможете принять мои слова на свой счет. Еще раз приношу свои извинения, — он шумно выдохнул и продолжил,

— на самом деле мне очень понравилось, как вы общаетесь с Машей, хоть я не специалист в этих вопросах, но даже мне видно, что вы всей душой хотите, чтобы Маша росла здоровенькой и развитой, и делаете для этого значительно больше, чем предусмотрено контрактом.

Ольга присела на кресло, развернув его так, чтобы быть к Алексею в полупрофиль. Она все еще держала Машу на руках, слегка покачивая и баюкая. Сказав сгоряча слова о разрыве контракта, она с ужасом подумала, а что если он согласится на это? Что тогда будет с Машей? Что станет с ней самой? Ведь меньше чем за сутки дома она извелась вся в думах с девочке. И отчетливо поняла одну простую вещь. Даже если бы он сейчас продолжил задевать ее, и дело дошло бы до разрыва отношений, она сама, первая, затолкав свою гордость куда угодно, просила бы его разрешить общение с Машенькой, ставшей ей ближе всех, роднее, дороже.

— Что ж, Алексей Николаевич, забудем.

Ольга помолчала еще немного, собираясь с мыслями. Потом коротко взглянув в сторону Алексея и поймав его напряженный взгляд, спросила:

— Скажите, а возможно пригласить этого доктора к нам на консультацию? Мне бы хотелось с ним встретиться и поговорить. Думаю, это будет полезно для Маши.

— Хорошо, согласен с Вами, попробую договориться на завтра.

Вам в какое время будет удобно?

Договорившись о встрече, Алексей расслабился. Лицо его ожило, в глазах загорелись искорки, когда он понял, что Ольга не сердится. Он смотрел и не мог насмотреться, он ласкал ее взглядом, благо она, опустив глаза, тоже задумалась о чем-то. И он никак не мог

придумать, как оставить ее рядом, как уговорить продолжить работу, чтобы хоть иногда видеть, чувствовать ее поблизости, слышать завораживающий его голос, от которого все внутри сжимается и трепещет.

— Ольга... Васильевна... — начал он хриловато, потому что в горле вдруг пересохло, — я хотел бы обсудить с вами наше дальнейшее сотрудничество. Мне кажется, лучшей няни для Маши я не найду. Я понимаю, что вы пришли временно, и ваша профессия и опыт заслуживают значительно большего... — он растерянно замолк под взглядом Ольги, — ох, что-то я совсем запутался, не знаю, как сказать...

Алексей вдруг из холодного и, как показалось Ольге, отстраненного человека, превратился в того бесшабашного озорного парня, с которым год назад они прожили пусть недолгий, но самый счастливый в ее жизни кусочек времени, воспоминания о котором останутся с ней навсегда.

А Алексей, собравшись с духом, закончил:

— В общем, я хотел бы заключить контракт с Вами на более длительный период. Допустим, три года? — он с волнением смотрел ей в глаза, боясь отрицательного ответа.

Ольга молчала довольно долго. Она очень хотела остаться. Но три года! Без связи, без контактов! Выдержит ли она? И сама ответила, да, выдержит, если понадобится. Не сможет она оставить Машу на кого-то другого. Она нужна девочке.

— Скажите, Алексей Николаевич, условия договора останутся прежними?

— Я готов увеличить Ваше вознаграждение вдвое... Мало? Втрое? — быстро ответил он.

— Простите, нет, не в этом дело. Как Вы себе представляете возможность прожить в этой усадьбе, пусть в замечательных условиях, но три года без связи с внешним миром? А малышка тоже в заключении будет все три года? Одна среди взрослых? Да и тех по пальцам одной руки пересчитать...

Боюсь, мы вырастим не вполне адекватного человека.

— Мда... Что-то я сегодня немного устал, пожалуй... Придется извиниться еще раз. Я вовсе не хотел в дальнейшем ограничивать Вас никакими условиями, кроме непосредственно связанных с выполнением договора по уходу за ребенком, — подождав минутку и не получив согласия, впрочем, он рад был, что и отказа не последовало, Алексей спросил не нужно ли чего в обустройстве детской, будут ли какие пожелания и заказы?

Ольга улыбнулась и попросила продолжить разговор на следующий день.

— Мы и так сбились с режима со вчерашними событиями, — мягко продолжила она, — не хочется усугублять ситуацию, Машеньке давно уже спать пора, — она смутилась, поняв, что проговорила.

— Что за события?

Ольга устало повела плечами, не желая продолжать тему.

— Прощу Вас, давайте все завтра.

— Что ж... до завтра.

Он резко встал и покинул комнату.

Проводив Алексея сумасшедшим взглядом, она некоторое время приходила в себя. Ей хотелось петь и танцевать, смеяться и радоваться, и кружиться по комнате, и кричать на весь мир, как она счастлива, что он рядом!

Ольга механически выполняла положенные действия, меняла белье, делала массаж, гимнастику, кормила еще раз и затем купала... Она совсем ушла в себя, иногда окидывая

комнату беззащитным слегка отстраненным взглядом. Она то улыбалась, то хмурилась сквозь улыбку, то застывала, глядя в одну точку, то опять меняла уже трижды перестеленное белье...

После посещения детской комнаты Алексей готов был тут же переговорить с Натальей и окончательно решить все вопросы. Невозможно, недопустимо более, чтобы она оставалась в одном доме с Ольгой. Еще этот инцидент с отсутствием Ольги, и тут явно замешана Наталья, иначе Оля рассказала бы. Не тот она человек, чтобы прятаться за кого-то.

Проигнорировав вопрос Веры об ужине, Алексей вышел на крыльцо и бесцельно пошел по дорожке. Легкий прохладный ветерок слегка освежал лицо, летней духоты к вечеру не наблюдалось и он с удовольствием продолжил прогулку. Погуляв полчаса и приведя мысли в порядок, Алексей успокоился и решил перенести встречу с Натальей на следующий день. Не стоит на ночь глядя затевать серьезные разговоры.

А вот контракт с Оленькой надо заключить побыстрее. Оленька...он раз за разом произносил про себя это имя, прокатывая его на языке и в мыслях, любясь мягкостью звучания и яркость образа, вызываемого им... да, контракт нужно составить сегодня, немедленно! А вдруг она передумает?

Алексей стремительно направился к дому, и, миновав холл, быстро поднялся к себе. Надо всеми силами удержать ее, не отпустить, не потерять...

С договором он справился быстро, убрав пункты ограничений из предыдущего контракта и изменив его срок и сумму гонорара.

Легкость, радость, надежда, ощущение безмерного счастья, переполнявшего его год назад, казалось не только вернулись сполна, но и заиграли новыми красками. Он готов был на невероятные мальчишеские выходки, типа серенады под окном или лазания по водосточной трубе... Но не мог хотя бы просто постучаться к ней и, схватив в охапку, обнять, унести туда, где они будут только вдвоем. И, возможно, он сделал бы это, невзирая на мнение окружающих. Останавливало одно — малышка.

Алексей испытывал чувство легкой досады на это казавшееся несущественным препятствие, которое как ни печально, стало непреодолимым в данный момент. Но с другой стороны, благодаря этому ребенку они встретились. Целый год, год отчаяния и подсознательной надежды на встречу! Спасибо, спасибо тебе кроха за такой подарок!

Алексей пока не думал о том, что будет делать ребенок в его доме, когда Наталья окончательно переберется к себе, и что тогда будет с контрактом, заключаемым им с Ольгой. Главной целью его стало удержать, во что бы то ни стало удержать ее возле себя. И он не раздумывая стремился к этому.

Следующее утро встретило Алексея забытой свежестью летнего рассвета и пением птиц. Давно он не испытывал такого блаженства от одного ощущения жизни, когда счастлив лишь оттого, что ты есть. И все вокруг приносит радость.

Поднявшись с постели, наскоро сполоснувшись и накинув одежду, он вышел на балкон. Сев в плетеное кресло, тут же подумал, что прямо под ним находится детская, а там она... что она сейчас делает? Наверное малышка уже позавтракала. Ну почему он так невнимательно просмотрел расписание! Надо было взять его, изучить, тогда бы он в любой момент точно знал, чем занята его родная Олюшка.

И все же сидеть здесь, зная, что его отделяют от любимой всего каких-то несколько метров, было приятно и он расслабился, с удовольствием подставив лицо утреннему солнцу.

Не заметив, как снова задремал, Алексей проснулся от громкого голоса, доносившегося

с нижнего балкона. Он прислушался, узнав голос Натальи и обрывок фразы: «...чтобы вы не рассказывали Алексею о том, что я Вас увольняла!»

Сдержанный ответ Ольги он уже дослушал, стиснув зубы. Так вот причина ее отсутствия накануне его возвращения! Бедная моя девочка! Как же она вынесла такое! И все же вернулась, несмотря на подобное унижение.

Наталья никак не могла решиться завести разговор с Алексеем. Витя звонил ей уже несколько раз, требуя документы на квартиру и грозя вообще не пустить ее обратно. А Алексей, как назло, постоянно был занят! А тут еще эта история с увольнением няни. Не вовремя она сорвалась, и Алексей допытывается о причине... надо срочно что-то придумать, иначе ей нечего рассчитывать на возможный переезд сюда вместе с Витенькой, с мыслью о котором она уже свыклась, сжилась за эти дни и считала, что иначе и быть не должно. Тогда уже и не так страшно будет, что Витя узнает о малыше. Ведь Наташа до сих пор не призналась ему в том, что не написала отказ от младенца в роддоме. А может Витя будет даже рад, что и ребенок здесь, и под присмотром? Ведь говорил же он, что они не могут себе позволить сейчас тратить время на ребенка. А теперь ребенок и не потребует внимания. Совсем. Витенька его и видеть не будет. Зато во всем остальном... Наташа прикрыла глаза, мечтая о том, как хорошо им будет жить здесь, представляя сказочные сцены их совместного пребывания в этой роскошной усадьбе.

Но надо срочно поговорить с Ольгой Васильевной!

Наталья проворно пробежала через холл, открыла детскую и не останавливая движения проскочила до середины комнаты, пока не поняла, что здесь никого нет. Оборвав фразу на середине, она растерянно огляделась и остановила взгляд на балконе.

— Вот! Конечно там! — подумала она и поспешила к нему. Увиденная картина мирных посиделок разозлила ее, а выражение безмятежного покоя на лице бывшей учительницы и вовсе привело в бешенство. Да как она смеет даже не отреагировать на появление хозяйки! Она что, вообще ничего не значит в этом доме? Вот переедет сюда с Витей, быстро укажет этой заносчивой фифе ее место!

В своих мыслях Наташа давно уже считала себя хозяйкой усадьбы, принимая вежливую деликатность обитателей дома за признание ее статуса, а Алексея, ввиду редкого его появления в доме, и вовсе не принимала во внимание. И постепенно ее уверенность стала сказываться на поведении. Из-под оболочки робкой послушной девочки выглянула неуравновешенная, себялюбивая и довольно скандальная особа. Пока она ждала ребенка и была зависима от каждого в этом доме, Наташа еще сдерживалась, нехотя принимая правила поведения, существующие здесь. Но теперь, почувствовав свободу от них и набравшись не самого положительного опыта от сожительства с Виктором, она начала проявлять совсем другие черты характера.

Наталья не понимала, что все ее измышления не имеют под собой ни малейшей реальной подоплеки. Что она на самом деле никто в этом доме, девочка, подобно брошенному котенку, прикормленная хозяевами. И если ее еще терпят из жалости, то коготки уж точно не позволят выпускать. И забота обитателей безусловно перейдет на ее беспомощного котенка, но никак не на бесстыжего наглого котяру, которого она предполагает привести в дом.

Ольга, как обычно в эти утренние часы, сидела в кресле на балконе, устроив Машеньку так, чтобы у нее был наилучший обзор. На слова Наташи она отреагировала лишь слегка нахмуренной бровью. И как эта девочка собирается жить дальше? Но самое непонятное для

нее, как Алеша будет жить с ней? Ведь с первого взгляда видно, что у них мало общего, разве что ребенок... Ольга давно поняла, что о любви между этими двумя не может быть и речи, очевидно, случайность. И непросто все с ребенком. Не нужен он этой девочке, не выдавшей жизни.

— Ольга Васильевна! — едва не срываясь на крик, громко воскликнула Наташа.

— Я требую, — она даже притопнула ногой, — чтобы вы не рассказывали Алексею о том, что я вас увольняла!

— Добрый день, Наташа, — не повернув головы ответила Ольга. — Вы и не могли меня уволить, контракт я подписывала не с Вами, а с нотариусом, причем, от имени Алексея Николаевича. Вы могли выгнать меня из дома, что вы и сделали, хотя это не делает вам чести.

— А... Вы же ушли... — растеряла весь апломб вчерашняя ученица. Она до сих пор не могла отделаться от ощущения, что она на уроке в школе, и ее отчитывает строгая учительница.

— Ушла, — Ольга слегка усмехнулась, — не драться же мне с вами.

Не найдя, что ответить, Наталья похлопала ресницами и, развернувшись, убежала из комнаты.

Алексей уже знал о произошедших событиях. Сопоставив результаты просмотра записей и услышанных с балкона нижнего этажа «приказов» Натальи. Он конечно же восстановил ход событий и это ему совсем не понравилось. Мало того, что Наталья недопустимо ведет себя с ним, она распоясалась до такой степени, что почувствовала себя хозяйкой, имеющей право распоряжаться в доме. Решив не откладывать далее разговор и решать проблему, пока она не обросла новыми, он направился вниз.

Вера, как обычно, хлопотала на кухне. Она обернулась, встретив улыбкой его жесткий взгляд, поздоровалась и, гадая про себя, что могло случиться с утра пораньше, не забывала при этом выставлять на стол завтрак и перекидываться дежурными вопросами-ответами.

— Кофе?

— Ммм... да, пожалуй..- откликнулся наконец Алексей.

— Обед как обычно?

— Да, конечно... впрочем... Вера, после завтрака пригласите ко мне Наталью, я буду в кабинете. А позже мы обсудим время обеда.

Возможно, понадобится внести изменения в режим.

Сказать, что Вера была удивлена приглашением Наташи в кабинет, было бы неверно. Она была просто ошарашена. На ее памяти такой чести удостоивались лишь родители Алексея Николаевича и юрист, несколько раз побывавший вместе с ним. Догадываясь о близкий переменах, она не могла понять, как они связаны с Натальей, но сам факт серьезного разговора с ней настораживал Веру. Она прекрасно понимала, что характер и воспитание Наташи оставляют желать лучшего, и что вряд ли Наташа сможет сохранить атмосферу домашнего уюта и тишины, надежности и покоя, так тщательно создаваемую и бережно поддерживаемую силами всех домочадцев. Это было печально. Наверняка, Алексей пришел к выводу, что статус Наташи, как матери его ребенка, не соответствует создавшемуся положению. С другой стороны, наличие у Натальи сожителя в прошедший месяц для Веры уже не секрет, поскольку Наталья сама призналась в этом, и наверняка узнает и Алексей. И неизвестно как отреагирует на это. С такими мыслями Вера поднималась к Наталье, передавая ей просьбу Алексея.

— Вот замечательно! — воскликнула Наталья, — а я уже сама хотела просить его выделить мне время.

Несмотря на неприятный эпизод в разговоре с Ольгой Васильевной, она пребывала в радужном настроении. Теперь няня не скажет Алексею о причине своего отсутствия. Уж в чем-чем, а в ее порядочности Наталья не сомневается. А других проблем вроде бы и нет.

Ничего замечательного в предстоящем разговоре Вера не находила, но ничего не изменится от ее мнения, поэтому, вздохнув, она повела Наталью наверх.

Едва слышно напевая простенький мотив, девушка легко взбежала по лестнице, даже не ощутив под ногами ступенек, нетерпеливо оглядываясь на идущую позади Веру и осматривая до сих пор закрытую для нее территорию владений Алексея.

Вера свернула направо и постучала в самую дальнюю дверь.

Через несколько секунд Алексей распахнул дверь и посторонился, впуская девушку. Вера слегка подтолкнула застывшую Наталью и, задав ему молчаливый вопрос, не нужно ли еще чего и получив такой же кивок, что нет, достаточно, пошла к себе.

Похоже, разговор будет непростым, думала она, спускаясь по лестнице. За эти годы она неплохо изучила Алексея и по выражению лица, взгляду, речи и прочим признакам почти безошибочно угадывала как его настроение, так и сложность проблем, занимающих его. И сейчас она однозначно ожидала серьезных перемен, касающихся жизни дома.

— Доброе утро, Наташа, — поздоровался Алексей, проходя к столу и жестом приглашая девушку занять место напротив.

Они помолчали. Алексей собирался с духом, не зная, как начать неприятную тему, а Наталья не решалась завести разговор о своих планах.

Наконец, Алексей решительно произнес:

— Наташа, я думаю, ты понимаешь, что наш разговор пойдет о серьезных вещах. Я и так несколько затянул с ним..

— Конечно, Алексей Николаевич! Я тоже хочу поговорить. Я уже сама хотела подойти к вам, — зашебетала Наталья, улыбаясь и внутренне ликуя, что все так удачно сложилось и ей не нужно ждать, когда можно будет его перехватить.

— Вот как? — удивился Алексей, радуясь догадливости девушки, снявшей с него груз тяжелого разбирательства.

— Вот и отлично, тогда давай, говори, — он даже смог улыбнуться ей в ответ, несмотря на бушевавшую в нем с утра злость.

— Алексей Николаевич, я вот подумала... Я уже не ребенок. Мне скоро девятнадцать исполнится. Мне хочется жить самостоятельно, чтобы я была хозяйкой в своем доме.

Обрадованный таким началом, Алексей одобрительно покивал:

— Конечно! Я рад что ты понимаешь это.

А Наташа, воодушевленная поддержкой и довольная, что Алексей так быстро с ней согласился, затараторила без перерыва:

— Ой, Алексей Николаевич! Как я рада! Я так боялась, что вы против будете!

Но ведь и правда, чего вам возражать. Мы с Витей хорошо будем жить. Он очень хороший, немного нервный, но ведь у него столько неприятностей из-за меня. Вы подружитесь, я уверена. Впрочем, когда вам и дружить-то, вас и дома не бывает. А Витя никому помехой не будет, где четыре человека, там и пять проживут. Вот что тут обслуга делает, только сами себя развлекают, да деньги хозяйские тратят.

Алексей мало что понял из сумбурного монолога Наташи, но после того, как услышал

последнюю фразу, до него стало доходить, что жить самостоятельно она собирается отнюдь не в своей квартире, а в его доме, который почему-то тоже считает своим. От возмущения не найдя слов, он выслушал следующую тираду, в которую Наташа, подогреваемая, как она поняла, его молчаливым согласием, вложила уже все свои домыслы и чаяния. Ее уже несло, и она не могла остановиться, пока не выложит все, что надумалось-намечталось за последнее время.

— А вы, Алексей Николаевич, не беспокойтесь! Приезжайте в любое время, мы будем рады видеть вас. И друзей привозите. Мы не будем возражать.

Наташа возбуждалась все больше, глаза искрились от предполагаемых перспектив, лицо покраснелось, она едва не подпрыгивала на стуле от переполнявших ее чувств.

Теперь уже Алексей, едва сдерживая смех, с интересом смотрел на нее и ждал продолжения. Что же творится в голове у этой девочки? Как можно так переставить все с ног на голову? И что будет с ней дальше?

А Наташа, снова приняв его молчание за согласие, представив себя полновластной хозяйкой, рванула дальше, выплеснув наболевшее.

— Я уж наведу в этом доме порядок! И не посмеют больше всякие няни считать меня за ничто в этом доме! А она-то кто такая! Ее обязанность ухаживать за моим ребенком, а не учить меня жить! — заносчиво закончила Наталья, вздернув красивый носик и сразу обмякла, словно сдулась, высказав все.

И если ранее Алексей решил спокойно выслушать весь этот бред, то после слов в адрес Ольги, он опять пришел в ярость. Только долгая тренировка в начальнической должности, да воспитание не позволили ему перейти на крик. Сжав кулаки и выдыхая, чтобы успокоиться, он, не жалея больше эту заносчивую дурочку, прямо спросил, разделяя паузами слова:

— Наташа! А кто? Ты! в этом! доме?

Девушка подняла изумленные глаза, словно Алексей сказал несусветную глупость.

— Ну... я... Я здесь живу... — не нашла она более подходящего аргумента.

— И Вера живет, и Татьяна Николаевна, и Василий, и даже так нелюбимая тобой няня. Все они здесь живут.

— Но ведь они прислуга! — Наталья надула губки.

— Неправильно называешь. Они не прислуга. Они — работники в усадьбе, каждый из которых имеет свои обязанности, исключая Татьяну Николаевну. Если ты не знала, то она моя тетя, сестра отца, — усмехнулся Алексей.

— А вот ты кто в доме?

Наталья сидела растерянная, но все еще не желающая расставаться с придуманной сказкой.

— Ну... здесь живет мой ребенок, — сообразила она.

— Верно, — Алексей опять сжал зубы, — но ты к нему какое отношение имеешь, кроме того что родила? Ведь ты им не занимаешься.

— А если бы занималась? Было бы лучше? — огрызнулась Наталья.

— Пожалуй что нет. К такой матери детей близко подпускать нельзя.

Так все же, Наталья, не отвлекайся, я слушаю тебя.

— А я все равно мать, и имею право жить там, где он находится, — упрямо заявила она.

— Хорошо. А если бы месяц назад отдала его в дом малютки, ты тоже переехала бы туда жить?

— Алексей Николаевич! Не надо издеваться! Скажите, что вам жалко места для нас с

Витей!

— Прости, дорогая! — теперь уже взгляд Алексея метал молнии, — а с чего ты решила, что я могу пустить в свой дом этого прохиндея?

— Не надо так говорить о Вите! Он лучше вас всех! — вскипела уже девушка. — И он имеет право жить со мной в моем доме!

— Вот и прекрасно! — Алексей уже почти шипел сквозь зубы, — Ты немедленно собираешь вещи и отправляешься в СВОЙ дом. И здесь больше не появляйся ни при мне, ни в мое отсутствие, ни-ког-да! Ты поняла? Если возникнут вопросы, хотя не вижу причин, но если вдруг случится что-то непредвиденное, звони моему юристу.

Ты все поняла?

Не соображая еще, что ей только что в самой категоричной форме было отказано не только в доме, но и в любой помощи, Наталья продолжала сидеть, словно ожидая, что все это понарошку, и сейчас Алексей улыбнется, и снова станет тем добрым дядей, что возьмет на себя все ее заботы и решит проблемы.

— Наталья! Что-то еще?

Резкий окрик вывел Наташу из ступора, и в этот момент она вдруг отчетливо поняла, что только что лишила себя поддержки единственного человека, которому она оказалась не безразлична в трудную для нее минуту. Весь ужас ситуации она прочувствует позже, но уже сейчас девушка ясно ощутила, что перешла ту черту, за которой нет возврата.

— Да, есть еще, — голосом, ставшим вдруг безжизненным, сказала она, — меня Витя выгнал из квартиры, велел, пока я не принесу документы на квартиру, не появляться.

— Ты опятьпустила его в дом? Выходит, все, что делали для тебя многие специалисты, чтобы вернуть квартиру, они делали напрасно?

Наташа сидела опустив голову и молчала.

Алексей черкнул что-то на листке и протянул Наташе.

— Это телефон юриста, его зовут Сергей Игоревич. Я его предупрежу. А ты созвонись с ним и договорись о встрече. Документы он тебе передаст.

Все. Иди. Через час Василий тебя отвезет. Это в последний раз. Далее он не обязан тебе помогать.

Фразы выходили короткие, рубленые. Словно Алексей с трудом выдавливал их из себя.

— Прощай, Наташа! Всего тебе хорошего!

Наталья отбыла еще до обеда. Получив предупреждение от Алексея, Вера сообщила Василию, что через час он должен отвезти Наташу домой и нагрузила попутно рядом мелких поручений, не придав событию никакого значения.

Все поняла она, когда увидела Наталью, взъерошенную, с заплаканными глазами, понуро спускающуюся по лестнице с большим чемоданом в руке.

Как бы ни относилась Вера к этой непутевой девчонке, сердце ее дрогнуло при виде такой картины.

— Вот... прощаюсь с вами...

— Вера молчала, сочувственно глядя на Наташу, так и не ставшую ей близкой, но от этого она жалела ее не меньше, надеясь что эта девочка встретит еще хороших людей и когда-нибудь научится беречь дружбу и ценить заботу и доброту, не принимая ее за данность.

— Ой, Вера... я такая дура... — вдруг как совсем недавно припала к ее плечу Наташа...

Вера огорченно усмехнулась, — ну кто бы сомневался, конечно, дура.

Наташа порывисто выпрямилась, смахнув с лица плаксивое выражение и, словно и не плакала вовсе, подняла чемодан и, обернувшись на пороге, махнула рукой со словами:
— Прощай, детство! Не держите на меня зла! — и вышла из дома.

К назначенному часу встречи с доктором Ольга была уже вполне готова к беседе. Она, безусловно, слегка нервничала, хотя и старалась не показывать вида. Да и волнение ее совсем не от будущей беседы с доктором. Сегодня она немного пришла в себя после встречи с Алексеем. Алеша... Ее Алеша... Ну пусть не ее... но близко, но рядом! И она может видеться с ним.

Стук в дверь прервал ее мысли. Хотя какие там мысли, одна-единственная, по имени Алеша.

Вошел Алексей, следом совсем молодой парень, улыбчивый и обаятельный. Ну настоящий доктор! А Ольга ожидала серьезного, в годах, доктора Айболита. От этой мысли она улыбнулась.

Молодой человек представился — Александр Александрович, можно просто Александром, можно Сан Санычем, как все называют, — он с улыбкой пожал плечами, мол что поделать, так получилось.

И обстановка в комнате сразу разрядилась, ушло напряжение, все двинулись совсем не к кровати, где находилась Маша, а к столу, чтобы присесть для беседы. Тут вышла небольшая заминка, возле стола было два сидячих места. Но Ольга быстро сориентировалась и принесла плетеное кресло с балкона.

Беседа больше походила на лекцию, где лектором выступал, конечно же Сан Саныч. Он восторженно излагал результаты обследования Машеньки, развитие которой, по его словам на несколько порядков превосходило средне статистическое для ее возраста, обрисовал суть своих предположений о замещении связи мать-малыш на вновь сформировавшуюся — няня-малышка, особо подчеркнул значимость безукоризненно составленного режима, включающего разнообразные занятия с ребенком.

Ольга все время сидела, откинувшись на спинку кресла и опустив, почти полностью прикрыв, глаза. Можно было подумать, что она спит, если бы не напряженно сжавшиеся на подлокотниках пальцы. Иногда она поднимала взгляд на Сан-Саныча, или направляла его на кровать, но мимо Алексея скользила, словно не замечая. Это было досадно. Алексей тоже был напряжен, можно сказать, даже взвинчен. Ему не давал покоя прошедший разговор с Натальей. Более того, он испытывал необъяснимое раздражение при виде того, как Ольга с улыбкой смотрит на доктора, появилось желание задеть его, найти нестыковки в столь гладко излагаемой речи.

— Позвольте, — наконец заметил он подходящую зацепку, — неужели все это вы увидели на листке с обычным расписанием распорядка дня?

Но Сан-Саныч опять же с улыбкой развернул последовательный анализ занятий, указанных в расписании, их роль и задачи в развитии малыша, значимость и необходимость каждого из них в отдельности и ценность взаимодействия.

— Но почему вы решили, что расписание — это новая методика занятий с младенцами? Может это просто красивые слова, облеченные в форму расписания? — не устоял перед подколкой Алексей.

Сан-Саныч извиняюще улыбнулся Ольге, в лице которой промелькнула тень обиды, и уже открыл рот, собираясь возразить, но всех опередила Машенька. Она подняла вверх одну ручку и четко произнесла — «А»!

Поскольку изначально все сели так, чтобы кровать находилась в поле зрения каждого, то этот жест увидели и услышали все трое.

Ольга посмотрела удивленно, но быстро поняла, что Маша таким образом решила поддержать ее. А Маша, повернув головку и посмотрев на всех, решила, видимо, что этого недостаточно для убедительного показа, и подняла вторую ручку, сказав «О»! И следом махнула обеими руками, опустив их вниз и завершила — «У»! И ничего, что все три звука были очень похожи, понять, что каждый обозначал вполне возможно. Потом малышка скользнула взглядом по ошарашенному лицу Сан-Саныча, недоуменному — Алексея, и усмехающемуся — няни. Решив, что результат достигнут, она повернулась на бочок, свернулась калачиком и закрыла глазки.

Спустя минуту, отойдя от ступора, Александр вскочил со стула и воскликнул, заложив руки за спину и расхаживая туда-сюда по комнате:

— Вот вам яркая демонстрация представленной методики! И как вы это объясните, если не ею? Ребенок уверенно и осмысленно выполняет определенные действия! Вы только посмотрите...

Тут Сан-Саныч сел на своего любимого конька и завел песню об исключительности и девочки, и методики, и Ольги впридачу...

К концу этого монолога Алексей готов был, с одной стороны, придушить разговорчивого молодого человека, которому улыбалась его Оленька, с другой, двумя руками голосовать за представленную методику, только бы побыстрее закончить лекцию.

Но оставался еще один вопрос, который он хотел прояснить.

— Александр, во-первых, я хочу поблагодарить вас за оказанную вчера помощь. А кроме того хочу спросить, как вы так своевременно оказались у нас дома? Насколько я понял, вы впервые вчера посетили нас?

И здесь Сан-Саныч не изменил своей доброжелательной натуре. Он с улыбкой обстоятельно рассказал все, начиная со звонка Татьяны Николаевны и заканчивая рекомендациями, выданными по поводу возвращения няни.

Разговор затянулся значительно дольше, чем предполагалось, и Ольга уже не раз поглядывала на часы, но мужчины, увлекшись разговором, не замечали этого. Пришлось ей прервать их, извинившись и попросить перенести продолжение на другой день.

Оба тут же встали и уже начавший откланиваться Александр, приостановился, так как Алексей попросил позволения подойти в следующий перерыв для обсуждения еще одного вопроса. Ольга кивнула и предупредила, что у нее с малышкой будет массаж, и придется совмещать его с беседой. Александр буркнул, что тоже не прочь посмотреть на процедуру, на что получил ответ уже от Алексея:

— В другой раз!

Попрощавшись, доктор выразил надежду, что они еще увидятся, получил недовольный взгляд Алексея и, подмигнув Ольге, вышел за дверь.

Она устала, как же она устала за эти несколько дней! Сидя в кресле, Ольга расслабилась на несколько минут. Кажется, Машенька задремала.

— Хорошая моя, — с нежностью подумала Ольга, — защитница!

Она опять подумала о том, как близка ей стала эта крохотная девочка, и решила, что именно любовь к Алексею спроецировала ее частичку, на эту малышку. Ведь не напрасно нежность, окутывающая ее при виде любимого, так же щемит сердце и при взгляде на Машеньку.

Незаметно она задремала. Проснулась от тихого «ня-ня»...Взглянула на часы и вскочила с кресла. Восемь вечера! Она проспала кормление!

Взглянув на кроватку, она увидела рядом с девочкой пустую бутылочку. Ольга удивленно спросила:

— Ты кушала в семь?

Маша кивнула.

— А кто же принес молочко? Татьяна Николаевна? Вера? Наталья?

На все имена Маша отрицательно качала головой.

— Неужели Алексей?

Маша кивнула:

— Дя-а!

У нее уже более четко стали получаться нужные звуки, Маша начала складывать слоги в слова. Пока еще сложно, и не всегда понятно, но постоянные тренировки делают свое дело. Речь становится все более внятной.

Сообразив, что Алексей заходил, когда она уснула, Ольга с ужасом подумала, что теперь он будет считать ее безответственной лентяйкой, способной нарушать режим малышки и едва не заплакала от обиды. За целый месяц, находясь наедине с крохой, иногда едва не падая от усталости, она не позволила себе ни разу нарушить режим! А тут на второй же день опозорилась! Закусив губу, Ольга принялась за дело. Через тридцать минут подойдет Алексей, нужно помыть и переодеть девочку для массажа. Управилась она привычно быстро и уже настроилась на ожидаемый визит. И он не подвел. Ровно в половине Алексей стукнул костяшками пальцев в дверь, получив тихое «войдите», открыл ее.

Ольга вспыхнула и, виновато потупив глаза, молчала.

Алексей сделал вид, что не замечает этого, прошел к столу и положил на него бумаги. Обернувшись к Ольге он сказал:

— Прочтите и подпишитесь, — и устроился в кресле.

— Но у нас массаж... — растерянно отозвалась она.

— Ничего, пусть у малышки будет сегодня выходной. Ведь ты не против? — спросил он шутливо у Машеньки, обернувшись к ней, и удивленно тряхнул головой, не веря себе, когда Маша мотнула головой и сказала: — «Нет!»

Алексей беспомощно посмотрел на Ольгу, показывая рукой на кроватку.

— Э-э-э...

Ольга развела руки в стороны и пожала плечами, чуть улыбаясь кончиками губ. Только в глазах плясали смешинки. Если уж Маша решила довериться Алексею, то она только «за».

Алексей, обретя дар речи, и опасливо скосив глаза на малышку, решил задать глупый вопрос.

— Она... разговаривает?

Ольга посмотрела на Машу и получив утвердительный кивок, ответила.

— Не совсем, — и уже открыто улыбнулась, — она осваивает пока только односложные междометия и слова, и отдельные простые двухслоговые.

— А можно мне с ней пообщаться? — все еще недоверчиво, не подшучивают ли над ним, спросил Алексей.

— А это уж как Маша захочет. Попробуйте, а я пока займусь договором.

Ольга присела к столу и углубилась в чтение.

Алексей осторожно приблизился к кроватке, испытывая некоторую неуверенность,

оглянулся на увлеченную изучением договора Ольгу, и снова перевел взгляд на малышку. Она смотрела прямо ему в глаза с серьезным, совсем не детским выражением. Ее огромные, очень похожие на Наташины, глаза притягивали взгляд и не отпускали, заставляя погружаться в него все глубже, и Алексей словно загипнотизированный все смотрел в них и не мог разорвать контакт.

Тут девочка прикрыла глаза, будто отпуская его взгляд, и он облегченно встряхнул головой, не понимая, что он увидел в этом кукольно непропорциональном личике с глазами на половину лица. Не зная, как начать разговор с этой куклой, Алексей слегка наклонился и произнес первую стандартную фразу:

— Ну что, Машенька, давай знакомиться. Я — Алексей Николаевич.

Девочка опять смотрела на него не мигая, и никак не реагируя на его слова. И ему показалось, скептически сморщила крохотный носик. Дескать, я и так знаю, кто ты. Он попробовал задать еще несколько вопросов, от самых «детских» на его взгляд, вроде «хочешь на ручки» и «нравятся ли тебе игрушки», до совсем идиотских — «ты на самом деле меня понимаешь»? или «вы надо мной издеваетесь»?

Не добившись от малышки никакой реакции, он попробовал потрогать ее за ручку. Маша быстро отдернула ее, недовольно мяукнув.

Ольга подняла голову и переключаясь со строчек договора, сфокусировала взгляд на молодом человеке, растерянно смотревшим на нее, словно ожидая подсказки.

— Не расстраивайтесь, Алексей Николаевич, — мягко сказала она, стараясь не задеть, не обидеть его, — вы еще пообщаетесь с Машенькой. Ей пока сложно найти с вами контакт. Ведь она совсем вас еще не знает. Ей нужно время, чтобы...как бы объяснить, простите, синхронизировать поле, что ли, и ей нужно настроиться на вас, и наоборот...

Маша, я правильно понимаю, — обратилась она уже к малышке. Алексей изумленно перевел взгляд и увидел утвердительный кивок этой крохи вместе с четким «дя-а!».

Окружающее все больше походило на аттракцион, на умело поставленный трюк фокусника, на представление дрессировщика в цирке... и вообще черт знает на что! Таким дураком он не чувствовал себя, кажется... никогда.

Попросив Ольгу подписать контракт и отметя все ее попытки протестовать против баснословно высокой суммы оплаты, он взял бумаги и вышел из комнаты, забыв попрощаться.

— Ну что, Машенька? Наворотили мы дел. Что теперь? — сама себе задавала вопрос Ольга, зная, что Маша не только не ответит, но и не знает ответа, а девочка улыбалась и как бы старалась поддержать взглядом, показывая, что все идет как надо. И была права, потому что минут через десять в дверь легонько стукнули и она приоткрылась.

— Можно? Я не помешал?

— Конечно входите, Алексей Николаевич, — Ольга опять не смогла согнать улыбку с лица.

— Мы с вами так и не договорили, — начал Алексей, устраиваясь возле стола.

— Да, я сейчас, — Ольга окинула взглядом кровать, посмотрела на Машу и когда та кивнула, словно давая добро, подошла к Алексею. Не заметив, как уснула малышка, они долго переговаривались, склоняясь над листами бумаги.

А когда Алексей ушел, Времени уже совсем не оставалось.

Потому предаваться раздумьям на тему отношения Алексея к ребенку Ольге было некогда, подошло время вечерних процедур, купания, ужина. Да и не в ее характере было

размышлять о том, чему время даст ответ.

Ее мысли переключились на контракт, кажется, в нем нет ни единой строчки, что говорили бы не в ее пользу, а учитывая такой размер оплаты, что мог обеспечить ей вполне сносное существование на десятки лет, условия и вовсе становились нереальными. Но сколько ни прокручивала она в голове пункты договора, никак не могла найти подвоха. В конце-концов бросила это дело и постепенно ушла мыслями к Алексею.

Обрывки разговоров, эпизоды прошлых встреч, прошлые мечты и сегодняшняя встреча — все смешалось в единый калейдоскоп, вызывавший ощущение счастья и беспричинной радости. С тем она и закончила день, и даже не спустившись к ужину, ушла спать, и, покружив немного мыслями среди событий последних дней, уплыла в страну безоблачного счастья.

Разместить Ольгу с малышкой в гостевом крыле, поближе к саду и прогулкам, да и с большим комфортом, Алексей решил еще накануне вечером, когда обдумывал контракт. И даже с утра принял кое-какие меры по оборудованию комнат. Но окончательное решение оставил за няней. Ольга согласилась сразу, попросив показать ей все утром, чтобы определиться с размещением и списком необходимых покупок. И теперь он еще раз прошелся по гостевым комнатам, прикидывая, как и что можно сделать, мысленно планируя перестановку мебели и загадывая как много из этого совпадет с планами Ольги, и в чем будут отличия.

Продумав, кажется каждую мелочь, он вернулся в центральный холл, и, проходя мимо кухни, не удержался и зашел на чаек.

Вера после утренней встречи не видела Алексея. Закончив разговор с Наташей, он не спустился ни к обеду, ни к ужину, и Вера уже совершенно уверила себя, что гроза продолжается. Однако, Алексей вошел с мечтательным выражением на лице и с улыбкой на губах. Вера озадаченно приподняла брови. Вот так сюрприз! Что бы это значило!

Как обычно, Вера задала вопрос:

— Кофе?

— А налейте-ка мне чайку, Верочка Семеновна! Да поесть чего-нибудь, что найдется! — непривычно обратился Алексей к Вере.

Вера не любила своего отчества, никогда не представлялась по имени-отчеству даже более молодым людям, раз и навсегда оставив за собой право именоваться своим коротким и очень содержательным именем.

Но перед обаянием этого молодого человека она пасовала. Тем более, что таким обращением, он несомненно выразил ей особое доверие, как близкому человеку.

Поесть «что найдется» нашлось немало, включая пельмени. Через десять-пятнадцать минут Алексей с удовольствием сметал со стола все подряд, подтверждая формулу три в одном — завтрак-обед-ужин, — в один присест.

Попутно шутил, балагурил, высказал мнение, что надо согласовать время приемов пищи с расписанием занятий у Ольги Васильевны, чтобы она могла обедать со всеми. В общем, был таким веселым и неотразимо-шутливым, каким Вера его и не припомнит.

Она смотрела на него также с улыбкой, по своей привычке слегка наклонив голову набок и подперев ее рукой.

— Какой же еще по сути мальчишка. Не иначе влюбился. Неужели в нашу няню? — задумчиво предполагала она, — дай-то бог! А то второй год изводит себя из-за какой-то фифы!

Вере нравился этот молодой человек, нравилась его семья и ей от души хотелось счастья для него. Она совсем немного поняла из скупых, оброненных невзначай фраз о событиях прошлой весны, после которых он полгода не появлялся в городе, загоняя себя работой.

Уже второе утро у Алексея наполнено неизбывным счастьем! Он и не думал никогда, что подобное бывает. Привычка включаться в работу сразу, как только открыл глаза, независимо от того, где находится, казалась неизменной и неизбежной. Он не умел по-другому. Его мозг, как компьютер, работал всегда и везде, исключая разве что сон, да и то не факт. А сейчас вместо цифр, чертежей, бесконечных докладов он до краев наполнен щебетом ранних пичуг, запахами сада, врывающимися в раскрытое окно, первыми лучами солнца, играющими зайчиками, скользящими по стенам...

Впрочем, долго предаваться своей эйфории Алексей не позволил себе. Его ждала работа. Нет, его ждало счастье сделать что-то для любимой!

Разве эти хлопоты можно назвать работой?!

Он подумал о своей матери, которая всегда отмахивалась, если ей пеняли, что она много времени и сил тратит на своих мужчин, балуя их в семье. Она так же говорила: «Да разве ж это работа! Это ж удовольствие!»

Теперь он как никогда понимал, какое это удовольствие, сделать что-то приятное для любимого человека.

Прогулка по отведенным под детскую апартаментам восхитила Ольгу. Она не ожидала такого простора. Наконец ее спальня будет находиться с непосредственным доступом к спальне малышки, поскольку они объединены общей гостиной. И при каждой спальне своя душевая, не нужно бегать через коридор, где хоть и не предполагается на сегодня посторонних, но все же не личная территория. А игровая! Здесь хоть на велосипеде катайся! Интересно, что здесь было раньше?

А выйдя на террасу Ольга вообще забыла как дышать от восторга. Обширная терраса ступеньками спускалась прямо в сад, в стороне от центрального входа. Так и захотелось немедленно приступить к его обследованию! Подавив огорченный вздох, Ольга повернула сияющее лицо к Алексею и прошептала:

— Спасибо!

Алексей только молча сглотнул, жадно глядя в ее глаза.

Сверив пожелания Ольги по обустройству комнат, Алексей удивился, как мало он допустил промахов. И все они относились, в основном к оборудованию спортивно-игровой комнаты, где ему не удалось соотнести размеры малышки с предлагаемым инвентарем. К сожалению, пришлось согласиться, что практически все это понадобится, но несколько позже, когда Машенька подрастет. А сейчас нужно срочно заказать спортивные предметы по рисункам и размерам Ольги. Еще она заказала легкое креслице, в котором Маша могла полулежа отдыхать на террасе и второе подобное, но посвободнее и помягче, в гостиную. Кроме этого пару колясок для прогулок и много-много подушечек на пол, чтобы Маше можно было и прилечь во время занятий, и привалиться где-нибудь по пути, если устанет перемещаться.

Договорившись о переезде после обеда, они разошлись по своим делам.

Расставался Алексей нехотя, стараясь использовать любую возможность побыть рядом. Он с тоской думал о том, что пришла пора уезжать, а он так и не навестил родителей. И надо срочно исправить этот промах, но не было сил оторваться от вновь обретенного счастья видеть свою родную девочку.

Обеденное время еще не успели перенести, поэтому и обедал Алексей без энтузиазма, убедительно попросив Веру с завтрашнего же дня перенести время обеда и предупредить об этом Василия, которого тоже не было за столом.

— Меня сегодня не ждите к ужину, — предупредил он Веру и направился в новую детскую, хотя делать там сейчас было решительно нечего. Он просто посидел в гостиной, представляя как будет здесь отдыхать Оленька, вышел на террасу и сел в одно из кресел. Вздохнув, достал телефон и набрал знакомый номер.

Маргарита Львовна ответила не сразу.

— Опять с тестом возится, — тепло улыбнулся Алексей, — мама, привет!

— Добрый день, Алешенька. Ты где пропал? Как у тебя дела?

— Все хорошо, дорогая. У меня все хорошо. Я приеду к ужину, готовь любимые пирожки.

— Как чувствовала, тесто завела, — засмеялась легким грудным смехом Маргарита Львовна.

— А я-то как чувствовал! — ответил, смеясь, Алексей, — так и знал, что руки в тесте, трубку полчаса не брала. Жди, родная, скоро буду!

Ольга, наскоро перекусив, поспешила к Алексею, сказать, что она готова к переезду. Подходя к террасе она услышала такой знакомый и уже почти забытый смех. Сердце радостно забило, на лице сама собой расплывалась счастливая улыбка. И вдруг безжалостно врезавшаяся в сознание фраза: «Жди, родная, скоро буду!»

Не ей сказаны эти ласковые слова, не для нее его счастливый смех...

Улыбка сползла с застывшего вдруг лица, превратившегося в холодную маску, в глубине глаз опять затаилась застарелая боль. Она стояла, прислонившись к косяку и не могла окликнуть его, боясь выдать себя дрожащим голосом.

Алексей, почувствовав взгляд, обернулся и быстро поднялся с кресла, подавшись к Ольге. И такое счастье лучилось из его глаз, что она забыла о своей боли, радуясь тому, что ему хорошо.

— Как вы? Готовы? — улыбаясь спросил Алексей.

— Да, нам и готовить особенно нечего, — не сдержала улыбки в ответ Ольга.

Переезд, действительно, не занял много времени. Собственно, от Ольги требовалось перенести малышку, остальное, — упакованные вещи, кровать и столик с шкафчиком для чистой детской посуды, да ванночку для купания — перенесли Алексей с Василием.

Ольга с девочкой на руках присела в кресло в гостиной комнате, а Алексей занимался перестановкой мебели в спальне Машеньки.

Поставив кровать и прочее на указанные Ольгой места, он нехотя удалился, оставив их обживать. До поездки домой у него оставалась еще пара часов, и ему так хотелось провести их рядом с любимой, но он понимал, что именно сейчас ей необходимо остаться одной, чтобы разобраться с вещами. Да и Машеньке пора уделить толику внимания.

Не желая больше томиться между стремлением сбежать вниз, к Ольге, и необходимостью дать ей время осмотреться, Алексей прихватил сумку с так и не попавшими к родителям подарками и поехал домой.

Ольга наблюдала за отъездом Алеши из окна своей новой спальни, откуда вскользь был виден центральный подъезд к дому.

— Уехал...

Она не хотела думать о той, что заменила ее в сердце родного человека и вызывала на

его лице такую теплую улыбку, что у Ольги перехватывало дыхание. Не хотела... но мысли неизменно возвращались к одному и тому же, словно крутятся по кругу.

Проводив глазами Алешу и мысленно пожелав ему хорошей дороги, Ольга взялась за обустройство нового жилья. Здесь ее радовало все без исключения. И уютная гостиная с выходом на огромную террасу, и расположение спален, и наличие в них отдельных душевых, и огромной общей ванной комнаты с мини-бассейном, в котором она собиралась обучать Машу плаванию. Даже небольшой кабинетик рядом с ее спальней радовал сердце Ольги. Он ей, конечно, пока не очень-то нужен, но все равно приятно. Немного не закончено обустройство детской комнаты, но Алексей заказал все, что нужно, и завтра все прибудет. Особенно важно мягкое напольное покрытие. Ольга попросила Алексея поменять все ковровые покрытия на мягкие моющиеся, с которых легко и пыль удалять, и упасть ребенку не больно. Не сделала она исключения и для своей спальни, предполагая, что малышка будет расти и совать свой носик во все щели, а следовательно и в этих щелях не должна задерживаться пыль. Занавеси также претерпели изменения, из спален исчезли портьеры, заменившись на сплошные жалюзи, а в гостиной остались только тонкие легко стирающиеся шторы.

Разложив по местам пеленки-распашонки, внимательно проверив чистоту комнат и найдя ее вполне удовлетворительной, Ольга, наконец, смогла приступить к своим основным обязанностям — непосредственно к нуждам малышки. Судя по широко открытым глазам девочки, она была не менее Ольги, если не более, поражена представшими перед ней хоромами. Ольга носила ее по всем закоулкам, поворачивая в разные стороны для лучшего обзора, а та только показывала ручкой то в одну сторону, то в другую, прося показать ей все до последнего закоулочка.

— Машенька, ну довольно, — смеясь сказала Ольга, — скоро сама все облазишь. Мы уже все что можно нарушили, пойдем кушать.

Так начался новый период их совместной жизни на новом месте.

Алексей, уехав в день переезда, не вернулся ни в этот день, ни на следующий, ни через неделю... И если в первые дни Ольга вздрагивала от каждого звука хлопнувшей двери, и выходя в общий холл невольно обращала взгляд на лестницу, ведущую наверх, а когда была свободна, частенько стояла у окна, в надежде увидеть как въезжает в ворота знакомая машина, то спустя дня три, она отпустила мысли об Алеше, перестав даже внутренне поджидать его, и полностью окунулась в выявление дополнительных возможностей нового жилья и исходящей из этого свободы передвижений.

Встреча с родными, как всегда вызвала ощущение защищенности и умиротворения в душе Алексея. Стало вдруг тихо и спокойно, все понятно и просто, как в детстве. Он с радостью выслушал немудреные новости о текущих делах родителей, поужинал в семье, восхваляя выпечку по новому рецепту и отдавая должное старому, потом, как обычно, они сидели в гостиной у камина, несмотря на летнюю пору и разговаривали о том, о сем.

Маргарита Львовна смотрела на периодически зависающего с глупой улыбкой на лице сына и все больше укреплялась в своей догадке. Чувствуя момент, она задала вопрос, который при других обстоятельствах показался бы ей верхом нетактичности.

— А не влюбился ли ты часом, сынок?

Оба ее любимых мужчины с одинаковым выражением уставились на нее.

— Что? — спросил отец.

— Откуда? — одновременно выпалил сын.

Все трое рассмеялись. Смеялись долго, открыто, выбрасывая со смехом радость от встречи.

— Ну мама! Ну Шерлок!

Алексей вытер выступившие на глазах слезы. И тут же посерьезнев, ответил.

— Да, мама, влюбился. Так влюбился, что страшно! И не спрашивайте меня, сам ничего не знаю. Но мама, папа... — он обвел их лихорадочно блестящими глазами, — я люблю ее и буду рядом в любой ситуации, и надеюсь, вы меня поддержите.

— Хорошо сынок, — приобняла его мать, — все будет хорошо. И мы всегда будем рядом с тобой.

Они еще долго сидели вместе, молча глядя на огонь и перебирая мысли каждый о своем.

Николай Николаевич, глядя на сына, думал, о том, как он похож на Риточку. Ему лично, он был уверен в этом, выпал в жизни счастливый билет, он встретил свою половинку. Дай бог, сыну такое же счастье в семье. Только вот где оно, и когда появится это счастье. И не спросишь, не ответит. Здесь он в отца уродился. Сам Николай такой же, слова лишнего не скажет. Много Риточка с ним намучилась, пока он научился делиться с ней. И мысли Николая плавно утекли в молодые годы, первые встречи, первые годы совместной жизни.

Маргарита же думала исключительно о сыне. Не понравились ей его последние слова — «..несмотря ни на что...». И что же это может быть? Видно по нему, что горит от любви, но что-то не так... может это и есть «ни на что», только вот не узнаешь, пока не созреет.

Нет, это не Наташа, ответила она сама себе на промелькнувшую в голове мысль. Кстати, что там Наташа? Молчит он о ней. Ну да ладно, и так понятно, что родила. Надеюсь, у нее все в порядке.

Давненько мы у сына в доме не были. И не приглашает. Напроситься?

Пожалуй подождем еще.

— Алешенька, а ты надолго к нам? — спросила она как бы между делом.

— Нет, моя хорошая! Прижался грудью к мягкому плечу, обняв за спину, Алексей. Завтра заеду в усадьбу и вечером улечу. А обедаю дома, не прогонишь, — неловко пошутил он, пытаясь смягчить горечь от короткой встречи.

— Ничего, сынок, в другой раз подольше получится, — вздохнула Маргарита. Мысли о посещении усадьбы отпали сами собой. Нечего им там делать, если Алексея не будет.

Под утро Алексея поднял звонок телефона. Срочный вызов на объект, самолет уже готовится к вылету, его будут ждать как можно быстрее.

Пришлось разбудить родителей, спешно собираться и выезжать, скомкано простившись. Он с трудом вынес взгляд опечаленной матери, обнял ее на прощание, шепнув «я скоро буду», хлопнул отца по плечу и уехал на аэродром.

Окунувшись в работу, почти сутки не выходя из цеха, Алексей отключился от всего, кроме стремления как можно быстрее и с меньшими потерями ликвидировать последствия аварии.

Очнувшись после завершения работ и сообразив, что прошло уже двое суток с момента его отъезда из усадьбы, он тут же мысленно переключился на дом. Как там его Оленька, что делает сейчас. Он пытался вспомнить их с малышкой расписание, потом соотнести его с другим часовым поясом, но в итоге признался себе, что он идиот, и мог хотя бы сфотографировать лист с режимом девочки, чтобы не позвонить в неподходящее время. А потом обозвал себя дважды идиотом, потому что не удосужился взять номер телефона Ольги. Расстраивался он недолго, потому что уснул тут же в цехе, на затертом кожаном диванчике, подложив под голову чью-то куртку.

Первой мыслью его после пробуждения была душевая и чистая одежда. Осмотревшись, он с благодарностью подумал о коллегах, давших ему возможность поспать и даже притащивших откуда-то старенький плед. Ведь не только он, весь состав сутки не вылезал из цеха. Сейчас здесь тихо, мерно гудят аппараты, сидит оператор, все спокойно.

О причинах потом, потом... Сначала прогнать все от начала до конца, убедиться, что теперь все в порядке, а потом можно анализировать проблемы и искать причины сбоя. На это уйдет не один день, но оставить неразрешенным вопрос он не может.

Как же не вовремя! Может попросить Веру узнать телефон Ольги?

Нет, это некрасиво будет выглядеть. Она может обидеться, оскорбиться...

Что ж, придется потерпеть. Будет стимул побыстрее справиться с проблемами, невесело ухмыльнувшись, подумал он.

Но, к большому огорчению Алексея, по окончании комплекса работ по ликвидации аварии, выявлению и устранению причин, приведших к сбою, он не вернулся домой, а вылетел на новый объект. Так, в перелетах он провел бесконечные три недели. Три недели вдали от той, к которой каждую свободную минуту тянулось сердце.

Получив в распоряжение шикарную площадь и безграничную возможность прогулок по саду, Ольга со своей подопечной с головой окунулись в его исследование. Для них это стало своего рода игрой — открой новый уголок! Маша принимала во всем активное участие, она с любопытством воспринимала все — от букашки до шишки чертополоха, запутавшегося в ее волосах. Она ползала, каталась, кувыркалась, хлюпалась, падала... И никогда не плакала. Ольга не переставала удивляться стойкости этой крошки, которая целыми днями, не переставая старалась освоить, осилить, сделать. Иногда, не имея сил добраться до поставленной цели, она падала там, где могла, и набравшись сил, продолжала путь. Это приносило свои плоды, ребенок развивался буквально на глазах. То, что не получалось утром, Маша уже делала к вечеру.

Часто Ольга ловила на себе задумчивые взгляды Маши, и сама себе признавалась, что она до сих пор не может принять за реальность все с ней происходящее.

Девочке еще не исполнилось двух месяцев! Она ползает, встает на ножки и вот-вот начнет ходить. С речью чуть хуже, пока не даются ей полноценные звуки, но она терпеливо

упражняется. Скоро полезут зубки, тогда и с речью станет проще. А что с ней будет, когда придет время общения со сверстниками? А взрослые? Будут показывать, как обезьянку? И как уберечь ее от этого?

Эти вопросы постоянно крутились у Ольги в голове, но ответом пока был единственный — как можно дольше скрывать особенности Машеньки.

В целом, новый жизненный поворот очень понравился как Ольге, так и Маше. Огромной радостью для обеих стал личный автомобиль. Маленький непритязательный фордик был предоставлен в личное владение няни, что если и было непонятным для других обитателей дома, то каждый держал свое мнение при себе. Узнала Ольга об этом почти случайно, когда пришло время первого выезда в клинику на прививку. Подойдя к Вере с этим вопросом, Ольга получила в ответ:

— А разве у вас нет прав?

— Есть, — с недоумением в голосе ответила она, — но неужели Василий доверит мне свою машину?

— Нет, свою он конечно не даст, — покачала головой Вера, — но Алексей Николаевич распорядился передать вам в пользование другую машину. Она в гараже стоит. Подойдите к Василию, он покажет.

Так наши «девочки» получили в распоряжение автомобиль и позволяли себе иногда прокатиться по городу. Поездки были короткими, только в перерывах между кормлениями, но и это было в радость обеим.

Жаль, меня, в силу нежного возраста, еще нельзя было выводить в люди. Следовательно, все общественные места были для нас под запретом.

Поэтому, мы иногда просто катались по улицам, чтобы ощутить пульс городской жизни.

Сегодня мой день рождения. Два месяца. Я родилась, как выяснилось, пятнадцатого мая. И по народному поверью, маяться мне всю жизнь. А еще мало того, что телец упертый, так еще и змея подколотная. Вот угораздило!

Но что есть, то и будем растить, не исправишь уже. Да и не на что мне жаловаться, жизнь пока удачно складывается, тьфу-тьфу, не сглазить бы!

Только вот папочка мой, как перевел нас в эти апартаменты, так и исчез, только его и видели. Ну, маму-Наташу я вообще мамой никогда и не считала, да и видела ее — по пальцам одной руки пересчитать, так еще и свободные останутся. А вот папочка мне почти понравился, и нравился как раз до того момента как исчез. Очень уж няню жалко было, видно же, что неровно к нему дышит, да и он тоже... Я теперь много чего лишнего вижу, как начала ауры видеть, так и вижу все подряд, к моему глубокому сожалению. Сначала испугалась, когда первый раз няня с папочкой засветились, нет, не в том смысле, что попались, а в прямом — ауры светиться начали. Потом приглядываться начала, у всех вижу. Лишнее, конечно, для меня на мой взгляд, но делать нечего. Получила — пользуйся!

Вот и присматриваюсь, анализирую, изучаю, так сказать, потихоньку. После пропажи папочки няня сама не своя была, аура так и металась всполохами. Да тут и без нее видно было, встанет столбом у окна и смотрит часами. Хорошо, что я уже почти самостоятельная была, занималась, ползала, распевалась, в общем, помогала ей как могла. Дня три она так попереживала, потом в норму пришла и мы так замечательно стбали проводить время.

Обе загорелые, я еще и исцарапанная, вечно куда-нибудь вляпаюсь, то в кусты завалюсь, то в лужу.

И понимать мы научились друг друга без всяких слов, хотя и говорить я понемногу

пытаюсь. Но увы! Фефекты фикции, как говорится! Пока зубы не вырастут, не очень получается. Я уже и кричу, и пою, хотя лучше сказать, вою, а толку мало. Но я упертая, и в той, и в этой жизни. Не напрасно же бык по гороскопу.

Но понимает меня моя нянюшка и без слов. И слава богу! А с другими мне и общаться негде. Дважды встречали в саду Василия, он на меня и внимания не обратил, перекинулся парой слов с Ольгой, да пошел по своим делам. Вера вообще мелькает где-то на горизонте, ни разу не подошла, непонятно, чем я ей так насолила. А вот Татьяна Николаевна появлялась несколько раз, пыталась посюсюкать, но няня у меня умница, быстренько ей объяснила, почему нельзя с детьми так обращаться и слова коверкать. Кажется, дошло. Только теперь и она мне лишнее слово сказать боится. Прямо детобоязнь повальная в доме.

А вот интересно, подарки мне на сегодня положены или нет? Хоть кто-нибудь вспомнит про бедную малышку, ждущую подарочков? Вон няня валяется на траве, задрав ноги выше головы, и что-то клацает на айфоне. Завидно! Я тоже хочу! Мне бы айпадик, на айфоне уж слишком мелкий шрифт, пальчики-то еще не совсем послушные, так и норовят куда попало ткнуть. Подползаю к ней и показываю пальцем на айфон.

— Что, солнышко, телефон хочешь? — спрашивает няня.

Отрицательно мотаю головой, для убедительности впечатывая — «нет!»

— А что, Машенька? — пытается понять Ольга — фото показать?

Я опять мотаю головой.

— Сфотографировать что-нибудь?

Устав гадать, Ольга разводит руками, виновато улыбаясь, и снова начинает тюкать по экрану.

Я обиженно насупилась и отползла в сторону. Некоторое время строя гримасы, я пыталась артикулировать нужное мне слово. Потом начала потихоньку бормотать его. Ольга давно привыкла к моим так называемым упражнениям и не обращала на них никакого внимания. Ну булькает там что-то дите, и пусть себе развлекается.

Через некоторое время я опять подползла к няне и упрямо протянула руку к айфону.

— Хочешь взять? — опять спросила Ольга.

Я сердито свела брови, надоело мне уже эта ситуация.

— Неть! Ма-ня! Ай-падь! — выдала я сурово, и окончательно добавила, — Дяать!

— Айпад? Машенька! Ты хочешь айпад?! — не поверила Ольга.

— Дяа! — решительно ответила я.

Она зависла на некоторое время, потом, словно вспомнив что-то, набрала несколько слов на айфоне и, отправив сообщение, погладила меня по голове.

Я, к слову сказать, терпеть не могу этого. Что я, кошка, что ли! Еще за ушком почешите. Но нянюшке своей я еще и не то могу позволить, видно же, что не просто так, а на самом деле приласкать хочет.

— Ну вот, попробуем, может получится, — сказала Ольга и потихоньку начала собираться.

И то верно, долгонько уже гуляем, да и топать еще прилично. Я, конечно, не про себя это. Топает-то у нас няня за двоих, а мне пока еще кататься положено, ну или носиться, в смысле, на руках носиться, на чужих, разумеется, свои еще не доросли.

Опа! Сюрприз! Неужели подарок на день рождения? Папочка, нашелся родимый! Так вот кому няня клацала! Быстро же ты прибежал! Взъерошенный какой-то, словно только проснулся. Ну, что скажешь?!

— Добрый день, Ольга Васильевна. Что-то случилось?

А как же! Конечно случилось! День рождения у дочурки случился, не в курсе?

— Нет, Алексей... — слегка запнувшись, Ольга все же добавила, — Николаевич.

Ничего не случилось. А разве просто так вы не хотите попроведать дочку?

Должно что-нибудь случиться для такого визита?

Вот это молодец! Вот это отбрила! Так и надо с нерадивыми папашами-мамашами! Нарожают детей, а потом няням подсовывают. Нет, я конечно очень довольна, что меня моей нянюшке подсунули вместо мамочки. Но такая няня одна, а детишек подсунутых много.

— Хочу, очень хочу! — взволнованно воскликнул Алексей, — но мне кажется, вы не очень рады видеть меня.

Интересненько, так кого он тут очень хочет видеть? Меня или няню? Мне кажется, он еще и не заметил меня пока. Вон как тянется аурой к Ольге, да и она тоже. И чего танцы с отступлениями хороводят. Давно все ясно и понятно.

— Алексей Николаевич, я спросить хочу, можно ли мне айпад выделить для работы с Машей.

Видимо, почувствовав нелепость своей аргументации, Ольга попыталась спасти ситуацию, покраснев при этом, словно делала что-то недостойное.

— Маша очень любит фотографии, мы часто снимаем сад, себя, но у меня на айфоне маленький экран, ей бы побольше, — совсем тихо добавила она.

Ну конечно! Разве может она сказать, что Маша де мол сказала, что айпад хочет. И кого тут за идиота примут? Вернее, за идиотку... И так со стороны выглядело так, будто Ольга причину нашла для себя айпад выпросить. Хорошо, что папочке и не до айпада, и не до Машеньки было, тем более не до объяснения причин. Мне кажется, попроси сейчас Ольга у него самолет, якобы Машеньке летать нравится, он послушно головой кивнет.

Но с айпадиком, кажется, сладилось. Сидят, голубки, воркуют. А я тут ползай, не ползай, все равно дела до меня нет. Ну да ладно, мне ничего для нянюшки не жалко, пусть и папочку прибирает к ручкам, только бы айпадик заполучить.

Ой, что-то я отвлеклась, пропустила что?

Смущенный-то какой. Вскочил, пробормотал извинения и в сад сиганул. И что тут у них случилось, пока я задумалась?

Кажется, ничего страшного не произошло. Вон Ольга тихая, еще и улыбается, значит, порядок. Вот только кормить меня что-то не торопится. Напомнить, что ли?

— Ня-ня, ням-ням! — подергала я ее за штанину.

— Ой, прости, девочка моя! Совсем голова забита чем попало.

Ну это ты в самую точку! Знаем мы чем забита твоя голова и куда мозги делись. Но прощаю, только дай поесть все же, а извинения, так и быть, пропустим.

Часа через два, когда я уже поела и даже выспалась, нам принесли айпадик. Беленький, новенький, чудо как хорош! Как же я счастлива! Схватила его, и так, и эдак пытаюсь пристроить, то стоя, то лежа, то плашмя, то боком. Ну никак! Не получается одновременно и держать, и смотреть, и манипуляции какие-то проводить.

Ну как есть, маргышка и очки!

Все, без помощи няни никак не обойтись! А она сидит себе в кресле, улыбается, что мол еще придумаешь.

Я попыталась состроить умоляющую мину, глядя Ольге в глаза.

Она встала, обвела взглядом комнату, остановилась на моем креслице и принесла съемный столик, приладила его к креслу, отрегулировала наклон крышки и начала меня устраивать.

Так, так... ближе, повыше... ой, сползаю, держите! Ага, ступенечка есть! Уперлась в нее ножками, хорошо, и зарядка заодно будет!

Уф! Кажется есть! Спасибо, нянюшка! Экран вижу, ручкой достаю, второй вцепилась в кресло, чтобы не сползти ниже.

Ну! С богом! Начали!

Так-с... что мы имеем? Ура! Полный набор. Даже интернет подключен. И главное, ворд стоит, вот он, мой родненький. Теперь все отлично.

Эх, люблю я все же тебя, папочка! Хоть ты и зараза. Вот где три недели шлялся? Ладно уж, за такие подарки и не то простить можно. Хотя где бы я видала этот подарок, если бы не Ольга. И ей особое спасибо!

Первые мои слова в ворде, писала долго, пальцы что хотят пижут, и ладно бы писали, что-то просто так, но мне ведь конкретные слова написать надо, а неверную букву еще и стереть надо, но для этого тоже в кнопочку попасть надо, вот где засада! Но все же, через десять минут на экране красовалась надпись: «Айпадик, я тебя люблю!». Гордая за себя, я повернула экран к няне. Она встала с кресла, взяла меня на руки и прижав к себе выдохнула: «Машенька! Откуда ты такое чудо?»

Обеденное время в доме, как и предполагалось, сдвинули на час вперед. Теперь Ольга могла присоединиться к компании немногочисленных обитателей усадьбы, и это ее радовало. Ей надоело обедать урывками, в одиночку. Да и общество Веры, Василия и Татьяны Николаевны не напрягало. Говорили за столом мало, и никогда никого не обсуждали. Беседы крутились вокруг новых рецептов, сорняков, хозяйственных вопросов и даже любимых Татьянинных сериалов. Всех это устраивало, никто не лез в душу, не расспрашивал, да и не делился душещипательными подробностями личной жизни. Ольга, с ее скрытным характером, легко вписалась в компанию и была рада такому общению.

Сегодня, уже привычно направившись в кухню, где проходили их обеды, Ольга уловила звук посуды и тихую речь в столовой, в которой она, практически не бывала. Заглянув все же на кухню и не найдя никого на месте, она прошла в столовую, где и застала всех домочадцев, активно пытающихся помочь Вере в сервировке стола. Поймав вопросительный взгляд няни, Вера негромко засмеялась и сказала:

— Проходи-проходи, не стой на пороге. У нас сегодня обед по случаю приезда Алексея Николаевича. По традиции он здесь проходит.

— А разве он уезжал? — удивленно спросила Ольга? — я его сегодня в саду видела.

— Так только что и прилетел, как ты сообщение мне кинула. Прочитал, чемодан поставил и пошел вас искать.

Ольга растерянно подошла к столу, пытаясь принять участие в общей суете, но Вера мягко отстранила ее, ласково направив к стулу.

— Иди, присядь, все уже готово. Сейчас Алексей Николаевич спустится, будем обедать.

Стол был достоин праздничного банкета. Видно было, что Вера не просто умеет делать, но очень любит эту работу. Сама Ольга никогда не интересовалась подобными вопросами, да и с чего им было столы накрывать. Она и на банкетах- то не была ни разу, если не считать одну-две студенческие свадьбы сокурсников.

Но чувство стиля у Ольги было врожденное, и она могла оценить представленную

картину. Это была поистине совершенная художественная композиция, которую жаль было осквернять, нарушив гармонию. Как жаль, что у нее нет с собой айфона!

Вдруг она сорвалась с места и со словами:

— Простите, я на минутку! — выскочила из столовой.

Ольга прибежала в детскую, схватила новенький Машин айпадик и побежала обратно. И как она не догадалась раньше! Ведь можно и для Маши не только сад, но и дом фотографировать! А такое чудо, как праздничный стол, которое живет всего несколько минут до первого движения стульев у стола, нужно непременно зафиксировать!

Вбегая обратно, углубившись в свои мысли, она едва не столкнулась в дверях с Алексеем.

— Ой, простите, Алексей Николаевич! — она прошла мимо отступившего в сторону молодого человека, иронично глядевшего на засмущавшуюся девушку.

— Подождите! — воскликнула Ольга взявшей за спинку стула Татьяне. — Пожалуйста, я на одну минуточку! Очень жаль будет, если мы не сохраним эту красоту, — добавила она, подходя к столу и открывая айпад. Татьяна с Василием удивленно смотрели на Ольгу, обходящую стол по кругу и делающую снимки, а Вера расцвела горделивой улыбкой, придирчиво оглядывая стол на предмет несуществующих изъянов.

Алексей, прислонившись к дверному косяку, почти с гордостью смотрел на Ольгу, не понимая, как он сам ни разу не догадался сохранить подобную красоту ни здесь, ни за домашними обедами-ужинами, с любовью сервированными любимой матушкой.

Ольга закончила съемку, подняла глаза и смутилась под взглядами четырех человек.

— Я не фотограф... просто жаль такую красоту... Вера, это изумительно! Я никогда такого не видела! — похвалила она исполнительницу представленного великолепия.

Алексей отлепился от косяка и с извиняющейся улыбкой направился к Вере:

— Да... А ведь сколько было подобной красоты. Прости, Вера, и, спасибо, Ольга Васильевна! Мне тоже очень жаль... да, не восстановить того, что уже давно съедено... - он шутливо почесал в затылке и развел руками, — давайте исправляться! С сегодняшнего дня будем вести историю наших домашних посиделок. Вы не против? Я предлагаю всем нам сделать фото за этим столом.

— Да уж побыстрее... стынет все... — нарочито недовольно пробурчала Вера, пламенея от удовольствия.

Двухминутная суэта с расстановкой у стола и спорами по выбору кандидатуры, кому быть «за кадром», разрешились в пользу всех — Алексей, сбегав к себе, принес штатив и быстро сделал несколько кадров.

Такое необычно оживленное начало раскрепостило всех, и в отличие от традиционных обедов, где никогда не присутствовало спиртное, Алексей попросил принести фужеры и бутылку шампанского.

Как говорится в сводках, обед прошел в непринужденной обстановке. Все были необычайно воодушевлены. Ольга, пользуясь случаем, незаметно выскользнула к себе. А Алексей, поблагодарив Веру за устроенный праздник, а иначе, по его словам, сегодняшний обед нельзя назвать, и предоставив оставшимся расслабиться в приятной обстановке, поспешил вслед за Ольгой.

С момента встречи с Ольгой сегодня утром, Алексей никак не мог согнать с лица улыбку. Вот и сейчас, вспоминая эпизод у крыльца, он засмеялся, представив, как восприняли это Вера с Василием. Не успел он закрыть дверь машины, как встречавшая его Вера приняла сообщение на свой телефон, и, прочитав его, с улыбкой передала Алексею:

— Это Вам, Алексей Николаевич.

Ольга, его Оленька! спрашивала у Веры о возможности встречи с ним.

Не думая ни секунды и передав чемоданы Василию, даже не заходя в дом, Алексей быстрым шагом прямо по саду направился к гостевому крылу, где разместились Ольга с малышкой. Едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, он не видел ни недоуменных взглядов растерявшейся Веры, ни застывшего с чемоданами в руках Василия. В душе у него все пело в ожидании встречи, в то же время проскальзывали тревожные мысли о причине, побудившей Ольгу искать встречи с ним. То, что это не личное, он был уверен. Только бы не просьба об увольнении! Он не сможет ее отпустить! Все, что угодно, только не это!

Обходя гостевое крыло, он поднялся на террасу, и с удовольствием отметил, что его кабинет расположен почти над гостиной, и с балкона верхнего этажа отлично видно выходящую на эту сторону часть террасы, и тропинку, ведущую от нее в сад. По ней ходит гулять его любимая, здесь, на этом кресле она сидит, думал он поднимаясь по ступенькам и опускаясь в стоящее на террасе кресло. Он и желал и оттягивал момент встречи, намеренно не входя в гостиную. Побывать с ней рядом, зная, что она близко, подышать одним воздухом, почувствовать атмосферу дома, пронизанного ее пребыванием здесь. Это ли не счастье?!

Он просидел на террасе, довольно долго, купаясь в тихом спокойствии предполуденной летней поры, отдыхая от закончившейся наконец рабочей гонки, от перелетов и переездов, от безжизненных гостиничных номеров...

Очнулся он от шороха ног на тропинке, повернул голову и увидел приближающуюся Ольгу с коляской. Она была уже не в брючном костюме, а в легком летнем сарафане, и выглядела так юно и трогательно, что у Алексея вновь защемило сердце.

Рванувшись к ней, он подхватил коляску, занес на террасу, и отметил мимоходом, надо бы пандус сделать. Сделал приглашающий жест на кресло и тоже опустился на соседнее.

— Добрый день, Ольга Васильевна. Что-то случилось? — он с тревогой вглядывался в ее лицо, боясь увидеть подтверждение своим предположениям. Но нет, непохоже. Улыбается, расслаблена после прогулки. А загорела- то как! Он еще не видел ее такой милой, беззащитной, такой открытой...

— А? Что? — он почти пропустил ее вопрос, а когда до него дошел смысл вопроса о том, что он не хочет появляться здесь помимо приглашений, растерялся, не зная, что ответить, и выдавил из себя, — ну что Вы, хочу, очень хочу! — подразумеваемая встречи с Ольгой, — только, как я понял, вы не очень настроены видеть меня.

О боже! Что он мелет! Она же имела в виду встречи с ребенком! Какой же он идиот! И почему он сразу не сказал, что это не его дочь! Надо срочно все объяснить.

Но, не успел... Ольга завела разговор об айпаде, потом он вдруг ляпнул про кофе и срочно ретировался, не зная, как выйти из сложившейся ситуации.

Покачав головой и согласившись с собой, что рядом с любимой, он теряет остатки разума, Алексей все с той же улыбкой постучал в дверь детского блока.

Ольга вернулась к себе после обеда как раз к тому моменту, когда я только-только проснулась и еще позевывая хлопала глазами, переходя от сна в явь.

— Маша, сейчас умываемся, — комментировала Ольга свои действия, — и я тебе кое-что покажу. Так... иди ко мне, моя хорошая...сейчас будем смотреть фотки.

Она усадила меня в креслице, придвинула его поближе к себе и открыла айпад.

— Смотри, это столовая. Сегодня вернулся твой папа и, как выяснилось, в дни его приезда все обедают в столовой, а не на кухне как обычно.

Няня подробно рассказала, кто есть кто, чем занимается, хотя я и так уже примерно знала всех обитателей дома, но все равно было интересно.

Оказывается, жизнь полным ходом идет, и моя няня принимает в ней активное участие, пока я сплю себе. А папуля, выходит, и нормальным бывает, вон какой очаровашка. А то иногда как взглянет, так мороз по коже. А столовая-то какая красивая! О! А стол!!! В жизни такого не видела!

Тут я попыталась вспомнить какое-нибудь празднество... ох, как давно это было. Уже лет тридцать никаких застолий. А до того? В голове только унылые длинные ряды столов, застеленные белыми скатертями, ритмично расставленные пустые тарелки с минимальными приборами (нож-вилка, ложка), да средний ряд с чередующимися тарелками салат-закуска-салат-закуска, разбавленными группами бутылок. Мда... с сервировкой на моей памяти наши люди не очень дружили. А тут... Молодец Вера! Такое в одиночку, да чтоб тут же все порушили и сожрали! Да ни в жизнь бы не стала время тратить!

О! Опять у нас гости! То месяцами никого нет, а тут второй раз за день. И кто на этот раз пожаловал?

Ба! Знакомые все лица! Алексей Николаевич пожаловали. Опять мямлить будет.

— Ольга Васильевна, я должен вам кое-что объяснить — сходу начал он.

Ну наконец-то! Я уж думала, никогда не решится. Ну давай, объясняй, а мы слушаем. А нянюшка-то смотрит куда как ласково, надеюсь, хоть дослушает.

Вот-вот, присаживайтесь поближе.

— А я смотрю, Машенька на самом деле интересуется фотографиями — вдруг обратил внимание на меня папочка, заглядывая в айпад.

Это хорошо, что он у меня на фотке, а не в ворде открыт был. Вот была бы ситуация! Но-но, папа, не отвлекайся, пришел объясняться, давай, вперед! А то опять не успеешь.

— Ольга Васильевна, я хочу объяснить, — повторил он, — сегодня утром вы меня не так поняли... я конечно, хочу вас навещать, и вас, и... Машу...

Только вот, понимаете..

Ну вот! Опять мямлит! Ну говори же! Так никогда не доберешься до конца.

И няня сидит, как в рот воды набрала. Ну чисто дети!

— Понимаете... Маша...

— Алексей Николаевич! — отмерла Ольга, — не надо ничего объяснять. Это ваше право появляться, или не появляться. Только мне кажется, можно было за три недели навесить ребенка хоть на полчаса, — она укоризненно посмотрела ему в глаза.

Смотри-ка, сморщился. Правда глаза колет? Да, папуля, завел ребенка, будь добр, уделяй внимание. Хотя мне грех жаловаться, живу как королевна, еще и технику подогнали, но от избытка внимания мы не страдаем, можно бы и побольше выделить этого самого внимания на душу населения на нашей детской жилплощади.

Но папуля хорош. Вскинулся-то как, обиделся что-ли?

— Но меня не было в городе! Я не мог прилететь на полчаса! Да и сейчас, я пришел предупредить, что улетаю сегодня... к сожалению, уже сейчас, — он поднялся, — до встречи. Кстати, Ольга Васильевна, вы позволите ваш номер телефона? И еще... я хотел ваше расписание занятий с малышкой зафиксировать, вы не будете против?

Ольга, сообразив, что вышла промашка, и отсутствовал Алексей не по своей воле, смутилась, не стала спорить, быстренько принесла расписание и надиктовала номер айфона.

— Если что понадобится, звоните, не стесняйтесь. Смогу — отвечу. Нет — перезвоню. А теперь, простите, спешу, — он глянул на часы и ушел.

А няня моя опять загрустила. Опустила голову и сидит в задумчивости. Нееет, так дело не пойдет.

«Ня-ня!» Зову ее и показываю ручкой на террасу. Она понимает и мы отправляемся гулять, захватив с собой мой айпадик. Прогулка у нас — первое лекарство от хандры. И действительно, как можно грустить, когда вокруг такая красота? Мы часто гуляем в первой половине дня. Так уж получается. А вот вечером обычно отдыхаем на террасе. Но сегодня я решила прогулять няню, чтобы не отвлекалась на ненужные расстроения.

Гуляем мы по аллее, не отворачивая на мелкие тропинки, потому что уже скоро и смеркаться начнет, по лесу с коляской не сильно разбежишься. Да и аллея быстро закончилась, пришлось поворачивать. Но от меня так быстро не отвертись. Надо гулять — будем! Я «потребовала» провезти меня к воротам, поразглядывала, что там, на воле, то есть за решеткой ворот. Внимательно присмотрелась к охраннику, вышедшему посмотреть на новых персонажей, и выяснить, что им понадобилось здесь к ночи поближе. А ничего мальчик. Серьезный, вежливый. Вот умеет же папуля людей подбирать.

Покрутила я головой, пока няня перекидывалась словами с молодым человеком. За воротами считай тот же парк, и никакого жилья не видно вокруг. Хорошо-то как! А вот на территории, немного в стороне от ворот, виден небольшой домик, свет в окнах. Как я догадалась, Василий там живет. Мне с балкона видно было, как он с этой стороны периодически подходит. Может посмотреть? Вопросительно посмотрела на няню и незаметно двинула ручкой в сторону домика. Незаметно — это чтобы вопросов у охранника не возникло. Но тут Ольга осуждающе покачала головой и решительно развернула коляску к нашему дому, то есть, к нашему крылу. А я и не думала возражать. Нет, так нет. В другой раз посмотрим. А сейчас и вправду не очень удобно по ночам рыскать вокруг чужого жилья.

Ну вот и вернулись, немного прогулялись, зато теперь уж моей нянюшке действительно не до личных переживаний. Время позднее, а я такая вся неухоженная и голодная. То-то! Будет знать, как хандрить.

Сидим с утра в гостиной, я с айпадом, конечно. Хорошо, что Ольга вчера фоточки сделала. Хоть так познакомиться с домом. А кстати, почему бы нам экскурсию не устроить по дому? Хоть по первому этажу на коляске проехаться? Надо эту идею няне подкинуть. Сказано — сделано!

А для меня новое упражнение. Пишу фразу на айпаде. Шрифт сделала покрупнее, помучилась, но справилась. Покрупнее, это чтобы сразу ошибки видно было. А то пока сообразишь, что не то написала... привыкла в прошлой жизни не глядя тексты набирать, теперь вот проблема. Как проскочишь неверно набранную букву, так потом изведешься, нужно же курсор точненько подвести, чтобы ее удалить, а это даже не ноутбук, ткнуть пальчиком точно надо. Пальчики-то у меня в самый раз, тонюсенькие, никакого стилуса не нужно, только вот с координацией пока плоховато, ведешь его в одну букву, а он сам по себе

прыгает на другую. Но нас учили, нас закаляли, и прочно вбили в голову — упорство и труд, все перетрут! Будем упираться, я не против.

Наконец написала длинную фразу:

«хочу гулять в доме на первом этаже», — подумала и добавила «езде!»

Няня прочитала, удивленно взглянула на меня, на часы и, помедлив, согласно кивнула головой:

— Хорошо, пойдём.

Все, готова. Айпадик со мной, пусть попробуют отнять! Может я его вместо погремушки использую. Ах, не гремит? Ну зато светится, если постараться. И футляр у него под стать, красненький, яркий, как раз для младенцев!

Едем в гости! Или домой? В принципе, если это дом моего родителя, значит и мой? Здорово! Значит, я по собственному дому гулять пошла. Все интереснее и интереснее.

Замечательная у меня коляска, я в положении полулежа, обзор прекрасный, еду, головой кручу по сторонам, глаза распахнуты. Как все интересно! Интерьеры — просто сама бы лучше не придумала. Красота!

В общем, по нашим комнатам, бывшим раньше гостевыми, я уже поняла, что архитектор, который здесь работал, просто уникал. Очень уж хороши интерьеры, как говорится, надо бы лучше, да некуда.

Проезжаем небольшой коридор с арочными проемами без дверей и попадаем в большой, просто очень большой для жилого дома зал-холл. Насколько я понимаю, это центр всего дома. С тыльной стороны, конечно же, кухня, запахи обалденные! Как же так кухню разместили, что в зале сразу понятно, что сегодня на обед? Ага! Прямым ходом туда и направляемся! Все ясно, здесь тоже тамбур имеется, но уже с с дверьми, которые настезь распахнуты.

И Вера здесь. Увидела нас, всплеснула руками и, ойкнув, застыла. Странно, и что так реагировать, словно привидение увидела. Я на нее смотрю не мигая, а она на меня так же. Надоело мне, я повернула голову к няне и смотрю вопросительно на нее. Няня на Веру, круг замкнули.

— Вот, мы решили познакомиться с домой, — решила разрядить обстановку Ольга.

Вера скованной походкой подошла к столу и безвольно опустилась на на стул, опустив руки на колени и глядя в какую-то точку на крышке стола.

Ольга, отодвинув в сторонку коляску, подошла к Вере и присела рядом.

— Что случилось? Чем я могу помочь?

— Ничем мне не поможешь — глухо ответила Вера, не поднимая взгляда - прошу вас, увезите ребенка, я не могу на него смотреть.

Ольга тут же поднялась и шагнула ко мне.

Но я свела, как могла, брови и отрицательно качала головой.

Она вопросительно взглянула, а я пальчиком указала на себя, потом на стул, на котором сидела женщина. Ольга опять не поняла, недоуменно переводя взгляд с меня на стул и обратно.

Вот засада! Сказать не могу, няня даже в вопрос-ответ поиграть не может, что делать? А может...? Подняла опять палец, указала на айпад и на няню. Кажется, дошло... Взяла айпад, встав между мной и Верой, распахнула его и открыла ворд. Я, как можно быстрее, набрала:

— меня к ней, близко — опечаток больше, чем букв, но Ольга, кажется, поняла.

Не спрашивая больше ничего она взялась за коляску и аккуратно придвинула ее

вплотную к Вере. Та по-прежнему отрешенно сидела за столом, потупив взгляд. Я подняла ручку и уцепила ее за палец. Надо бы за руку, да где там мне ее руку обхватить! Хорошо, что за палец получилось.

Женщина вздрогнула, резко выпрямив спину и глядя перед собой, но руку не отняла. Посидев так немного, она медленно перевела взгляд на свои руки, недоуменно уставилась на мои вцепившиеся пальчики, потом решила повернуть ко мне голову.

А я старалась улыбаться во все свои несуществующие тридцать два зуба и смотреть открытыми глазами, излучая радость. Второй рукой я вцепилась в айпад. А Вера смотрела мне в глаза, не предпринимая попыток отнять руку и встать. Через несколько минут я перевела взгляд на Ольгу, так и стоявшую не шевелясь все это время, и кивнула головой. А потом опять обернулась к Вере, и опять ей заулыбалась. Теперь она ожила, взгляд стал осмысленным и вопрошающим. Она посмотрела на Ольгу, потом на меня и вдруг громко, в голос, зарыдала.

Присев рядом, Ольга обняла ее за плечи и притянула к себе, приговаривая, поглаживая, поправляя ей волосы, вытирая слезы, пока она немного не успокоилась. В последний раз судорожно вздохнув, Вера встала и, налив стакан воды, выпила его не отрываясь. Потом намочила полотенце, протерла лицо и обратилась к няне.

— Выпьем чайку?

— С удовольствием, — облегченно выдохнула Ольга, пристраивая мою коляску, чтобы мне можно было наблюдать за ними обеими. Обе мы понимали, что сейчас последует исповедь, и готовились внимательно выслушать, а если понадобится, то и поддержать в меру сил.

Некоторое время Вера гремела посудой, что-то переставляя-передвигая, заваривала чай, доставала печенье и сладости к чаю и, наконец, собравшись с духом, поставила на стол чашки и присела сама.

— Мне было восемнадцать... — начала она, разливая по чашкам чай, — история банальная сама по себе, но вот последствия...

Она опять вздохнула-всхлипнула, но сдержавшись, продолжила.

— Я забеременела. Не буду пересказывать причины, но рожать я не стала, сделала аборт. Уже там, на кресле, я поняла, какую ошибку сделала, но было поздно.

Вера замолчала и сидела, словно забыв про нас. Я сидела, спокойно глядя на нее, а Ольга потихоньку попивала чай и не пыталась ни о чем не спрашивать.

Наконец, Вера встрепенулась — Все было хорошо, про операцию я почти забыла через пару часов. Девка молодая, крепкая была. А ночью все и началось. Мне приснился младенец, синий, мертвый младенец... он поворачивал ко мне лицо с закрытыми глазами и пытался схватить за руку. Это повторялось и повторялось... В какой-то момент я не вынесла и обратилась к врачу. После долгого лечения понемногу все прошло, я ожила, начала работать. Но месяца через два в подъезде я встретила молодую маму с коляской и мой взгляд упал на лицо ребенка. Тогда я упала в обморок, очнулась уже в больнице. Дело в том, что на месте ребенка, как вы понимаете, я увидела мертвого младенца из сна.

И опять лечение, антидепрессанты... После этого я еще несколько раз попадала в больницу, ситуация повторялась почти один в один. Со временем выяснилось, что я не могу видеть младенцев месяцев до пяти-шести, с более старшими проблем не наблюдалось. Я стала избегать встреч с малышами, сворачивала в сторону, едва увидев коляску, категорически не ходила в гости к знакомым, имеющим младенцев. В общем, мне долгое

время удавалось это. А здесь, в этом доме, я и вовсе забыла о своей беде. И вот теперь, с рождением Маши, я опять попала в ту же ловушку.

Она подняла на Ольгу глаза и, словно извиняясь, сказала — я ведь и встречать Машеньку из роддома не поехала, и здесь тоже сбежала..

И вам, Ольга Васильевна, я не могла помочь, простите.

А вот... — Вера удивленно, все еще сомневаясь, посмотрела на свою руку, палец на которой я недавно сжимала, боязливо повернула голову в сторону Маши, но остановилась на полпути, не решаясь взглянуть на нее еще раз.

— Когда Машенька вцепилась в меня своей ручонкой, тепленькой, мягонькой, я даже не поняла сначала, что это такое. А потом от этой ручонки такое тепло пошло ко мне, словно светом всю омыло.

Вот тогда я и решилась посмотреть на девочку. А она смотрит на меня и улыбается, а глаза сияют, словно звездочки. Вот и все. — закончила Вера.

— Может, вы хотите погулять с Машенькой? Мы как раз собирались...-

Ольга опять вопросительно посмотрела на меня, и я активно закивала головой — мы собирались пройтись по саду и посидеть у пруда. Давайте вместе?

Вера, не ожидавшая подобного, немного зависла, потом тряхнула головой:

— А давайте! Не вечно же мне прятаться! Если что, Василия позовете, — усмехнулась она, убирая посуду и снимая фартук.

— Можно и купальник захватить, погода хорошая, водичка прелесть, — добавила Ольга. — Я частенько купаюсь.

— Ой, сто лет не купалась! — радостно воскликнула Вера, — подождете? Я мигом!

И побежала наверх, в свою комнату.

А они там сейчас неплохо устроились, подумала я. Одна, Татьяна Николаевна то есть, в правом крыле, другая в левом. Красота! И опять благодаря кому? Все я родимая! А то так бы и жили втроем с одной ванной. А теперь у каждой, считай, отдельные апартаменты.

Вера на самом деле отсутствовала пару минут и вернулась уже в сарафане, как и Ольга, в кепке и с пледом в руках. Мы вернулись в наше крыло, прошли через него на террасу и спустились вниз. Здесь возились рабочие и кажется, я знаю, что они делают. Надо же, какой заботливый у нас папа, и про пандус подумал, и организовать работы не забыл.

А мы прошествовали мимо и направились к нашему с няней любимому месту — зеленой полянке среди деревьев у небольшого чистого пруда с проточной водой. Возможно, он и не пруд вовсе, а что-то другое, но мне все равно, главное, что нравится нам обеим и мы понимаем о чем говорим.

Солнышко светило как раз со стороны пруда, вода искрилась под его лучами, все было замечательно. Меня выпустили на выпас, а женщины, скинув сарафаны, улеглись на плед, подложив скрещенные руки под подбородки и натянув кепки на носы. Ольга, уже загорелая до черноты, так явно отличалась от белокожей Веры, что я невольно хихикнула. Негритянка и белая. Они синхронно повернули головы ко мне, Ольга посмотрела осуждающе, а Вера с любопытством, на что я тут же приняла отмороженный вид и принялась ковырять землю руками. А Вера с опозданием сообразила, что смотрит на младенца, то есть на меня, и глаза ее становились все испуганнее. А я снова поймала ее взгляд и постаралась вложить в него всю силу, что могла, чтобы успокоить, убрать ее страхи, залечить душевную рану, с которой никак не может справиться она сама.

Уф! Кажется помогло!

Вера опять недоуменно, и в то же время интересом и просыпающейся надеждой в глазах, смотрела на меня.

Потом на Ольгу:

— Я... смотрела на нее...я ее не боюсь... — все еще не веря в происходящее, прошептала она.

Ну вот! Приплыли! Я что, монстр какой, чтобы меня бояться. Понимаю, что это не про меня, а про ее страшилки, но все равно мало приятного.

А потом я, как обычно, возилась в траве, ковырялась в песке, ползала, в общем, развлекалась как могла, а девочки мои, кто ж они для меня, как не девочки. Так вот, девочки загорали, купались, болтали... пока Вера не забеспокоилась, что подгорает. А тут и про дела вспомнили, и про еду..

Подъезжая в террасе мы увидели уже готовый пандус, да не просто полоса наклонного бетона, а выложенная плиткой красивая лента из шероховатых, под камень, плиток, которая по дуге спускалась вниз и вливалась в основную тропу. Молодцы! И красиво, и удобно, и не скользко.

И объявку не забыли оставить. На трехногой рогульке повесили лист с надписью — «до завтра не ходить!» Хи-хи! А завтра с утра опять завтра будет! И так каждый день. Тогда уж написали бы — «никогда не ходить!»

Расставаясь, Вера очень осторожно подошла ко мне.

— Можно мне взять ее за ручку? — спросила у Ольги.

Ишь! На мою ручку разрешение у няни спрашивает. А Ольга смеется, у Машеньки говорит, спросите. Вера за шутку приняла, и за разрешение заодно. Улыбнулась и протянула ко мне руку. Я позволила ей себя взять, погладить, осторожненько поперебирать пальчики. На глазах у нее заблестели слезы, но я знаю, что это хорошие слезы, и рыдать она больше не будет. И бояться младенцев тоже не будет.

Откуда я это знаю? А и сама не знаю. Вот знаю, и все тут.

Вера ушла, а я вдруг так захотела спать, перегрелась, что ли. И пока Ольга переодевалась после купания, я прикорнула на полу на подушечке. Как меня она мыла после лазания по земле, как укладывала в кровать, я не чувствовала. Спала, как убитая!

Проснулась голодная, няни рядом нет! Ау! Кушать хочется!

— Ня-ня! — позвала я. Никакой реакции. Придется ждать, вздохнула я.

Ого! Вот это я поспала! Время к шести вечера! А вернулись мы с прогулки часов в двенадцать, может, чуть позже. Не посмотрела.

Огляделась я, с кровати пока все же воздержусь сползть. Кстати, надо Ольге посоветовать ножки у нее подпилить, тогда вот точно проблем не будет с туда-обратно. Положить с двух сторон на пол что-нибудь мягкое, типа матов детских, и прекрасно. Да, надо сделать. Вот бы еще горшок как-то приспособить для самостоятельного использования. А то стыдно как-то...

Додумать мне не дала няня, принесла бутылочку с теплым молочком и еще творожок свежий. Вот куда отлучалась!

— Машенька! Проснулась, моя хорошая. Я уже беспокоиться начала. Да и Вера каждые пятнадцать минут смесь подогревает, а через час новую готовит, чтобы сразу покормить тебя.

Как ты? Все хорошо?

Я кивнула и нетерпеливо протянула ручки к бутылке.

— Троглодитик мой маленький, — засмеялась Ольга, протягивая мне бутылочку.

А я и есть троглодитик, мне положено! Расту и хорошею! Тем более, что, как минимум, одну порцию уже проспала.

Выспалась, наелась... хорошо... Теперь снимите, меня, пожалуйста. Я айпадик хочу! Ольга поняла, когда я ей показала на себя и на дверь в гостиную, перенесла меня в кресло мое и поставила айпад.

Я в айпаде создала себе файллик, буду туда записывать свои впечатления. Интересно ведь, думаю, самые яркие нестыковки в восприятии у меня как раз сейчас, потом грани стираться будут, а пока свежо, нужно записывать. Да и тренировка рук будет. Вспомнила, как я лежа в роддоме мечтала об айпадике и захихикала. Сбылась мечта идиотки!

Ольга улыбается, потому что я все время хихикаю, к месту и нет, недавно только освоила, тренируюсь.

Ой! Гости! Хлопаю крышкой айпада и «играю» с ним.

Вера?

— Ольга Васильевна! Маша проснулась? Все хорошо? Поела? Можно к ней?

Вера влетела в гостиную, а через мгновение стояла уже рядом, встревоженно вглядываясь в меня, словно я не спала, а на больничной койке месяц валялась.

— Машенька, девочка моя! — проворковала она, становясь на колени возле креслица, чтобы быть вровень со мной. — Как же я рада! Я пятнадцать лет не видела малышей!

Я перевела взгляд на Ольгу, та развела руками, что де мол я могу сделать. Придется слушать.

А может не придется? Я подняла руку и поднесла Вере к лицу. Она тут же поймала ее и прижала к своей щеке, умильно глядя на меня. Пусть думает, что я непроизвольно двинула ручками. Так пока лучше. Впрочем Вере не было дела до моих произвольно-непроизвольных движений. Думаю, сочти я необходимым воспользоваться сейчас айпадом, она бы и не заметила.

Посидели мы так, да и надоело мне. Выдернула ручку и требовательно посмотрела на няню, потом указала глазами на пол. Опять улыбнувшись, Ольга подхватила меня из кресла и опустила на пол, предоставив самостоятельно двигать, куда захочу.

А у нас, кстати, новая мебель в гостиной появилась — мини-кухня с мойкой, плиткой, микроволновкой и кофемашиной. Ее принесли, видимо, пока мы гуляли. До того точно ее не было. Я конечно, не очень помню, когда пришли, уже была или нет, но, думаю, няня не позволила бы шуметь во время моего сна. Тут меня снова на «хи-хи» пробило. Ага! Я так крепко спала, что стены разнести можно было, вряд ли проснулась бы.

Ня-ня решила опробовать новую кофеварку, а Вера попросила чашку чая. Уходить ей явно не хотелось, и я ее понимаю. С одной стороны, вот оно, подтверждение ее излечения. Надолго ли, нет, но сейчас оно есть. А с другой, компания в усадьбе подобралась явно не очень компанейская. Василий все время сам с собою, по саду, да по теплицам, а Татьяна Николаевна не очень общительная дама, судя по всему. Вера же — живчик! Огонек! Как же ей бедной тяжело с такой проблемой было. И спряталась здесь, в усадьбе, подальше от всех тоже неспроста. Да и своих детей она не смогла завести наверняка по этой же причине.

Ну чай, так чай!

— Вера, вы не против будете, если мы на «ты» перейдем?

Правильно, нечего тут выкать, да отчества выговаривать.

— Конечно, же нет! Только рада буду — быстро отреагировала Вера.

Они пересели на мягкий диванчик, подвинули столик и приготовились к чае-кофепитию. Ммм... а запах кофе разносится и дразнится! Сколько же лет мне ждать первой чашечки? Вот по всему ясно, что не может такая шмакодявка с недоразвитыми органами чувств и неприспособленными внутренними хотеть вредной для себя пищи. Но хочууу! И кофе хочу, и мяса хочу, и... Да всего хочу!

Опять мысль заскочила. А мясо-то мне ведь уже можно? Ну пусть перетрут! Стодится. Надо няне список написать. А то сок морковный, сок виноградный... как будто свет клином сошелся. Надо разнообразить меню. А сейчас что-то опять в сон потянуло. Эх меня разморило. Опять на подушечку прилягу, хорошо, что покрытие во всех комнатах мягкое сделали, можно не заморачиваться...

С этого дня Вера мне стала няней номер два. Надо сказать, что вместе мы теперь проводим очень много времени. Прогулки по саду, пикники на лужайках, купания... кстати, я уже очень неплохо плаваю, но меня в естественные бассейны пока не пускают, а жаль. Иногда все вместе мы выезжаем в город. Пока только до клиники, или просто неторопливо проехать по улицам. Общественных мест мы пока побаиваемся, мал еще организм, чтобы бороться со всякими вирусами. Так что очень ограниченные поездки, но тем не менее, и они приносят нам радость.

А вот вечерние посиделки двух нянь стали почти ежедневными. Жаль, что с Ольгой я теперь тоже более ограничена в общении, но зато ей не так одиноко, и это замечательно.

А я привыкла к одиночеству за последние десятилетия. И так сейчас у меня общения на порядок больше, чем ранее. Няня всегда рядом. Не очень полноценное общение ввиду моей ущербности, но все же...Ничего, скоро и я болтать начну.

А пока есть чем заняться. Обдумать и записать. Насчет обдумать все хорошо, а вот второе... увы! Не успеваю я записывать то, что надумывается. И пишу медленно, и времени мало дает моя нянюшка. Бережет мои прекрасные глазки. И правильно делает, они мне еще ой как пригодятся.

О! А ведь можно книжки читать. Как же я раньше-то не додумалась! Нужно попросить няню найти самую маленькую, самую тоненькую и, следовательно, самую легкую электронную книжечку. Чтобы я сама могла держать. И экран у книжки не так на глаза влияет, можно времени побольше выделять. Это я хорошо придумала, хоть немного, а все лучше, чем ничего. С давних пор придерживаюсь мнения, высказанного одним знакомым в ответ на заявление, что работать за такие деньги де мол неприлично, он ответил просто — все, что больше нуля, это хорошо!

Алексей Николаевич появился, как обычно, то есть, как снег на голову. Вера убежала на кухню, а мы с Ольгой двинулись на наше любимое место. Ольга опять стала задумчивой и отстраненной.

А мне тоже было о чем подумать. Середина сентября. Мне уже четыре месяца.

Развиваюсь я быстро. Уже набухли бугорки первых зубиков. Я уверенно поднимаюсь на ножки, пока только возле опоры, тем не менее, результат налицо. Неплохо осваиваюсь с речью. Думаю, с такими темпами скрывать это будет непросто. Что же такого можно придумать, чтобы ребенка, то есть меня любимую, воспитывать отшельником? Само собой, что никакого ущерба для «детской» девятилетней психики не будет от отсутствия общения с себе подобными. Только как это можно объяснить педагогам? Детский сад ладно, можно пропустить, а школа? Перевести на домашнее обучение? Всякие обследования потребуют? Или папа разрулит? Сплошные вопросы и никаких ответов.

Впрочем, будем решать проблемы по мере их поступления.

А сейчас меня интересует еще один вопрос. То, что я помогла Вере, неоспоримо для меня. Я чувствовала, что нужно сделать. И сделала. Но я так мало знаю и понимаю... да я даже не знаю, где об этом можно узнать.

Для меня что эзотерика, что экстрасенсорика, что бесконтактная диагностика и прочие потусторонние вещи — все шарлатанство! И что теперь? Я — шарлатанка? Но ведь я почувствовала, что «вымываю» у Веры «неправильное» из головы. Как? Не знаю. Просто очень хотела, чтобы этой дисгармонии в ней не стало.

Я задумалась, а ведь когда папочка пробовал общаться со мной, я тоже видела, что с ним что-то не так. Только не в голове, а в грудной клетке. Я тогда совсем не поняла, к чему это, но тоже инстинктивно хотела, чтобы все стало как надо. Интересно... На самом деле интересно.

Кстати, придет ли он к нам в гости? Посмотреть бы внимательно.

Гуляли мы недолго, интерес пропал. Папуля не появился, меня уложили спать, а Ольга отправилась на обед. Надеюсь, там встретятся. Перед сном я потребовала себе айпад и разрешила Ольге не спешить.

А проснувшись, и не обнаружив рядом няни, которую уже привыкла всегда видеть в поле зрения, поняла, что их встреча, скорее всего состоялась. Я подтянула подушечку, перекатилась на нее грудью, так чтобы нос свисал с другой стороны, пристроилась к айпаду. Этот прием я уже вполне освоила, чтобы самостоятельно иметь доступ к нему, да и руки стала активнее тренировать, чтобы не ронять свою любимую игрушку.

Ага, точно не одна вернулась! Все, я сплю...посапываю себе...жаль, спиной к входу лежу, даже сквозь реснички ничего не увижу. Впрочем, думаю, Ольга бы догадалась. А теперь ровненько неглубоко дышим..

Конечно же, рядом папа, я и так их чувствую.

— Спит, — еле выдохнула няня, — подождем в гостиной, она позовет меня, когда проснется.

Хм... уверена? Как же я позову, если она не одна! Ох, совсем я тупая стала, младенцы же орут, когда что-то нужно. Это она меня предупредила, выходит? Ну, конспираторша!

Они вышли, а у меня ушки на макушке. Хихикнула опять. Поспишь тут! Вся техника на

кухне клацает, хлопает, рычит, жужжит... Сейчас вот воду в чайник налила, значит чай будет. Ну пусть пообщаются, мне спешить некуда.

Вот... чай готов, сейчас папочка беседовать начнет. Деликатный у меня папа, не начнет разговор, пока собеседница не присела.

— Ольга Васильевна, — тут же вступил он, — я рад, что у вас выдалось немного времени, чтобы поговорить. Да и я сегодня не спешу. Позвольте мне этот день провести с Машей рядом?

Ну-ну! Так себе причина, но отказать няня никак не сможет... Только давай-ка, папуля, Машу оставь в покое и ближе к теме.

— Спасибо, — видимо получив согласный кивок, он так облегченно вздохнул, что даже мне слышно стало. — Я давно хочу с вами поговорить, но все никак не выходит. Дело в том, что все вокруг, да и вы, полагаю, тоже уверены, что Маша моя дочь. На самом деле это не так...

Что это? Я правильно расслышала? Я не верю своим ушам. А что же я в таком случае здесь делаю? Вот это новость!

Вот! Это! Новость!!!! Я на минутку даже прислушиваться не смогла, так меня ошеломило.

—Наташа... — вновь включилась я на полфразе, — год назад мне очень помогла. Но у нас с этой девочкой никогда не было близких отношений. Да у нас вообще с ней не было никаких отношений. Просто я помог ей пережить сложный период в жизни....

Молчали все. Тишина. Потом прорезались сдержанные всхлипы, тихая возня...

Понятно, обнимаются... давно пора...

Прерывистый шепот..

— Алешенька, родной мой...я же не знала... я тебя видела с ней зимой..

— Тсс... не надо, не надо, моя хорошая... любимая, родная, Оленька моя! Как же я тебя ждал! Все-все, солнышко, малышку разбудим.

А малышка, придавленная такой новостью, лихорадочно соображала. Папа, выходит, не папа, а мама Наташа — без вариантов. И что дальше?! Мамуля, как я поняла, с самого моего рождения с нами не живет и не участвует в процессе. Уехала куда-то. Как и не было. А я, получается, в этом доме непонятно зачем нахожусь. И как долго «папа» меня содержать будет? Все равно ведь матери отдаст. Вот ситуация... Только-только все наладилось...

Тут встрепенулась Ольга:

— Надо Машеньку попроведать, — шепнула она, что-то долго не слышно..

Идут. оба... надо «просьпаться», а мне и притворяться не надо, я и так пришибленная без движения лежала. Так... потянуться... изогнуться... перекатиться на спинку с закрытыми глазками, зевнуть во всю свою беззубую улыбку... а теперь можно и глазками сонными похлопать, улыбнуться. Кажется, даже Ольга поверила, что я только проснулась.

Стоят, смотрят на меня, счастливые, сияющие. И не знаю, что на меня нашло, но я вдруг выдала:

— Па-па!

Алексей замер, ошеломленно глядя на меня, перевел взгляд на Ольгу.

— Оля, мне не кажется?

Ольга отрицательно покачала головой, а я указала на него пальчиком и снова повторила:

— Па-па!

Потом помолчала несколько секунд и указала на Ольгу:

— Ма-ма!

Она чуть виновато и грустно смотрела на меня.

— Оля, что это? Как это? — Алексей непонимающе переводил взгляд с одной на другую.

А мы обе поняли, да-да, и я только что поняла, что я хочу привязать, прикрепить к себе намертво этих замечательных людей. И пусть уж поскорее обретут друг друга. И Алексею пора уже все узнать обо мне... ну пусть не все... ну хотя бы то, что Ольге известно. А то на самом деле отдаст меня Наталье... Мда... вариант не самый вероятный, но возможный. С Оленькой своей уже вместе, значит и договор может скоро не понадобится. Своих детей заведут...

Привязались мы с Ольгой друг к другу, надеюсь, ей тоже не захочется со мной расставаться... Ох, была бы я постарше, сказала бы, что голова разболелась от этих дум. Но пока болеть особо нечему, выкинем из нее дурные мысли и живем дальше.

— Машенька, ты решилась? — тихонько прошептала мне няня, вынимая меня из кровати и перенося в гостиную.

— Дя-а! — уверенно ответила я, а Алексей снова вздрогнул. Не привык еще... ничего, освоится.

— Все-все? — спросила Ольга, уже не скрываясь и глядя мне в глаза.

Я опять кивнула и утвердительно ответила: — Дя-а!

Пусть все сразу расскажет. Всем легче будет. Да и объединяют общие проблемы крепче всяких обязательств. А я хочу, я так хочу остаться с ними!

Алексей еще не отошел. Оленька, умница, дала ему время, опять с чаем пошла возиться. А он пристально так уставился на меня... ой, опять я «поймала» взгляд! Да, а ведь я и хотела посмотреть, как он сейчас, что там с его «неправильностями». Держу его, «промываю», хорошо все, чисто, никаких диссонансов. Отлично! Что и требовалось выяснить. Вот и хорошо, вот и замечательно. Опускаю глаза, он расслабился, словно прислушиваясь к себе, затем опять изумленно взглянул на меня. А Ольга тем временем приготовила чай, хотя и нужен он был только для того, чтобы дать время Алексею прийти в себя. Я попросилась на пол и потихонечку отползала в сторону террасы. Пусть сама рассказывает, а я пока подышу свежим воздухом, хихикнула я, особенно учитывая, что у нас круглые сутки все настезь, и что там, что тут, все едино дышать. Но уползла все же, надо им время дать наедине осмыслить проблему.

Я торчала на балконе уже целую вечность! Кажется, пора бы уже обо всем на свете переговорить! Да и вообще все пора! И ужинать... и прочие надобности! Штанишки-то пока мне не по силам снять! Что ж, в них что ли?! Ну уж нет! Уж если когда Ольгу выставили, я полдня терпела, то сейчас и еще потерплю! А если...? Ага... Все правильно, извиваемся, зацепляемся... хорошо, что резинки не тугие, штанишки вниз полезли, главное с попки стянуть! Уф! А теперь совсем просто — на спинку, за штанишки снизу, и на себя... Опа! Готово! И с голой попкой вниз, с террасы, благо съезд для коляски есть, не надо по ступенькам кувыркаться... в травку, за кустики... хорошо-то как... только вот, почему бы мне здесь прямо штанишки не снять было, мда, ситуация...

— Маша! Машенька! — услышала я встревоженное восклицание. — Ма-а-ша-а-а! Алеша! Маши нет! — в голосе уже прорезаются истеричные нотки, надо выползть из убежища, но... вот же любопытство женское! Так хочется посмотреть, что делать будут.

— Алеша! Смотри! — я подползла к просвету между кустиками, глядя, как Ольга подняла ползунки, и растерянно оглядывается вокруг. Алексей, на мой взгляд, пока вообще ничего не понимал. Еще бы! Вывалить на него такой ворох «небывальщины» и после этого ждать адекватной реакции на исчезновение ребенка! Ну-ну! А к Ольге, кажется, подкрадывается истерика.

— Машенька, Маша, солнышко мое! — бормочет она, прижимая к лицу грязные ползунки.

Все, хватит издеваться! Задвигаю подальше свое стервозное любопытство и подаю голос:

— Ма-ма!

Ольга вздрогнула, повернулась на голос.

— Маша?!

— Ма-ма!

Ольга кинулась к кустам, за ней рванул Алексей.

— Па-па, неть! — взвизгнула я. Алексей ошеломленно остановился.

А что! Будет тут мужик на мою голую попу любоваться! Ну и что, что я малявка, а он все равно моложе меня почти вчетверо!

Ольга уже подбежала, увидела меня в полунатуральном виде, валяющуюся на травке, перевела взгляд на ползунки в своей руке и облегченно опустилась рядом.

— Алеша, иди на террасу, подожди минутку, все хорошо, я сейчас — Ольга быстро натянула мне штанишки, подхватила на руки и тоже зашагала к террасе.

— Прости меня, девочка моя, я совсем потеряла счет времени. А ты молодец! Сама справилась. Ох, напугала ты меня. Моя ты хорошая. — бессвязно бормотала Ольга, обнимая мое тельце. А я вцепилась в нее маленьким клещиком, уткнувшись носом в грудь и пытаюсь пустить слезу. Расчувствовалась... беспокоится обо мне нянюшка, это хорошо.

Весь оставшийся вечер до самого сна, моего, естественно, мы провели втроем. Ну, конечно, за исключением пятнадцати минут ваннных процедур и переодевания меня ко сну. Алексей все себя тихо, вопросов не задавал, кажется, он до сих пор не воспринимал ничего из услышанного. Но на Ольгу смотрел влюбленным взглядом с бесшабашной улыбкой на ставшем вдруг совершенно мальчишеским лице. Так и провели вечерок. Няня занималась мной, передвигаясь по комнате то за вещичками, то за едой, а Алексей следил глазами за ее перемещениями, расслабленно откинувшись в кресле.

Один раз за вечер я опять ввела его в ступор, взяв у няни айпад и набрав несколько слов, глазами попросила передать ему мою записку. Ольга передала айпад, не глядя.

Алексей посмотрел на экран.

— Папа! Я хочу, чтобы моей мамой была няня Оля! — написала я.

А он опять молча таращился на меня, не произнеся ни слова. Опять не воспринимает. Ну ничего, до завтра очнется! Сам прибежит с выяснениями, не приснилось ли...

Как в воду глядела! Наверное, ночь не спал! Едва-едва после шести успели помыться-переодеться, нарисовался папа. Вот интересно, он вчера еще долго сидел здесь? Или не здесь? Или не сидел?

Мда... похоже, не сидел...сбежал вчера, однако. Ну это и не новость. Обычно все мужчины сбегают от проблем. Надеются, что само рассосется. Важно, чтобы ненадолго сбегали. Мой, как видно, быстро в себя пришел. Наверное, только ночь не позволила ему раньше примчаться.

Ворвался, схватил Ольгу в охапку, прижал к себе и прошептал:

— Не отпущу! Никогда! Никогда не отпущу! Оленька, родная, давай сегодня поженимся?

Ольга, уткнувшись носом в его плечо, тихо рассмеялась:

— Прямо сейчас?

— Нет, чуть позже, думаю загс еще закрыт, — серьезно ответил Алексей. — да и кольца купить надо.

— Алеша, давай сядем, поговорим.

Ну вот! Вчера полдня говорили. Мне опять на террасе развлекаться?! А впрочем, я согласна на айпад. Интересно со знакомыми пообщаться.

— Папа! Ма-ня уй-ди? — спросила я.

Алексей ошеломленно уставился на меня, не понимая, чего от него хотят, но тут выручила Ольга:

— Маша спрашивает, надо ли ей уйти, чтобы дать нам поговорить?

— Да нет... — он потер лицо ладонью, — никак не могу воспринимать, что малышка все понимает, прости, Маша, если невпопад что-то скажу или сделаю. Мне сложно... — он опять растерянно взглянул на меня и замолчал.

— Маня, айпад! — попросила я. Все же сложно мне говорить, да еще чтобы поняли! Писать уже наловчилась. Хотя и не слишком быстро, и с кучей опечаток, зато ясно, что хочу сказать.

Ольга подала мне айпад, перенесла меня за мой «столик», и придвинула его к креслу Алексея. А сама присела рядом с ним, чтобы можно было видеть экран.

Ну вот и первый семейный разговор.

Алексей вопросительно посмотрел на Ольгу и перевел взгляд на меня. А я уже вполне уверенно открыла айпад, который теперь автоматически открывался на ворде, и начала писать.

Бросив взгляд на «папу», отметила, что он все еще глазам своим не верит, переместился в кресле ближе ко мне, чтобы лучше видеть экран.

Ну пишу я, пишу... читайте..

— Поговорим? — я посмотрела на него. Кивнул, глядя мне в глаза.

— Вопросы? — продолжила я.

— Много, но, лучше я буду задавать их по ходу беседы, — отвечает.

— Хорошо. А у меня уже есть вопрос. Вы решили пожениться?

— Да.

— Сегодня?

— Да.

— Неправильно.

— Почему? — Алексей изумленно посмотрел на меня, на Ольгу... Эта крошка имеет свое мнение?

— У тебя есть родители? Родные? У Ольги?

Кажется, «папочка» начал въезжать, погрустнел слегка, виновато посмотрел Ольге в глаза.

— Прости, я не подумал.

Ну еще бы он подумал после всего услышанного! Больше года терзаться тем, что потерял свое счастье, и не ошалеть от радости после вчерашних новостей!

А я опять строчу, ну ладно-ладно, до «строчу» мне еще как да Китая ползком, но пусть будет «высказываюсь».

— А кто у нас родственники?

Выяснилось, что у моей любимой нянюшки нет никого, кроме соседки, моей тетки, между прочим, Марии Павловны. А у Алексея не так много, но все же семья — папа, мама и известная уже мне тетушка, Татьяна Николаевна.

— Может быть, бабушку с дедушкой в гости пригласить? — взяла я быка за рога.

Смотрят на меня непонимающе теперь уже оба. А что! Приучать сразу надо! Может еще самим «старичкам» и не следует знать, что у них внучка растет, а уж своих-то «родителей» надо сразу в оборот брать, чтобы и не мыслили иначе.

Кажется что-то дошло до «папы».

— Идея отличная! Сейчас и позвоню!

— Не так быстро! Еще семи нет! И не надо пока про меня говорить, что я ваша дочка, ладно?

А сейчас может и мы позавтракаем?

Завтрак, как говорится, прошел в дружественной обстановке. Мне творожок, им кофе с булочками.

Понемногу Алексей расслаблялся, не вздрагивал и не таращился на меня, когда я обращалась к нему или к Ольге, еще немного, и свой будет. Начал задавать вопросы, и поскольку, без айпада мне сложно давать более-менее развернутые ответы, то помогала мне няня, иногда сверяясь со мной, верно ли она ответила за меня. Так прошло часа два, и Алексей наконец счел вполне приличным позвонить родителям. Приглашение было принято с энтузиазмом и Вера начала готовиться к обеду, охая и причитая, что не предупредили вчера или позавчера, или вообще неделю-месяц назад. Этот обычный ритуал был знаком каждому в доме, кроме разве меня, но я вообще не в счет. Интересно, возьмут ли меня на обед?

— Я тоже хочу познакомиться с бабушкой и дедушкой, — написала я, как только все распоряжения были отданы и мы втроем снова оказались в нашей гостиной.

— Пригласить их сюда? — спросил Алексей.

Я отрицательно помотала головой.

— Нет, пожалуй, лучше меня вывезти, — причем в полном смысле слова, вывезти, в свет — можно я с няней рядом в коляске буду? — Уф! Даже пальчики устали от такого напряжения, столько сразу написать.

Ольга с Алексеем переглянулись. Он смотрел вопросительно, пока она не ответила, пожав плечами:

— Почему бы и нет. Я — няня, ребенок рядом никого не будет шокировать.

— Но... Вера...

— Все хорошо, Алеша, не беспокойся. Вера уже общалась с Машей.

Алексей снова недоверчиво взглянул на меня.

— Ну если так... надеюсь, проблем не возникнет.

А у меня остался еще один вопрос, вернее, просьба, которую я не преминула отобразить на экране:

— Папа, я прошу никому и нигде, включая твоих родителей, не упоминать о моих «отклонениях» от нормы, няня объяснит причину.

Алексей прочитал и согласно кивнул, поворачиваясь к Ольге, и только та начала

говорить об исследованиях и интересе с необычному ребенку, как Алексей прервал ее, сказав, что мы совершенно правы и далее объяснять нет необходимости.

— Кто-то еще в курсе?

— Вера, — ответила Ольга, — но она дала слово, что никогда никому не скажет.

— На нее вполне можно положиться, — уверил Алексей. — Это все?

— Да. Что-то видел Александр Александрович, но это можно трактовать как проявления опережающего развития, вполне встречающиеся в природе. Да и немного он видел.

Далее внимание всех переключилось на организацию предстоящей встречи, а установленный для меня жесткий режим начал давать трещины.

Несмотря на ограниченное количество проживающих суета в доме по мере приближения к обеду набирала обороты.

Вера предполагала, что приглашение к обеду родителей, которые по меркам этого дома не так давно гостили здесь, имеет свою причину, но вот о самой причине не могла догадаться, как ни ломала голову. В конце концов, сосредоточившись на подготовке стола, она забыла обо всем, кроме одного — порадовать, удивить, представить очередную изюминку кулинарного творчества.

Мы втроем до самого приезда родственников просидели на нашей террасе. Я уже для себя только так и позиционирую — МЫ!

Да, я эгоистка, но мне простительно, я маленькая, незащищенная малышка. Мне нужно подготовить базу для жизни. Ну не с Наташей же!

Вот и буду приучать новых родителей к мысли, что мы семья. Куда же им без меня! Да они мне всю жизнь благодарны должны быть. Если бы не я, сидели бы по разным углам нашего замечательного города, а то и всей страны, до конца жизни. Так что совесть меня не мучает, буду работать в этом направлении. Не может быть, чтобы умудренная жизнью женщина не смогла подтолкнуть молодых ребят (а кто ж они для меня!) в нужное русло.

Встречать родителей Алексей вышел прямо с террасы. Мы с няней с интересом наблюдали за ними. После традиционных объятий Маргарита Львовна слегка отодвинула сына и придирчиво осмотрела его, улыбнулась и, приглушив огонек понимания, сказала:

— Ну, веди сынок, — она заметила и взъерошенный вид молодого человека, и его едва сдерживаемую улыбку, и уверенную решимость в родных и отчаянно счастливых глазах.

Николай Николаевич без слов последовал за ними.

Расположившись в гостиной, они несколько минут обменивались ничего не значащими фразами, давая сыну время собраться с мыслями и сообщить то, ради чего состоялась эта незапланированная встреча. Но спустя минут пятнадцать, он, извинившись, встал и вышел из гостиной. Родители недоуменно переглянулись, но не успели перекинуться парой слов, как Вера пригласила всех к столу. Привычно окинув взглядом стол, отметив наличие вина и шампанского, Маргарита Львовна остановила взгляд на месте сына, где стояло два стула. Подняла голову и едва заметно нахмурилась, увидев входящих в столовую Алексея и няню с коляской. Алексей провел девушку к своему месту, устроив рядом с ней коляску и открыто посмотрел на родителей.

— Все интереснее и интереснее, — подумала Маргарита Львовна.

Между тем, Алексей попросил всех к столу и после того, как их немногочисленная компания заняла места, приобнял Ольгу за плечи, слегка притянул к себе и заговорил.

— Дорогие мои родители! Дорогие Татьяна Николаевна, Вера, Василий! Я хочу сегодня всем Вам, и моим родным, и тем кто стал ими за последние годы, находясь в этом доме, представить мою невесту, мою Оленьку, Ольгу Васильевну.

И тишина.... Ни одного вздоха! Только пять пар глаз, уставленных на молодую пару. Да они что, все против? Против моей нянюшки?

— А-а! А-а! А-аааа!!! — завопила я, имитируя интонации солдатского «У-ра!», и привлекая внимание к себе размахиванием рук.

Общество отмерло, зашевелилось. Ольга присела возле меня, спрятав от всех лицо с

мокрыми от слез глазами, и прошептала: «Спасибо, родная!»

Алексей попытался приподнять ее, но увидев слезы, развернулся к родителям, словно спрашивая: «Как вы могли!?»

Маргарита Львовна, спохватившись, вскинулась из-за стола и вмиг оказалась рядом. Обняла его, поздравляя, наклонилась к Ольге пытаясь обнять и ее одновременно. Василий без движения сидел на стуле, а Вера в попытках успокоиться после неожиданной новости, машинально поправляла приборы и салфетки.

Николай Николаевич молча взял шампанское и без затей выстрелил пробкой в потолок. Громкий хлопок в очередной раз заставил всех замереть.

— Вот что, мои дорогие! — начал этот обычно молчаливо стоящий за спиной своей активной супруги мужчина — Не скрою, новость для нас всех оказалась неожиданной. Мы так долго ждали этого дня, что воспринять сразу реальность данного события просто не получается. — Он открыто и очень схоже с Алексеем улыбнулся. — И мы счастливы, что наконец это произошло. Все подробности, надеюсь, мы узнаем позже, а сейчас, быстро встали, давайте бокалы, выпьем за детей!

Ну молодец, дедуля! Мгновенно все разрулил! Уважаю!

Алексей опять подтянул к себе Ольгу, и ласково проведя рукой по ее волосам что-то шепнул. Она несмело улыбнулась, взглянула на него сквозь склеенные от слез ресницы, и уже открыто посмотрела в глаза Маргариты Львовны, как бы заявляя права на ее сына. С легкой улыбкой слегка кивнула Николаю Николаевичу, выразив благодарность за его слова, и уже потом взяла из рук Алексея бокал, приподняв его в сторону остальных домочадцев, и сказала одно слово: «Спасибо».

Застолье немного оживилось, а после нескольких тостов напряжение, витавшее вначале обеда, растворилось и далее беседа пошла обычным порядком, вокруг последних событий в городе, стране и прочих проблем, не касаясь личных моментов. И хотя Маргарите Львовне очень хотелось хоть чуть-чуть прояснить вопрос с неожиданно возникшей невестой, она

понимала, что сейчас не время, и терпеливо поддерживала беседу в сложившемся русле, изредка бросая взгляд на сидящую рядом с сыном девушку, собирая для себя крохи информации, которые позже помогут составить впечатление об избраннице Алеши.

Хороша, очень хороша. Видно, что не глупа. Держится с достоинством, хотя видно, что расстроена. Взгляд не прячет, смотрит открыто, улыбка — редкая гостья на ее лице, — но улыбка хорошая, искренняя. На Алешу смотрит так, словно он один для нее что-то значит. Хотя нет... вот и малютке досталась светлая улыбка и легкий ласковый шепот. Хорошо, что няня так тепло относится к подопечной, повезло малышке с няней, чего нельзя сказать о матери.

— Кто же ты, девочка? Ольга... тоже Ольга. Ищет ли Алеша замену своей любви, повторив даже имя любимой? Если так, то это очень плохо. Ни одна женщина не выдержит сравнения с настоящей любовью. Как смогла ты, девочка, так быстро приручить моего сына, еще буквально вчера заявлявшего, что он полюбил один раз и на всю жизнь? Чего ты хочешь от него? Разобьешь ли его сердце, или все же заставишь забыть свою единственную? Будет ли покой в его жизни или очередное разочарование? Как пережить все это материнскому сердцу? — размышляла Маргарита Львовна, не забывая вовремя вставлять фразы в беседу, нахваливать кушанья и ловко уклоняться от очередной порции вина, щедро подливаемого то Василием, то сидящим рядом супругом.

А Николай Николаевич был совершенно спокоен. Он не задавался вопросами "откуда",

«как» и «почему». Глаза сына говорили ему о многом. И не в его правилах загадывать на будущее, но сейчас и здесь его сын счастлив, он твердо в этом уверен. Значит его задача, как отца, поддержать сына, а, следовательно, и его избранницу. Он поднялся из-за стола, с бокалом в руке подошел к ним, наклонившись со спины, обнял обоих за плечи и по очереди поцеловал со словами: «Будьте счастливы! Доченька, ты сделала Алешку счастливым! Пусть это будет навсегда! Я так рад за вас!» — и протянув между ними руку, по очереди коснулся их бокалов своим, затем отсалютовал всем присутствующим поднятым шампанским с приглашением поддержать тост.

На меня, мелкоту в коляске, никто не обращал внимания. Разве Вера иногда искоса взглядывала в мою сторону, словно проверяя, все ли в порядке. Да няня периодически нащупывала мою ручонку, безотчетно ища поддержки. Впрочем, так оно и было, я старалась передать ей немного спокойного тепла, когда она касалась меня, и знала, что это помогает ей справиться с волнением. Поэтому не жалела сил, передавая их Ольге, а та в ответ словно раскрывалась, расцветая улыбкой и сияя глазами.

Алексей, как впрочем и все остальные, не обращал на меня никакого внимания, что мне было на руку и позволяло следить за ситуацией.

А ситуация того требовала. В частности, меня беспокоила Маргарита Львовна. Великолепная женщина! Именно такая, какой я бы хотела быть, но, увы, не дано. Красивая, броская, величественная! Выдержанная.

Но... плохо, плохо со здоровьем! Состояние критическое! А тревоги у мужа и сына не вижу. Скрывает? Не знает? Что делать?

Пришлось потихоньку дергать няню за руку, чтобы наклонилась ко мне. Она вопросительно взглянула и я тихонько ответила:

— Ба-ба. Плех! — не поняла... да я и сама себя не поняла бы... Эх! Айпад надо. Не Ольга и сама догадалась. Извинилась перед Алексеем и остальными за столом и вышла, прихватив меня собой.

Добравшись до нашей гостиной, няня быстро открыла айпад и подала мне. Я написала:

— Бабушка больна, состояние критическое. Срочно нужна госпитализация.

Могу посмотреть, но нужна причина, чтобы взять ее за руку, или наоборот, чтобы она взяла. Возможно глаза в глаза, без прикосновения, но наедине.

Ольга задумалась:

— Подожди немного, я за Алексеем.

Алексей пришел быстро. Видимо, по пути Ольга передала ему наш «разговор», потому что на его лице отобразилась явная тревога за мать.

Он прочитал мое «послание», присел, устало потер виски, потом недоверчиво спросил:

— Машенька, ты уверена? Можешь сказать, что с ней?

Я отрицательно покачала головой, протягивая ручки к айпаду:

— Уверена в том, что все очень-очень плохо. Нужно срочное вмешательство. А в чем причина, не могу сказать. Может, когда посмотрю, смогу что-то добавить.

Я старалась писать быстрее, делала много ошибок, исправлять было некогда, но Алексей все понял.

Он быстро поднялся, на ходу добавляя:

— Сейчас приведу их двоих, придется позже им все рассказать. Сейчас не воспримут.

Мы с няней остались ждать, встревоженные не меньше Алексея. Ощущение надвигающейся опасности не покидало меня. Я уверена, что Маргарите Львовне нужна

срочная госпитализация, а возможно, речь идет об операции.

Алексей с родителями вернулся быстро, удивительно, но на его лице не видно было ни единого признака волнения, он радушно улыбался, что-то говорил, показывая им нашу площадь, и пригласив в гостиную предложил присесть, пока Ольга приготовит кофе. Как-то само собой получилось, что Маргарите Львовне досталось место рядом со мной, а так как перед этим кресло было вплотную подвинуто к моему, то я не раздумывая схватила ее за палец. Попробуй отцепи! Она растерянно посмотрела на свою руку с вцепившейся в нее моей и рассмеялась.

— Ты хочешь познакомиться? — спросила, глядя на меня.

А я перехватила ее взгляд и... Боже мой! Она все знает! Она знает, что каждая минута может быть последней! Уже несколько лет она живет с этим. А сейчас тромб оторвался и медленно продвигается к сердцу.

Как! Как закрепить его? Счет идет на часы! Я изо всех сил сжала палец на ее руке и всеми силами желала, чтобы этот несчастный тромб рассосался, растворился, в крайнем случае, хотя бы остановился, прикрепившись там, где находится, и пробыл там до операции.

Все... ничего не помню... очнулась, похоже, быстро, но уже в спальне, в кровати. Надеюсь, все хорошо.

Ольга смотрит с тревогой, Алексей тоже.

— Машенька, как ты? Отключилась, пока я кофе готовила.

— Айпад!

— Да-да! — Алексей быстро поднес экран, няня приподняла меня на подушке.

— У меня все хорошо, бабушка была на грани. Тромб. Срочно скорую, возможно, необходима операция. Не слушайте ее, она все о себе знает.

Звони, папа. Пока едет скорая, еще хочу посмотреть, что получилось.

Надо к бабушке.

Ольга подхватила меня на руки, Алексей достал трубку и начал набирать скорую. Пока он вызванивал машину, договаривался с кликой и бригадой в хирургии, мы вернулись в гостиную и Ольга села рядом с встревоженной Маргаритой Львовной, попросив дать ей руку. Та вопросительно взглянула на девушку, протягивая ладонь. А я опять, словно невзначай схватилась за палец. Такой мягкий, такой ухоженный! У меня самой за все девяносто лет никогда руки не были такими ухоженными!

Так-так... нет, не вижу, поделиться силами, подбодрить, успокоить смогла бы, но силенок нет. Надо поймать взгляд. Но как назло, бабушка все еще смотрит на Ольгу, как бы спрашивая, а что дальше?

Ну нет! Давай-ка на меня обрати внимание, я же беспокоюсь! Только-только засветила радость в будущей семье, не надо нам горя. Бабушка у меня, кажется, мировая будет, надо ее сохранить во что бы то ни стало.

— Ба-ба! — обнаглела я. А что, все равно скоро все узнают, а мне сейчас надо! Маргарита Львовна буквально раскрыв рот, уставилась на меня, Алексей, увидев такую картину, тихо фыркнул, видимо, вспомнив вчерашнего себя, а я быстро перехватила бабушку на себя и заглянула в ее сердечко. Ох! Получилось! Почти! Тромб малюсенький, крошечный совсем стал, к стенке сосуда притулился, замер на месте. Похоже, удалось приклеить пока. Эх, если бы еще силенок, попробовала бы совсем убрать, но никак, даже думать в эту сторону не получается. Наверное, самозащита моей тушки включилась.

Убрала руку и отпустила взгляд Маргариты Львовны. Та ошеломленно потрясла

головой, с недоумением оглядывая нас всех.

А я посмотрела на Ольгу и Алексея. Как поступить? Дальше шифроваться, или сразу все вывалить?

Алексей обреченно махнул рукой и сходил в спальню за айпадом. Понятно. Раскрываем себя.

— Мама, папа, — начал он, подходя. Прошу вас никому ни при каких обстоятельствах не раскрывать того, что сейчас увидели и того, что увидите и узнаете. Позже мы все объясним, а сейчас нет времени.

Родители оба синхронно кивнули и он подал мне айпад. Я постаралась как можно быстрее написать.

— Сиюминутная угроза миновала. Тромб остановился, уменьшился. Но необходимо срочное обследование, госпитализация не отменяется. Операцию пока желательно отложить, я попробую повторить процедуру через день-два. — Писала долго, поэтому за реакцией родителей Алексея не следила, потом, все потом.

Прочитав, Алексей открыл оба моих сообщения — во время обеда и последнее, — и дал прочитать родителям.

Изумление, неверие, страх, вопрос, обида... как много можно сказать одним взглядом! Николай Николаевич именно так смотрел на жену, а та немного виновато и извиняюще пожала плечами и ласково посмотрела в ответ. Этим двоим не нужны слова. Они не задали ни единого вопроса о Маше, словно это было пока за пределами их восприятия.

Скорая подъехала быстро, уехали Маргарита Львовна, Николай Николаевич и Алексей. Мы остались в беспокойном ожидании. Вера, Василий и Татьяна Николаевна знали только, что у Маргариты Львовны случился приступ и ее увезли в больницу. И, видя, что она вполне неплохо себя чувствует, зная, что Алексей для матери сделает все возможное, а также невозможное, все равно беспокоились.

Так неожиданно начавшийся обед также неожиданно закончился.

В доме повисла атмосфера напряженного ожидания.

Через несколько часов Алексей позвонил и сообщил, что вердикт врачей более чем положительный, светила недоумевают по поводу причины рассасывания тромба и однозначно вынесли — подождать! Маргарита Львовна, остается в клинике, под контролем врачей, возможно, процесс завершится полным исчезновением угрозы. А сейчас ей будет проведено полное обследование.

— Скоро приеду, — закончил он — отца не смог уговорить уехать со мной. Определил его в соседнюю палату, чтобы хоть отдохнуть мог иногда.

После отбытия скорой я лежала в кровати и пыталась обдумать то, что сегодня произошло. Несомненно, у меня отрылись паранормальные способности. Сначала видение ауры, потом передача эмоций через прикосновение, и потом корректировка психики через внушение, как в случае с Верой. Гипноз что ли? А потом Алексей. Здесь вообще не могу определить, каким образом я действовала, просто очень-очень хотела, чтобы он был здоров. И получилось! То же самое с Маргаритой Львовной. Ведь тоже получилось. Не до конца, но получилось же! И как? И что это? Лечение мыслью? Ну так хоть представлять нужно уметь, что и как ты хочешь вылечить. Получается, ха-ха, лечение пожеланием здоровья! А что! Здороваемся же бы постоянно. Желаем здоровья, вольно или невольно, задумываясь или нет, искренне или не очень, но желаем! Может, я очень-очень сильно пожелала своим родным здоровья? Но, увы! Смешно думать, что я одна искренне желаю кому-то добра. Почему же

тогда есть больные и не все выздоравливают? И как долго будет действовать эффект такого выздоровления? А вдруг у Алексея завтра опять сердце даст сбой, а у Маргариты Львовны тромб снова начнет расти? Сколько вопросов, и ни одного ответа. Все! Надо приступать к методичному изучению интернета на сей предмет. Не может такого быть, чтобы я была единственная в таком качестве. Значит, надо искать.

Алексей вернулся к вечеру, радостный и воодушевленный. Рассказал, что врачи в недоумении, тромб на самом деле уменьшился в разы, но подвинулся ближе к сердцу, а сейчас снова остановился. Все, как сказала Машенька!

Отец очень расстроен, что мать не сказала ему сразу, хотя, по мнению Алексея, она правильно сделала. Незачем отравлять пусть даже последние часы и мучаться ожиданием конца любимого человека. Но теперь он ее не оставит ни на час. Будет сам контролировать все процедуры и читать заключения. Будем надеяться, что они будут положительными.

Вечер прошел вполне благополучно, в составлении планов на будущее. Вопрос со свадьбой отложили, само собой, до выздоровления Маргариты Львовны. Но перспективы все же наметили. Обсудили близкий возможный отъезд Алексея, его непереносимое желание взять с собой уже жену, а не невесту, и неожиданное препятствие этому в моем лице. Почему-то никто из них не додумался до такого простого решения проблемы, как оставить со мной бабушку. Все равно теперь уже она будет в курсе моих способностей, апартаменты у нас с Ольгой просторные, вполне способны и бабушку с дедушкой вместить. Из домашних Вера почти все знает, а дальше вмешиваться не будет. Татьяне Николаевне глубоко плевать на меня, ползает кто-то где-то, и пусть ползает. Так что не вижу проблем. Основная задача ложится на меня — не выдать себя при посторонних. Ну так неважно, кто будет рядом, Ольга или бабушка, если я языком начну молоть, когда не надо.

Вот и остановились пока на таком развитии событий. А пока нужно решать текущие задачи.

Я настояла на том, чтобы Алексей поехал завтра в клинику и договорился (не знаю как, но надо!) о том, чтобы меня пустили в палату, или бабушку выпустили на встречу со мной. Это первое. Второе, я рассказала ему о его проблеме с сердцем. Вернее, уже об отсутствии проблемы. И попросила пройти обследование. А поскольку он ни в какую не соглашался оставить свою вновь обретенную Оленьку, то решили, что ездить они будут вдвоем, а пока их нет, я остаюсь на попечении Веры, чему та будет только рада. На этом и остановились. Завтра прямо с утра я с Верой, они в клинику.

Наутро, после завтрака, мои будущие родители упорхнули, держась за ручки, а я осталась с Верой.

Ну что сказать! Конечно, нянюшку мою мне никто не заменит. Да и нельзя все Вере открывать. И так вот-вот начнет догадываться, что я не очень похожа на обычного младенца. Опыт-то не пропьешь, как говорится. Да и лежать, дрыгая ножками целыми днями мне не улыбается. Но найдем выход. Перед уходом Ольга положила мне в кроватку айпадик и наказала не трогать его, де мол я привыкла к этой игрушке и плохо сплю без него. А еще положила на стол расписание. А в нем я почти все время должна спать. И опять же няня наказала, что, когда я сплю, никому в комнате находиться нельзя. Так что время на занятия у меня будет. А во время бодрствования гулять ходить будем, что тоже неплохо. А то лето скоро закончится, по зиме, конечно, тоже прогулки хороши, но уже не то, что летом — круглые сутки на свежем воздухе.

Итак, первая проба. По расписанию сон. Делаю вид, что засыпаю, одной рукой за айпад

держусь, повернулась лицом к двери. Прикрываю глаза, слышу как закрывается дверь. Лежу тихонько, знаю, что Вера не вытерпит и придет проверять. Так и есть! Приоткрывается дверь, заглядывает Вера и присматривается ко мне. Ну что делать, придется воспитывать, иначе не будет мне свободного времени. Нарочито вздыхаю и открываю глаза. Вера, испуганно охнув, закрывает дверь. Прикрываю глаза и жду следующего захода. Ну... недолго вытерпела... опять заглядывает, а я опять «просыпаюсь». Три раза пришлось повторить, пока Вера не уяснила, что заглядывать, сплю ли я бесполезно, все равно «проснусь». Все, до окончания сна, как указано в расписании, она больше не сунется. Теперь можно и в айпадике порыться. Переворачиваюсь, устраиваюсь, и зарываюсь в инфу. Кайф!

На первые сеансы у меня нет никаких конкретных планов по сбору информации. Так, погулять по поискам, просмотреть, что это вообще за звери такие типа экстрасенсов и эзотериков. Или как их там правильно называть? В общем, найди то, не знаю что... будем искать. Незаметно пролетел час. Меня даже сон сморил. Закрыла крышку айпада, уложила на него ручку, как положено, и отправилась в страну Морфея.

Ровно по расписанию, минута в минуту открылась дверь, впуская Веру. Теперь она уже с полным правом зашла и направилась к кровати, застав картину просыпающейся малышки, открывающей на нее огромные голубые глаза и улыбающейся до ушей. Всем хорошо, все довольны.

Вера взяла меня на руки, и понесла в ванную. Наверное, заранее с расписанием сверилась, а может и выучила уже, чем черт не шутит. Ответственная дама, да еще в эйфории от отступившейся фобии. Теперь некоторое время на других малышах будет пробовать себя. А там, глядишь, и на своих решится. Это хорошо. Это просто здорово, что удалось пробить ее щит.

Теперь у нас черед бодрствования, идем гулять. Недалеко, ненадолго, на наше любимое место к водоему. Повалиться на травке, поковыряться в песочке. Слишком не усердствую, валяюсь потихонечку, ползаю чуток, переворачиваюсь... Нужно же мышцы нагружать хоть немного.

Так пунктик за пунктиком подбираемся к ужину. А пока ползаю по террасе, поджидаю «родителей».

Ну, наконец, дождалась!

Подъехали, оставили машину на Василия и, минуя центральный вход, направились прямо к нам на террасу. Счастливые! Довольные! Прямо душа поет, глядя на них. И опять за ручки держатся. Дети, ей-богу, дети!

— Верочка! — Алексей подхватил Веру за талию, приподнял и закружил округлившую глаза женщину по террасе.

— Алексей Николаевич! — испуганно пропищала она, — что вы делаете!

Мы с няней зашлись смехом, так нелепо выглядела безвольно висящая, вытаращившая глаза, Вера в руках Алексея, не знающего на кого выплеснуть свое счастье.

— Верочка! — повторил он, поставив ее на ноги. — У нас все замечательно! Я здоров, мама скоро выпишется, завтра мы с Машей поедем ее навестить, а потом — свадьба! А сейчас — ужинать! Мы голодные! Всем, — он обернулся к нам, нахмутив брови, как будто только что заметил наш смех, — полчаса на душ и сборы! Жду в столовой! И вышел вслед за пулей выскочившей впереди него Верой.

Мы с Ольгой переглянулись и опять рассмеялись. Мне кажется, я впервые слышу смех своей няни. Значит, отпустило. Как же много горя приняла она на свои плечики, если не

могла расслабиться.

Ужинали весело, с шутками, с предложениями и вопросами по поводу будущих событий. Вера выясняла дома ли будут проходить торжества, или в ресторане. Даже обычно отстраненная от всего Татьяна Николаевна, включилась в процесс обсуждения и предложила взять на себя оформление зала, если торжество состоится дома. Василий соглашался со всеми, только изредка улыбался краешками губ.

Меня, конечно же, забыли накормить. Хорошо хоть взяли с собой к столу. Поужинать-то я успею, а вот такое застолье мне очень интересно. Оказывается, не такой уж и строгий мой «папочка», а «мама» так и вовсе чудечко!

На следующий день после завтрака мои «родители» снова направились в клинику, прихватив меня с собой. В отделение сердечной хирургии нас, конечно же не пустили, но Маргарита Львовна спустилась к нам в небольшой уютный холл. Вполне себе живенькая, энергичная, довольная жизнью.

— Машенька! Девочка моя! — кинулась она ко мне, едва не напугав своим порывом. — Спасибо тебе, родная моя! — возбужденно благодарила она, не замечая ничего вокруг. — Ты вернула меня к жизни! И Алешеньку спасла от врожденной напасти!

Алексей с Ольгой, застывшие с первых слов Маргариты Львовны, и отметившие оглядывающихся на нас людей, синхронно вскочили и стали обнимать ее, приглашая сесть и успокоиться. Пока все устраивались, подошел и Николай Николаевич. Маргарита Львовна, оглянувшись по сторонам и заметив любопытные взгляды, только гордо выпрямилась, непринужденно улыбнулась. Она действительно забылась на радостях, но пусть все окружающие думают, что она это говорила в контексте того, что внучка заставила ее собраться с силами и вернуться к жизни. Да... небольшая промашка вышла, призналась она сама себе. Надо поосторожнее быть. Затем выкинула все из головы, взяла Машу на руки и осторожно, но крепко обняла.

— Спасибо, внученька!

Интересно, а она знает, что я не ее внучка?

То же повторилось и с «дедушкой», только обнимал меня он еще бережнее.

Ну все! Теперь я своя в доску для этих двоих! Что бы ни случилось — они мои бабушка с дедушкой!

Но, вспомним, за чем мы здесь. Я отстранилась от дедушки и произнесла:

— Ба-ба — на удивление, он или понял, или просто догадался, потому что тоже беспокоится, но передал меня обратно бабушке. А я снова дотронулась до нее, успокаивая и подбадривая, и заглянула в глаза. Таааак! Интересно! Я обернулась к Ольге и попросила айпад.

— Вам делали осмотр вчера или сегодня? — обратилась я к Маргарите Львовне.

— Нет, только позавчера, — растерянно ответила она, прочитав мой вопрос. — А нужно было? Что-то случилось?

— Нет, все хорошо. Просто тромб на сегодня почти исчез, видно, запустился обратный процесс. Давайте решим, убирать его сейчас, или подождем естественного рассасывания? Если будем ждать, то желательно прямо сейчас сделать снимок для сравнительного анализа процесса. Если будем убирать, то после все равно снимок сделать надо.

Мне кажется, лучше подождать до завтра. Тогда у врачей, получивших еще один промежуточный снимок, не возникнет вопросов к факту исчезновения тромба.

Маргарита подняла глаза на Николая. Видно, что ему очень хочется освободить жену от этой страшной болячки немедленно, но, понимая правоту моих слов, он согласно вздохнул и сжал руку Риты.

— Подождем.

Маргарита тоже согласно кивнула, а я добавила.

— Уверяю вас, сейчас нет никакой опасности. А завтра мы снова приедем и, если будут еще остаточные явления, я их уберу и тогда пройдем последнее освидетельствование. — Я

улыбнулась. — Вы останетесь в истории медицины, как пример самопроизвольного излечения.

— И я тоже, — добавил Алексей, — у меня исчез моя «болячка», мои лечащие светила разводят руками. А я заявил им, что это у меня от сумасшедшей любви!

— Девочка моя! Машенька! Откуда это у тебя? Как ты нас понимаешь, как чувствуешь? Как ты это делаешь? — засыпала вопросами Маргарита.

Я пожалала плечиками:

— Не знаю... родилась такая, наверное..., - отписалась и закрыла айпад, давая понять что время вопросов-ответов еще не наступило.

Маргариту Львовну выписали на следующий день. Доктора разводили руками, но объяснить, куда девался угрожающий тромб, не могли. Исчез. Совсем. Неделю назад был, три дня назад был, да еще вчера был, хоть и едва заметный. А сегодня нет. Чисто! Фантастика!

Маргарита безоговорочно отмела все предложения по тщательному обследованию и поиску причин данного феномена, а на все уговоры потерпеть ради науки отвечала одно — вы ученые, вы и терпите, а у меня дома внучка маленькая. Не видите? Ей уход нужен! И показывала мою ясноглазую младенческую рожицу. Аргумент непробиваемый.

Свадьбу назначили буквально через два дня, так как Алексею нужно было срочно вылетать на службу. Отговорившись необходимостью закончить лечение, после чего он уже не должен будет дважды в год зависать в клинике, Алексей Николаевич твердо пообещал через три дня появиться на объекте. Так что времени в обрез.

Назначив дату и время регистрации, Алексей решил, отметить радостное событие дома, в семейном кругу. Кроме присутствующих на помолвке, пригласил на торжество только Марию Павловну, Ольгину соседку по квартире. Мы и не заметили, как пролетели оставшиеся два дня.

Я порадовала себя первым зубиком, себя — потому что всем вокруг было не до меня. Ну ничего, я дама с понятиями, самостоятельно уже теперь и до кухни могу добраться, так что голодная не останусь. Ползаю совсем неплохо. Даже штанишки мне теперь уже без лямок одевают. Это чтобы снять смогла при случае. Да и на горшок я уже сама сажусь. Ну как сажусь... скорее заползаю попой назад, придвинув горшок к стенке, чтобы не отползал вместе со мной. Но все равно — достижение!

Да и хожу уже вдоль опоры вполне сносно. Надеюсь, скоро сама пойду.

Бабушка перебирается в соседние с нашими апартаменты. Просьбу Алексея побыть с Машей, пока они уедут с Ольгой на его службу, она восприняла с неожиданным энтузиазмом. Собралась в течение дня, в своем доме оставила сторожа и наутро, накануне свадьбы, уже прибыла в усадьбу сына, с ходу включившись в процесс подготовки на кухне. Татьяна Николаевна с Василием занялись оформлением зала, закупили множество цветов, а Ольга с Алексеем были предоставлены себе с условием, что наряд невесты и кольца остаются за ними.

На регистрацию поехали втроем, вовремя вспомнив про свидетелей и прихватив с собой Василия. Отец с матерью остались дома. Маргарита Львовна категорически отказалась от присутствия на регистрации, заявив, что смотреть там нечего, а стол приготовить они с Верой обязаны. За Марией Павловной заехали по пути, счастливая, она уже ждала их у подъезда, сжав в руке букетик и нервно перебирая ручки сумочки, словно не веря происходящему. Когда вчера к ней позвонили в дверь и на пороге показался тот самый

парень, что год назад приезжал к Ольге, у нее екнуло сердце, пропустив очередной удар. И только когда увидела спешащую вслед за ним Ольгу, облегченно вздохнула. И не удивилась, и напоила чаем, и приняла приглашение на свадьбу. А вот сейчас переживает, словно приснилось все. Ан нет! Приехали! Алексей вышел из машины, взял Марию Павловну под руку и помог сесть на заднее сиденье, рядом с пожилым мужчиной, представившимся Василием. Впереди сидела Оля. Красивая, нарядная! Наконец-то повезло девочке! Вся жизнь билась через силу, горько подумала старушка, хоть теперь счастье будет.

Расписались быстро, без церемоний, и со свидетелями определились — Мария Павловна со стороны невесты, Василий со стороны жениха. Оба гордо поставили свои подписи на документах.

Все! Молодые кажется еще не верили своему счастью. Но свидетельство в руках, кольца на пальцах, а осколки бокалов, разбитых на счастье, на полу.

— Ну чего застыл! — проворчала Мария Павловна. — Быстро жену в охапку, и в машину!

Алексей отмер и смеясь, поднял Ольгу, на руки, разворачиваясь к выходу.

А дома их ждали у входа — родители, Вера, Татьяна Николаевна и я. Куда же без меня!

Это был день искреннего счастья для всех.

Наутро Алексей с Ольгой улетали. Чемоданы они собрали еще накануне, чтобы не тратить последний вечер на сборы. Так что вся компания практически до ночи провела в гостинной. Периодически кто-то отлучался, возвращался, снова кто-нибудь выходил... В итоге получилось так, что Мария Павловна успела познакомиться и переговорить с каждым. А уж Маргарита Львовна не упустила возможности раздобыть информацию о девушке, так неожиданно ставшей ей дочерью, из первых рук. Они долго беседовали с Марией Павловной, которая охотно рассказала все, что могла и о трудном детстве Оленьки, и о тяжелой трагедии, случившейся с ней больше года назад, и о том, как ей повезло снова встретиться с Алексеем.

Вот теперь для Маргариты Львовны все встало на свои места. Какая трагическая случайность разделила девушку с ее сыном! И такой же невероятно счастливый случай свел их снова! Теперь Маргарите стал многое понятно в поведении сына. Да, он однолюб, как и Николай. Теперь остается только надеяться, что Ольга также сильно любит Алексея и будет ему поддержкой в жизни, а не источником проблем. Но, кажется, здесь можно быть спокойной, в девушке есть стержень. Маргарита вспомнила, как Ольга отреагировала на прохладную реакцию об их помолвке. Не сорвалась, не закатила истерику, ни слова упрека Алексею. Хотя Маргарита видела едва сдерживаемые слезы в ее глазах. И как выяснилось позже, именно Ольга в утро помолвки убедила Алешку не бежать немедленно в загс, что он собирался сделать как только выяснил свою нелепую ошибку в ее отношении. Да, девочка хотела проявить уважение к его родителям. Маргарита слегка поморщилась, вспоминая о допущенной ею бестактности. Теряю хватку, подумала, усмехнувшись. Но тут же откинув невеселые мысли, выпрямилась и нашла взглядом молодых. Они сидели рядом в одном кресле, Алексей бережно прижимал к себе откинувшуюся ему на грудь девушку. Расслабленная усталая улыбка человека, закончившего наконец сложное дело и имеющего право на отдых, застыла на его губах.

— Мальчик мой! Дорогой! Сколько же вы оба вынесли за это время. Дай вам бог счастья!

День подошел к концу. Марию Павловну разместили в одной из гостевых комнат, где

раньше жила Наташа, чем очень ей угодили. Меня отправили спать, нечего ребенку по ночам сидеть! А про накормить можно и забыть. Нет уж! Схватила увозящую меня Веру за рукав и протянула ручку к кухне.

— На кухню? Ох ты ж! Моя маленькая! Покормить забыли! — Вера бегом бросилась на кухню, и, прихватив бутылочки со смесью, вернулась ко мне.

Быстро подогрела питание, положила мне бутылочку, проследив, как я ем, и только тогда пошла наливать воду в ванночку.

Я сегодня тоже устала от впечатлений. Слышала я всю историю моей нянюшки. Многовато для малышачьей психики оказалось. Едва искупали, переодели, а у меня уже глазки закрываются.

Сплю...

Шесть утра. Грустно. Няня впервые после того, как ее Наталья выставляла из дома, не пришла ко мне ровно в шесть. И вообще никто не пришел. Я конечно уже не та беспомощная малышка, что была в месяц. Могу и с кровати сама сползти, и до кухни добраться. Но все равно еще помощь требуется. Да и привыкла к присутствию нянюшки.

Ладно, хватит киснуть, пора действовать. Выбралась из кровати, поползла в ванную. Только-только с грехом пополам стянула штанишки и пристроилась на горшок, как хлопнула дверь в моей спальне и раздался встревоженный голос няни:

— Машенька!? Ты где?

— Няня! — радостно завопила я!

Ольга влетела в ванную, опустилась на колени и заплакала, обняв меня.

Я быстренько пописала, сползла с горшка и потянула на себя штаны. Няня все же не выдержала и рассмеялась. Справившись, я поднялась на ножки, опираясь на няню, подала ей ручку и сказала: «Дем»!

— Понятно, — вздохнула Ольга. — каких-то три-четыре дня, а мы уже почти ходим, одеваем штаны, садимся на горшок... что же будет, когда я вернусь?

Маша, я тебе подарок принесла.

Она достала айфон, с прикрепленной к нему тесемкой.

— Это тебе, звони, здесь мой телефон и телефон папы. Попроси бабушку добавить ее контакт и тоже поставить на срочный вызов. Здесь вайберг, скайп, пиши мне что сможешь. Как носить, реши сама. Хочешь, на шею повесишь, только, боюсь, мешать будет. А можно просто за веревочку за собой таскать. Пусть думают, что тебе такую игрушку отдали. Я тебе чехол специальный одела, чтобы грязь не попала, так что и в саду можешь за собой таскать.

Она говорила и говорила... а слезы катились по щекам...

Да чего там... я тоже плакала...

Так и застали нас Алексей с Маргаритой.

— Оля, нам пора, — растерянно выдавил он, увидев такую картину.

— Да, иду, — вытирая слезы тыльной стороной руки, ответила она. — До свидания, Машенька!

И поцеловала меня в щечку!

Маргарита подхватила меня на руки, пытаясь отцепить тесемку айфона, которую я примотала к ручке.

— Неть! — решительно выдернула я руку. — Мой!

— Простите, Маргарита Львовна. Это я Маше подарила, пусть он всегда с ней будет. И вас попрошу свой контакт туда добавить. У нас не было времени поговорить. Прошу Вас,

если что-то непонятно будет, Маша вам будет писать на айпаде. Айпад всегда лежит так, чтобы Маша сама могла достать, не убирайте, пожалуйста, высоко. Расписание я положила в гостиной на стол. Девочка привыкла к четкому режиму, если можно, постарайтесь не нарушать.

— Оля, не беспокойся, — серьезно ответила Маргарита. — Я все поняла. Вам, к сожалению, пора. Но мы всегда на связи, по всем вопросам буду звонить.

Пойдем, дорогая, мы вас проводим.

Маргарита со мной на руках прошла через террасу к выходу. Машина уже поджидала Алексея, чемоданы уложены, водитель стоял рядом с открытой дверью.

Ольга еще раз обняла меня и села в машину. Алексей хотел последовать за ней, обняв отца и чмокнув мать в щечку, но я протянула руки и потребовала:

— Па-па!

Он изумленно уставился на меня, а все вокруг захохотали.

— Дочку забыл поцеловать! — хмыкнул Николай Николаевич.

Алексей подошел, внимательно посмотрел мне в глаза и поцеловав, серьезно произнес:

— До свидания, доченька! Береги бабушку с дедушкой!

Вокруг опять раздались смешки. Но и я, и родители Алексея понимали, насколько он серьезно это сказал. И в первый раз назвал меня дочкой.

Я кивнула и помахала ручкой вслед отъезжающей машине.

Уже много позже, перебирая в голове давние события, я поняла, что именно с этой минуты можно вести отчет существованию нашей семьи.

А сейчас и здесь началась наша жизнь без няни. Искренне данное Ольге обещание о соблюдении графика, к сожалению, оказалось невыполнимым. Маргарита Львовна, как человек привычный к военному режиму, без проблем выполняла четкие указания расписания. К сожалению, у нее были такие же четко сложившиеся стереотипы, что хорошо и необходимо для ребенка, а от чего нужно воздерживаться, если не сказать жестче — избавиться. И началась наша почти трехмесячная тихая война.

Я старалась больше двигаться, ползать, кататься, кувыркаться. Маргарита старалась перемещать меня на руках, в крайнем случае в коляске.

Я копалась в земле, дергала траву, цеплялась за ветки.

Она постоянно переодевала меня в чистое, мыла ручки по десять раз за пять минут и не пускала ползать «по грязи», как она называла тропинки и траву в саду.

Я пыталась одеваться-раздеваться, забираться в ванночку, открывать краны и набирать воду. Она с ужасом оттаскивала меня от «кипятка» чтобы я, не дай бог, не обварилась горячей водой.

Контролировался каждый мой шаг, ограничивалось время, проведенное за айпадом, телефон был изъят и выдавался в определенное время и только для звонка папе.

Спустя неделю такой жизни я призадумалась. Это не женщина! Это домашний деспот! Надо что-то придумывать, иначе буду в пеленках три месяца сидеть. До самого приезда родителей, то есть, как раз до Нового Года.

И что делать? Вариант номер один — объявить бойкот и голодовку. Но не хочется с бабушкой воевать. Вариант два — озаботить ее другими проблемами, чтобы меня передали на попечение Вере. С ней все же была возможность заниматься, хотя бы в часы, отведенные для сна. А Маргарита притащила в мою спальню кресло и сидит в нем, пока я якобы сплю. Иногда на самом деле засыпаю, но большей частью тупо лежу и жалею потерянные часы.

И чем ее озаботить? Ольгу не хочется беспокоить, только-только счастье свое нашла....

Дед! Вот кого нужно просить о помощи!

Я крутанулась на кровати, где делала вид, что сплю и позвала:

— Деда!

— Спи, Машенька! Еще рано вставать. — оторвалась Маргарита от книги.

— Деда, деда, деда, — твердила я.

— Маша, что случилось?

— Деда, деда, деда....

— Маша! Я знаю, что ты меня понимаешь. Еще тридцать минут для сна. Не хочешь спать — отдыхай.

— Деда, деда, деда....

Маргарита сделала вид, что не слышит и продолжила читать.

Но не на ну напали! Я своего добьюсь. Мне мою жизнь жалко тратить на изучение потолка.

Я сползла с кровати, чем вызвала изумление на лице Маргариты, и шустро двинулась в сторону двери, приговаривая:

— Деда, деда...

— Ох, Маша! Упрямая ты какая! — вздохнув, Маргарита подняла меня и понесла в сторону своей комнаты.

Николай Николаевич тоже читал, сидя в кресле. Увидев нас, он сдвинул очки на лоб и спросил с улыбкой:

— Соскучились?

— Да вот, Машенька, не спит, деда требует.

— Ну вот я. Что ты хочешь, солнышко? — спросил дедушка, протягивая руки, чтобы взять меня. Я тоже потянулась к нему, приникла к уху и шепотом сказала:

— Деда, Маня айпад! Баба — неть! Дай Маня Айпад!

Он изумленно уставился на меня и расхохотался.

— Ах ты маленькая хитрюшка! Знаешь как свое получить! Ну пойдем, будет тебе айпад. А то бабушка у нас строгая, снега зимой не выпросишь.

Он встал, пронося меня мимо недовольной таким поворотом событий бабушки, достал айпад и, усадив меня в мое креслице, открыл страничку ворда.

Ммммм.... Как я соскучилась по своему айпадику! Два с лишним месяца он был рядышком! А теперь я скучаю.

— Деда! Мама уезжала (а Ольгу я теперь только так называю) и просила, чтобы айпад и телефон лежали всегда рядом со мной. Зачем вы их прячете от меня?

— А потому что излучения вредны для детей, — безапелляционно заявила Маргарита, наклонившись и прочитав мое сообщение.

— А читать чужую переписку недостойно воспитанного человека! — отбрила я.

— Ах ты малявка! Нос не дорос бабушку учить! — насупилась Маргарита.

— Риточка! А ведь Маша права, она пришла поговорить со мной. И Ольга на самом деле просила ее никогда не оставлять телефон. Там ее контакт, и Алешкин. И она звонила много раз, беспокоится, что Маша не отвечает. Собралась лететь выяснять, что случилось. Еле отговорил ее. Зачем ты так? Она там места себе не находит, и Алешка расстраивается. Так и до беды недалеко. У него же сложное производство, ему покой дома нужен.

Давай, ты пойдешь на кухню, приготовь нам на обед что-нибудь вкусенькое, а я с

внучкой пообщаюсь.

Маргарита, расстроено вздохнув, вышла из комнаты.

— А теперь, внученька, давай с тобой поговорим. Довела бабушку и довольна?

Я отрицательно замотала головой и запорхала пальчиками по клавиатуре.

— Нет, деда! Нет! Не довольна, но ничего не могу поделать. Я целую неделю ждала, надеялась, что ей надоест меня пасти, но нет, никак не успокоится! Я же не кукла! Завел — танцует, выключил, положил на полочку — спи два часа! Она сама хоть книжки читает, а мне потолок изучать?

— И что делать? Предложения есть?

— Есть. Найди ей неотложное дело, чтобы она хоть Вере меня передала, что ли! А лучше чтобы Вера только купала и одевала меня, и еду готовила, а остальное время мы с тобой бы проводили.

— Ишь ты! Дело, говоришь, неотложное? А ведь можно... сентябрь полным ходом, сад-огород требует внимания. Закрутки делать надо, это две-три недели. Надо попробовать.

— Деда, миленький, попробуй! Я буду умницей! Я все-все сама буду делать! Я даже уже одеваться немного научилась. И за едой сама могу ходить... ну, то есть ползать пока еще...

— Ползать... за едой... — фыркнул дед, — Алешке расскажу, как ты от бабушки хочешь избавиться.

— Да нет, деда. Если бы я хотела избавиться от бабушки, давно голодовку и бойкот бы объявила. Сама бы рада была меня отдать тому, кто сможет накормить. Но мне ее жалко, она же как лучше хочет. Только маму еще жальче, она просила меня звонить и писать обо всем, а у меня и айпад, и телефон бабушка отняла. Хотя обещала маме...

И тут я не выдержала и заплакала...

— Ну-ну... не плачь! Давай прямо сейчас с мамой поговори. Где твой телефон?

Я показала на верх шкафчика с бельем. Дед встал и достал мой айфончик.

— Ишь, какую игрушку не пожалели! — хмыкнул он. — как его тут включить?

Я показала на кнопку сверху, дед нажал ее и тут же открылся экран с бесконечным рядом пропущенных звонков. Бедная моя нянюшка! Как же она это вынесла! Дед положил трубку передо мной, предлагая позвонить. И словно по заказу телефон зазвонил сам, и я нажала кнопку ответа.

— Маша, Машенька! Родная моя! Ты здесь? Отзовись! — раздался такой дорогой голос, что я опять разревелась.

— Няня! Няня! — Закричала я, — Маня десь! Я десь!

— Девочка моя! Ты с кем? Бабушка с тобой?

— Неть! Баба ням-ням. Деда десь!

— Дай трубочку дедушке. Пиши мне, Машенька, я скучаю!

— Мама, я айпад, кайп!

— Хорошо, я поняла, жду в скайпе!

Я подняла на деда полные слез глаза и передала ему трубку. Он сидел, сжав зубы и едва не скрипел зубами. Кажется, в семье назревают разборки.

Коротко поговорив с Ольгой и пообещав, что сам проследит, чтобы и телефон и айпад всегда были рядом с девочкой, он взял меня на руки, и прибаюкивая, успокаивал.

— Все- все... теперь я сам буду с тобой. Не плачь, мы всем бабушкам покажем кузькину мать! Будут знать, как мою внученьку обижать. Ишь чего удумали, айпадик у малышки отнимать!

Я хихикнула, представив картинку, как злобная бабуся отнимает у четырехмесячного малыша планшетик.

Дед встрепенулся, посмотрел на меня и остался доволен.

— Ну, что будем делать? — спросил он.

— Маня, айпад, мама, — выпалила я.

— Да-да, ты ведь обещала, Ольга будет ждать.

Он усадил меня в креслице, поставил передо мной айпад и сам расположился неподалеку. А дорвалась до своего любимого планшетика, и погладила его, и покрутила, и к щечке прижала... соскучилась!

Потом открыла, вышла в скайп и сразу увидела мигающее сообщение.

Нянюшка моя! Уже ждет, моя хорошая!

Читаю, пишу ответ, читаю, пишу..... Я так увлеклась, что не заметила, как прошло время и няня мне написала последнее сообщение:

— все, Машенька, отбой! Завтра постарайся быть на связи, буду ждать! Целую! Привет бабушке с дедушкой и всем остальным!

Я подняла глаза на деда, он пристально смотрел на меня.

Я открыла ворд и написав:

— Ты хочешь что-то сказать? — повернула экран к нему.

— Откуда ты, девочка? Как такое возможно?

Я пожала плечами и написала в ответ:

— Не знаю. Сама удивляюсь. Я много знаю, но мало умею. Буду ли я знать все это, когда вырасту? Все ли дети столько знают? А потом забывают? Может мне просто повезло, что нашлась Няня, способная понять меня? А остальные так и вынуждены расти в пеленках, пока не исчезнет их знание?

У меня так много вопросов, но не знаю ответов. Я начала искать информацию в инете, но бабушка не дает айпад. И еще я боюсь, что кто-нибудь узнает обо мне и меня начнут изучать где-нибудь в клинике, где я проведу всю жизнь.

— Не бойся. Мы постараемся не дать тебя в обиду. А ты старайся не выделяться своими знаниями, хотя я представляю, как это сложно. А с Ритой я поговорю. Надеюсь, она поймет.

— Деда, я вижу, у тебя болит спина. Я могу помочь. Только мне надо пообедать, а потом в кроватку, хорошо?

— Ух ты, моя докторша маленькая! Пойдем обедать, и правда пора! Засиделись мы с тобой.

Он подхватил меня на руки, я схватила айфон за ремешок, и мы поехали на обед.

Я сидела на коленях у деда, а он бережно, словно боясь сломать, придерживал меня одной рукой, слегка прижимая к себе. Я прильнула к нему всем тельцем и притихла. Удивительно! Я чувствую его боль! Нет, не ощущаю боли, а вижу внутренним зрением, где и что болит. В грудном отделе позвоночника алое марево — воспалительный процесс. Но ни на грамм я не биолог, не медик, понятия не имею, что там может быть. А вот убрать потихоньку, омыть светом — это получается почти мгновенно.

Далее, поясничный отдел, а вот тут смещение позвонков. И что теперь? Если убрать что-то лишнее, восстановить у меня уже получается, то что делать в данном случае? Как можно «задвинуть» на место позвонки?

— Деда! — позвала я, подняв голову.

Он посмотрел на меня непонимающе, видимо еще не дошло до мозга, что уже не болит,

но организм уже ощутил изменения. А я опять ушла взглядом в глаза деда и сделала единственное, что уже опробовала, и что получилась, от всей души пожелала, чтобы проблема с позвоночником ушла, и чтобы все у деда было «как надо».

Я открыла глаза в своей кровати. Опять сработал мой «предохранитель» и вырубил меня. Это просто отлично, что он есть. Повернула головку и встретила с восхищенным, ожидающим и не верящим взглядом деда. Он по юношески упруго поднялся с кресла. Снова сел.

— Машенька! Чудо ты наше! А ведь я все еще не верил! Как же такое возможно! Девочка ты наша!

Мда... надо прерывать поток восклицаний.

— Деда, — я показала рукой в сторону ванной. Хотя вполне уже и сама могла добраться до туалета.

— Ох ты, моя маленькая! Прости меня, солдафона! — он поднял меня и донес до двери, приоткрыв ее и вопросительно глядя на меня. Я отрицательно покачала головой и указала пальчиком на пол. Нет уж, нет уж! Дальше сама! Еще не хватало, чтобы мужик меня на горшок пристраивал.

Спустя несколько минут мы уже выходили на террасу. Опять я на руках у деда, и это меня не возмущало, вроде бы так и надо. Вот ведь странно. Когда бабушка берет на руки, я возмущаюсь, что ограничивает мою свободу, а у деда все, как должно, воспринимается.

Весь оставшийся день мы провели вместе. Побывали на нашем любимом озере-прудице, повалялись на травке, наслаждаясь последним теплом бабьего лета. Наконец, впервые за неделю, я почувствовала себя нормально.

О бабушке не говорили, и она ко мне не подходила больше. Догадываюсь, что разговор по душам между ними уже состоялся и для нее нашлось множество неотложных дел, помимо ублажения меня любимой.

А я размышляла о себе, о дальнейшей жизни, о своих вдруг открывшихся и непонятных для меня самой способностях, о перспективах их изучения и развития, если это не мимолетное явление и они сохранятся в будущем.

Интересно, как это действует? Слышала я что-то подобное о филиппинских бесконтактных методах лечения, но и только что, как говорится, слышал звон, да не знаешь, где он. Неужели на самом деле это возможно? Вот факты уже налицо, но не верю! Сама себе поверить не могу! Так не бывает!

Вторую неделю льет дождь... Не могу сказать, что скучаю, не привыкла я скучать в той, прежней жизни, да и теперь есть чем заняться. Но так не хватает солнышка и прогулок по саду!

И Ольга с Алексеем не звонят, убедились, что дед меня в обиду не даст, и пропали. Не до нас им сейчас, пусть радуются.

Маргарита Львовна приезжала пару раз ненадолго, и, удостоверившись, что у нас все в порядке, снова улетала по своим очень важным делам. А чем она занимается, мне дед так и не сказал.

Наша жизнь текла своим чередом, со всеми домочадцами мы встречались за обедом, разговоры, как обычно, касались только текущих дел. Все остальное время я проводила на своей территории. Завтрак, полдник и ужин мне приносила Вера, с которой мы проводили довольно много времени. Я хоть и о-о-чень самостоятельная девочка уже, но все же помощь мне частенько требуется. А помощью деда не всегда удобно воспользоваться. Зато с ним мы активно общались как минимум дважды в день - утром и перед ужином. Кажется, он находил особое удовольствие в «беседах» со мной, не переставая удивляться, что я могу иметь свое мнение по серьезным вопросам. А чего ж не иметь, уж за почти столетие можно было составить свое представление о жизни. Да и мне интересно с ним общаться. Нас никто не беспокоил, я уже вполне освоилась, уверенно скользила по экрану и довольно бегло набирала тексты. Иногда вместе смотрели новости, хотя я не очень люблю телевизор, и раньше могла по полгода его не включать, и теперь не испытываю потребности пялиться в «ящик».

Постепенно и дед начал привыкать к моим «особенностям» и воспринимать адекватно мои действия.

Кстати, газеты я тоже практически не читала, и, в отличие от деда, не находила в этом смысла. Но дед оказался фанатом газетной индустрии. Все его жилое пространство было занято разнообразными газетами и журналами. Обычно, устроившись в кресле, он разворачивал газету и хмыкал по ходу текста, зачитывая иногда отдельные тезисы.

— Ты смотри, Маша, что пишут! — в очередной раз восклицал он:

— Экстрасенсы! Бесконтактное лечение! Вот шарлатаны! Развелось всяких!

Тут он замолчал, уставившись на меня, видимо соотнося текст, свои слова, мои способности.

— М-да... — только и смог подвести итог.

— Маша! — окликнул дед спустя некоторое время. — А ты ведь просматриваешь информацию о нестандартных методах лечения и необычных явлениях и способностях?

— Угу, — буркнула я, отрываясь от очередной статьи о достижениях мировой науки в области паранормальных исследований.

— Что-то нашла, что может тебе помочь?

— Не-а.

— А может попробовать вот по этим объявлениям поискать? Может поможет?

Я с сожалением подняла голову от айпада, придется отвлечься от чтения.

Переключившись на «ворд», быстро написала:

— И как ты себе это представляешь? Здрасьте! Вот тут у меня младенец, он может

лечить. Не поделитесь опытом?

— М-да... надо подумать... Ну может хоть удостовериться, что не все это шарлатанство...

— Дед! А ты еще не убедился? Что, я тоже шарлатанка? — хотя, откровенно говоря, я сама и то до конца себе не верю. Вроде как игра в некие возможности. — Я думаю, что под кучами шарлатанского мусора обязательно имеются люди с необычными способностями, но мы не можем перерывать эти кучи. Для этого созданы специальные научные институты и лаборатории. Но вот туда я никак не хочу попасть. Поэтому и думать не будем в эту сторону. Не дай бог, как-нибудь обратить на себя внимание, представляешь, что за жизнь нас ждет?

— Машенька, все-все, прости, не подумал!

Дед снова уткнулся в газету, а я задумалась.

Конечно, информации в интернете много, очень много. Хватает всяческой шелухи и откровенной бредятины, но ведь есть и стоящие статьи.

Если копнуть поглубже в историю, то получается, что сведения о фактах паранормальных способностей прослеживаются на всем протяжении развития человечества, начиная от древне-жреческих культовых обрядов. А вторая половина девятнадцатого века вообще характерна пристальным вниманием к оккультным наукам и соответственно к уникальным способностям отдельных людей.

И с тех пор полторы сотни лет мировое сообщество пытается найти источники возникновения уникальности, вывести ген гениальности, расшифровать загадки многих явлений. К сожалению, как говорится, воз и ныне там. Открываются и закрываются новые исследовательские институты, тщательно изучаются и анализируются отдельные личности, описываются их возможности, но и только.

Никакой конкретики, никакой методики практического применения на просторах интернета я не обнаружила и, если только это не супер засекреченная информация, то ее вовсе нет. Но ни в том, ни в другом случае для меня это не имеет ценности в плане освоения и развития приложенных ко мне фишек. Увы! Придется надеяться на свои мозги и какие-никакие аналитические способности. Не зря же в научном институте почти всю жизнь провела.

Наличие некоторых необъяснимых способностей у себя я отрицать никак не могу. Ауры вижу? Вижу. Помочь со здоровьем уже четверым близким людям смогла? Очевидно. Возможно и еще что-то есть, только пока не проявилось, а я по незнанию не представляю на что внимание обращать. Придется и с анализом, и с методикой самостоятельно начинать, а там «война план покажет». Глядишь, новое что в науке появится, или судьба сама повернет в нужную сторону. Ведь зачем-то появилась на свет девочка Маша с сознанием Татьяны Васильевны. Не вечно же по кругу водить будет.

Вот и первый эзотерический университет нашла. Правда, больше на аферу смахивает, или на стремление привлечь внимание, не более. Чего только не предлагается к изучению и освоению! И астрология, и магия и колдовство, и объединенные теории магии и эзотерики и прочее... прочее...

Эх, если бы на самом деле такое учебное заведение существовало! Сегодня же записалась бы! Тем более что обучение в режиме онлайн происходит. Но! Ни одна ссылка не открывается!!! Впору поверить, что как в фэнтезийных романах, открывается только тем, кто готов к обучению. Тогда, впрочем, все правильно, еще нос не дорос в буквальном смысле.

К слову, как ни странно, я уже вполне готова и в это поверить.

Время до приезда «родителей» пролетело очень быстро. Я с головой погрузилась в исследования своего феномена, делая акцент на изучение ауры людей, начиная, естественно, с близкого окружения. Все в доме уже привыкли встречать меня где угодно, с висящим на шее айпадом в мягком кожаном футляре на ремешке. Но если и удивлялись причудам хозяев, позволивших ребенку такую странную дорогую игрушку, то никаких реплик по этому поводу я ни разу не слышала. Ходила я уже довольно сносно, и великолепно ползала там, где не могла пройти близко к стеночке. Поэтому в доме, кажется, не оставалось ни одного уголка, не обследованного мною. Даже по лестницам я научилась взбираться без особых проблем. Дед мне позволял лазить везде, куда доберусь, и на меня уже никто не обращал внимания.

Ну ползает или сидит где-нибудь этакий маленький колобок, не плачет, не пакостит, и пусть себе забавляется с любимой игрушкой. Видимо, по причине отсутствия семьи и детей у всех работников в доме, ни Вера, ни тем более Татьяна и Василий, не обращали внимания на мои, не соответствующие возрасту, причуды. По крайней мере, ко мне никто не приставал, и не пытался опекать, кроме бабушки, конечно.

А я все это время наблюдала, записывала и составляла графики зависимости размера, цвета, насыщенности ауры каждого от времени суток, настроения, погоды, места нахождения в доме и еще множества параметров. Жаль, подопытных мало.

Сказать, что я открыла для себя много нового, будет неверно. Нового для меня было не просто много, новым было все! Если в месячном возрасте, когда я впервые увидела ауры Ольги и Алексея, это было лишь ореолом свечения вокруг тел, то сейчас я различаю цвет, рисунок, размер, плотность, насыщенность.... И изменения ауры в течение дня, и затемнения, говорящие о неблагополучии со здоровьем, и истинную реакцию человека на то или иное событие, даже если он не хочет этого показать. Как много можно сказать о человеке, только взглянув на него. Теперь я точно знаю, что возможно диагностировать человека, не прикасаясь к нему, не проводя его через серию утомительных процедур при обследовании.

Занятие оказалось на удивление увлекательным. Я делала, на мой взгляд, огромные успехи в своих исследованиях, несмотря на некоторые ограничения в силу моего еще довольно слабого физически тела.

Хотя, не буду скромничать, на фоне прочих пяти-шестимесячных грудничков я выглядела бы наверняка вдвое, а то и втрое старше. Этакий маленький упругий гуттаперчевый человечек. Движений мне хватало. Перемещаясь по дому я настолько выматывалась, что основным занятием деда и Веры стало блуждание по разным этажам, в попытках определить, в каком уголке я в очередной раз уснула, не добравшись до своего обиталища.

Так незаметно подошла зима. Маргарита Львовна уже с месяц как переселилась обратно в наш блок. Поахав над тем, как я повзрослела и изменилась, она снова взялась за меня, но уже без жандармских ограничений. Под строгим присмотром деда, она постепенно влилась в наш режим и с удовольствием проводила утренние и вечерние часы в общей компании с дедом и со мной. Каждый занимался своим делом, лишь изредка озвучивая какие-либо мысли, не обязывая к ответу, и разбавляя общее молчание. Постепенно в таких посиделках установилась вполне комфортная легкая атмосфера взаимопонимания и мы сообща наслаждались этими часами.

Близился декабрь, со дня на день мы поджидали Ольгу с Алексеем.

В доме царила легкая возбужденность и суматоха. Василий постоянно курсировал между городом и усадьбой, докупая необходимое теперь уже двум хозяйкам. Как уж там Вера с Маргаритой поделили кухонное царство, не знаю, но ни споров, ни нравоучений или указаний со стороны Маргариты Львовны я не слышала. Ни дед, ни Татьяна не принимали явного участия в подготовительной суете, тем не менее, и их коснулась общая атмосфера ожидания и нетерпения, когда день за днем приезд дорогих людей откладывался по производственным причинам. Алексей, как обычно, ждал окончания испытаний новых приборов, а Ольга и мысли не допускала уехать без него.

Оленька моя! Нянюшка родная! Как же я по тебе соскучилась!

Ты и не узнаешь меня сейчас!

Маленькая, подвижная, золотоволосая и большеглазая куколка — это я. Была бы на принцессу похожа, но увы! Платья не приемлю! И в старой жизни, и теперь предпочитаю брючки, бриджи, шорты... только не юбки! Пыталась меня бабуля нарядить по случаю приезда родителей в пышное платье, несмотря на мои протесты. Но я такой рев устроила, что меня тут же оставили в покое и вернули мне мягкие пластичные штанишки, в которых и ползать, и ходить, и на брюшке валяться удобно. Вообще, одежду я теперь выбираю самостоятельно.

Дед провел небольшую перепланировку в моей комнате, все полки, необходимые мне разместил не выше полуметра от пола, привез выдвижные ящики на колесиках, которые удобно задвигаются под полки, и вывалил все из шкафов на пол, посередине комнаты.

С каким огромным удовольствием я перетряхивала многочисленные тряпки, что накопились здесь за полгода. Ну чисто женское — в тряпках копаться! Наверное, со стороны я напоминала деду муравья, ползающего по куче. Я передвигалась то ползком, то на двоих, то вообще зарывалась по макушку, выбирая желаемое. Но в итоге рассортировала все на две кучки, одна поменьше — «хочу носить», вторая, по прежнему огромная — «остальное». Все свои вещи самолично разложила по ящикам в привычном мне порядке, а на полочках разместились другие, необходимые для ребенка, предметы — ножницы, клей, бумага, карандаши-фломастеры и прочее для развития мелкой моторики и творческого восприятия. Отдельное место здесь отведено так любимой мною «канцелярии» — авто-карандаши, линейки, угольники, резинки, бумага писчая, блокноты, блоки для записей и т. д., и т. п. Зачем, спросите? А я и не отвечу. Вроде бы и не нужно, но хочется. Вместе с дедом в магазины ездили выбирать. Так удивленно смотрели продавцы на деда с малявкой на руках, который покупал все, во что малявка ткнет пальчиком.

Здесь же появились зарядные устройства для айпада и айфона. Да-да! Уже сама слезу за этим. Фотографии в рамочках, куда же без них! Встроенный, вернее, пристроенный столик с маленьким сиденьцем, где я проводила некоторое время за рисованием и черчением. Не ахти как, но получалось. Добивалась своего.

В целом, обустроилась я неплохо и вполне комфортно проводила время.

А что еще нужно для счастья! Дом, семья, любимая работа со мной, никаких материально-финансовых проблем, да еще и безграничные возможности для исследований. Теперь я почти уверена, что мне очень повезло в этой жизни, и, по крайней мере на сегодняшний день, она мне однозначно нравится.

Наконец наступил долгожданный день приезда родителей! Середина декабря! Хорошо, что хоть к Новому Году успевают, а то все уже устали ждать и приуныли.

Алексей позвонил из аэропорта уже направляясь домой.

Женщины засуетились на кухне, мы с дедом скромненько сидели в гостиной, а Василий перемещался туда-сюда между крыльцом и воротами в ожидании машины.

И как только стукнули ворота, впуская джип Алексея, все разом бросились к выходу. Ну и я, конечно же, следом. Уф! Чуть не зашибли дверью! Едва успела выскочить за Татьяной. В суматохе никто не обратил внимания, что я быстренько сползла с крыльца и потопала на своих двоих к машине. Куда им там под ноги на меня смотреть, все заняты встречалками-обнималками.

А я добралась до нянюшки и обхватила ее ручками за колени, дальше еще не достаю. Как же я рада родному человеку! Даже не думала, что настолько привязалась.

Ольга, ошеломленная встречей, не сразу поняла кто и что там ухватило ее за ноги. А когда опустила взгляд и увидела мою уже зареванную мордашку, вырвалась из объятий деда, подхватила меня на руки и бегом бросилась к дому, пытаясь одновременно прикрыть меня полкой своей курточки.

— Машенька! Как же так! Почему ты не одета? Кто же тебя выпустил в таком виде на мороз?! Девочка моя родная, солнышко мое, — причитала она без перерыва.

Надо же, раньше я что-то не замечала за ней таких способностей, все больше молча общались. Вот ведь как меняет людей замужняя жизнь. Это она еще не поняла, что я босиком прибежала. А я что, подумаешь метров двадцать до машины по морозцу пробежалась. Да и морозец-то градусов десять, не больше. А что босичком... так закаленная я, не простываю, не болею, не капризничаю... не о чем беспокоиться.

Ну все! Началась паника вокруг меня. Ольга ревет, бабушка дедушке выговаривает, дед оправдывается, Вера пытается мне ножки пледом укутать, а Алексей не знает, кого утешать.

— Все! Хватит! — я хотела рявкнуть, но вышло пискляво, и так по детски, что после пятисекундного общего молчания все дружно заржали. Да-да! Именно заржали хором. Ну и ладно, это лучше, чем реветь. Зато расслабились, стали снимать куртки, заносить вещи, перекидываться так необходимыми при этом фразами, типа, «куда поставить», «неси осторожнее», «скоро вы к столу» и прочими соответствующими ситуации.

Наконец спустя полчаса, когда Ольга уже выяснила, что ничего смертельного мне не угрожает, так как я частенько пробегаюсь таким макаром по терраске и прилегающим тропинкам, и вещи определены по местам, и даже руки помыты с дороги, за чем особо проследила Маргарита Львовна, нас допустили в столовую.

Сказать что это был шедевр — ничего не сказать. Наши хозяйки, Вера с Маргаритой, пожалуй, превзошли себя. Памятуя первый выход няни к устроенному Верой застолью, я начала щелкать айфоном, чтобы сохранить эту красоту. И пусть кто-то считает, что я подражаю взрослым, имитируя фотосъемку, мне фиолетово. Главное успеть, пока не нарушили композицию. А для этого конечно же седлаю свою бессменную лошадку — деда, — и еду вокруг стола.

Все. Конец съемки, можно запускать страждущих к столу.

Ольга все еще недоверчиво смотрит на меня, словно не узнает. Да и как узнать, чуть не полгода прошло. Я уже практически самостоятельный ребенок — хожу хорошо, бегаю прилично, ползаю вообще прекрасно, зубы уже на месте, кроме коренных, говорю чисто, даже букву «р» почти выговариваю. И внешне уже не малипусик в люльке. Глаза огромные, синие, а не голубые, как у Наташи. Локоны светлые волнистые ниже попы. Кстати, я их сама научилась закалывать, или шнурком завязывать, кривоватенько, но без посторонней помощи. Кстати, я уже вообще стараюсь обходиться без помощников, как-то привычнее, увереннее

себя чувствую.

В общем, все у меня удалось на славу, и лицо, и ручки-ножки на месте, вся из себя кукольная. Очень красивая девочка, без преувеличения говорю. Да и умом господь не обидел, к слову сказать. А что в грязноватеньких штанишках и с босыми ногами, так должен же быть хоть один недостаток у идеального ребенка.

Мда... Чувствую, снова привыкать нам друг к другу надо с моей няней-мамой. Мне-то попроще, Оленька и не изменилась почти, разве что оттаяла, светится вся, да уголки губ подрагивают, словно улыбнуться готовы каждую секунду. А вот я для нее совсем другой ребенок сейчас. И сижу вот рядом с дедом, а не с ней. Смотрим друг на друга через стол и молчим. И вообще за столом какое-то выжидательное молчание.

Ну хватит, надо брать инициативу на себя.

Я подняла свой маленький стаканчик с соком и начала, не вставая, поскольку ноги высоко над полом, разве что на стульчик забраться.

— Мама, папа! Мы так давно не виделись! Мы все очень ждали вас! И счастливы, что наконец мы вместе. Я скучала! Я люблю вас!

Поднимем бокалы за встречу?

Ой, кажется я перегнула... теперь не только родители, а и все остальные впали в ступор. А что такого я сделала? Ведь все прекрасно знают, что я давненько разговариваю. И ничего особенного не сказала. Фразы коротенькие, как положено ребенку, смысла особого нет, что их так стукнуло?

— Няня! Отвисни! — вспомнила я внука, который в четыре года мне ручкой проводил перед лицом, когда я задумывалась, и говорил коронную фразу: «баба, отвисни!»

Ольга вздрогнула и снова сыпнула градом слез.

— Машенька! Девочка моя! Какая же ты большая выросла! А я все пропустила! — выдохнула она.

Ну положим, далеко не все. Я еще так молода, еще надоем. А вот слезы у няни неспроста, ох неспроста. Неужели? Да... скорее всего пора поздравлять. Я внимательно всмотрелась в ауру Ольги. Так и есть! Ой, что творится! Так и хочется сказать словами нашего любимого героя — «стабильности нет!»! Сплошные восторги и колебания по периметру и равномерное золотистое небольшое пятно в районе живота. Мне и напрягаться, как оказалось, не нужно. И так вижу — мальчик, три месяца, здоровенький. Братец будет.

Я соскочила со стульчика, едва не грохнувшись от спешки, и побежала к няне. На секунду задержалась, подумав, а можно ли к ней на колени теперь? Махнула рукой и взобралась к Алексею. Ольга тут же обняла нас обоих, всхлипывая и улыбаясь, а я прошептала так, чтобы было слышно только им двоим:

— Поздравляю!

Ну вот, снова ступор. Сколько можно!

— Ну откуда? — хором оба. И тут же спохватились.

— Видишь? — опять хором. Спелись!

Я кивнула в ответ.

— Ну все, довольно тут обниматься и слезы лить! Остывает! — вспомнила наконец Маргарита Львовна. — Мы старались, готовили, быстро все съесть!

— Куда же деваться, придется есть, — засмеялся дед, за ним расслабились остальные. И столовая наполнилась шутками, звоном бокалов, стуком приборов.

День прошел, как и положено — в разговорах, суете и вручении подарков с

последующими посиделками у камина. Слишком много эмоций выплеснуто сегодня, поэтому сейчас здесь царила атмосфера покоя и расслабленности. Не хотелось ни двигаться, ни говорить, чтобы не нарушить невзначай состояние внутреннего комфорта и уюта, возможное лишь в компании самых близких людей, либо наедине с собой.

Я так выросла в эту семью, что порой и сама уже начинаю воспринимать ее как родную, а Ольгу с Алексеем, как моих настоящих родителей. И очень не хочется мне терять вновь приобретенное счастье. Не могу сказать, что была несчастлива прежде, я любила детей, внуков, они тепло относились ко мне, но всему свое время. Дети повзрослели, внуки выросли, мы отделились друг от друга, у каждого своя жизнь. Я и теперь частенько вспоминаю своих родных, пытаюсь представить, что и как у них там. Но на данный момент моя жизнь и моя семья здесь, я не хочу ее терять и сделаю для этого все, что в моих силах.

Наташа нервно нарезала круги по комнате, иногда резко приостанавливаясь, сжимая руки и беззвучно шевеля губами.

Ну где же они! Уже несколько часов как должны были приехать.

А что если ничего не получится? Не отдаст Алексей ребенка! Зря они это затеяли! Но Витя... Витенька...

Когда в конце июня Наталья покидала усадьбу, она чувствовала, что уже никогда не вернется сюда. Она сожалела о том, что так получилось. И не потому, что потеряла дармовое обеспечение. Не зная другого, поскольку всегда о ней кто-то заботился, она пока даже не поняла этого. Просто ей было жаль расставаться с придуманной сказкой о счастливой жизни с ее Витенькой. Она досадовала на себя, опять же не за то, что завела разговор об этом, а за то, что поспешила. И была уверена, что стоило подождать недельку-другую, и все могло сложиться хорошо. Да уж... теперь ничего не поделаешь...

Дома встретила ее запертая дверь и новый замок. Василий, загрузив чемодан в лифт, уехал. А Наталья, не зная, что предпринять, присела у дверей, прислонясь к стене.

Виктор вернулся поздно. Увидев задремавшую у порога девушку, он быстро отомкнул дверь и втянул Наталью в квартиру.

— Ты что себе позволяешь?! — прошипел он, — Опозорить меня решила?

— Почему? Я же не могла попасть в квартиру, ты замки поменял?

Я уже весь день жду, устала...

— Устала она! А зачем приехала, не предупредив?

Наталья недоуменно смотрела на него, хлопая ресницами и не зная, что ответить. Виктор развернулся и ушел к комнате. Наталья, постояв еще пару минут, подняла чемодан и поплелась следом. Присев на краешек дивана, на котором сидел Виктор, нервно перещелкивая пультом, она робко начала:

— Вить... я ведь домой пришла, со своим ключом... Ты не предупредил, что замок менять собираешься...

— Только не надо мне тут права качать! Еще я и виноват, видите ли! Не нравится, могу сейчас же уйти! — бросая пульт и отвернувшись, демонстративно надулся Виктор.

— Нет, что ты, родной мой! Прости меня, я не хотела тебя обидеть!

Наташа попыталась обнять его, но он, дернув плечом, отодвинулся.

— Ты документы принесла?

— Нет, но...

— А чего приперлась тогда? Я же сказал, без документов не возвращайся!

— Документы мне выдадут завтра, уже договорились с юристом.

— Ну хоть так... Я уж думал, ты опять зависишь у своего папика, — хмыкнул Виктор.

— Витя! Как ты можешь! Ты для меня единственный мужчина! Я же тебя люблю! И никогда-никогда не предаю! — шмыгнув носом прошептала Наталья.

— Ладно-ладно... успокойся... Завтра во сколько тебе? Я тоже с тобой поеду.

А сейчас иди... я устал, как собака. — Он снова откинулся на диван и взял пульт.

Наталья, посидев еще минутку, поднялась и поплелась на кухню.

Заглянув в холодильник, обнаружила там несколько упаковок пива и нарезку рыбы. Порывшись в шкафчиках нашла чай, кусок зачерствевшего батона и пригорюнившись решала

для себя, пойти ли в магазин, или ограничиться этим на ужин. Есть хотелось зверски, за весь день она только выпила чай на завтрак.

— Вить! Ты есть хочешь?

— Нет! Я ужинал!

Ну и ладно, — решила про себя Наталья! — Значит, душ и чай! Обойдусь!

Передача документов на квартиру прошла быстро и без каких-либо комментариев. Наталья расписалась, подтвердив, что документы переданы ей в руки лично, получила папочку с бумагами и довольная, подошла к Виктору, ждавшему ее в машине.

— Все в порядке? — вопросительно взглянул Виктор на Наталью.

— Да, здесь все, — она помахала папочкой перед ним, плюхнувшись на сиденье. — Только, Вить, я не понимаю, зачем нам все это. Теперь мы за квартиру и все остальное сами платить будем. А так Алексей Николаевич оплачивал... может и дальше платил бы...

— А тебе и не надо понимать, — подмигнул Виктор, трогаясь и разворачивая машину — это моя обязанность. И зависеть мы ни от кого не будем. Не нужны нам подачки твоих «папиков».

— Витя, как ты можешь! Опять воскликнула Наталья.

— Все-все! — в шутливой защитном жесте вскинул руки Виктор, — я пошутил! Едем, я отвезу тебя домой, а мне на работу пора.

— Я думала, мы вместе побудем, — огорчилась Наташа.

— Не грусти, я что-нибудь придумаю к вечеру, съездим куда-нибудь.

Наташа расцвела счастливой улыбкой, глядя на своего любимого сияющими глазами.

— Эх, не была бы еще такой дурой, — подумал Виктор, — взял бы в напарницы! Дела у него в последнее время шли не ахти как, и наличие такой красивой и преданной девушки совсем не помешало бы в его, так называемом «бизнесе». Ее привлекательность и наивность как магнитом притягивали мужчин, особенно тех, кому за сорок. Не было ни одного вечера, когда на Наташу не обратили бы пристального внимания пара-другая таких «джентльменов». Не единожды к нему подкатывали с предложениями поделиться, но, чувствуя, что девушка скорее закатит скандал, чем согласится на подобное, Виктор уклонялся от категоричных отказов, как и не давал никому положительного ответа.

Пожалуй, продажа Наташиной квартиры была его большой ошибкой. Сначала, нужно было приручить девочку. Впрочем, подумал он, еще не поздно. За прошедший год Наташа только расцвела. Еще похорошела, хотя, казалось бы, некуда больше. Удивительно, сколько грации и изящества в этой детдомовской девчонке. Да и год, проведенный, как он понял, далеко не в нищенской семье, не прошел для нее даром. Изменилось ее поведение, исчезла детская непосредственность, граничащая зачастую с бесцеремонностью, Наташа научилась сдерживать свое бестактное неумное любопытство, вполне прилично вела себя в компаниях и не путала приборы за столом. Да, однозначно, следует с ней поработать. — решил Виктор, высаживая девушку возле дома. — До вечера! — улыбнулся он и, махнув на прощание рукой, скрылся в потоке машин.

Наталья со счастливой улыбкой, не желавшей покидать ее лицо, поднялась в квартиру и, припевая, погрузилась в домашние хлопоты! Она уже ничуть не сожалела о том, что Алексей отказал ей от дома, что появились новые домашние заботы а на горизонте высвечиваются финансовые проблемы. Теперь ее Витенька снова с ней, он доволен, и ей больше ничего не нужно.

Она не вспоминала ни о Маше, ни об учебе, и вообще ни единой мысли не было о

людях, которые так много для нее сделали за прошедший год. Было и прошло... Она никогда не думала о вчерашнем, не загадывала на завтра, жила здесь и сейчас. А сейчас она счастлива с Виктором! Значит, все прекрасно!

Но два месяца назад он закатил такой скандал! Наталья и не видела никогда его таким. Даже, когда он отправлял ее в клинику.

Она непроизвольно передернула плечами. Бррр... Этот ужас до сих пор постоянно стоит у нее перед глазами!

А так все хорошо складывалось!

Казалось, в жизни Наташи появилась привычная для нее размеренность. Она приступила к занятиям в колледже, Виктор ежедневно уезжал по делам, а вечера они, в основном, проводили вместе, выбираясь в гости, клубы или в рестораны. Иногда попадали на чьи-то приемы или торжества. Ссоры ушли в прошлое и Наташа тихо радовалась, что ее жизнь с любимым человеком налаживается.

Но в один момент все перевернулось с ног на голову.

Утро начиналось, как обычно. Виктор выпил чашку кофе, слегка поморщился, поскольку Наташа так и не научилась готовить по его вкусу, и, буркнув «спасибо», вышел из квартиры, хлопнув за собой дверь.

Занятия в колледже начинались рано, но Наташа оформила свободное посещение. Не собиралась она никому объяснять, что ребенок живет не с ней, так хоть пропуски не считают. Хотя девушка старалась не злоупотреблять этим, только вот по утрам. Ей казалось, что как хорошая хозяйка, она должна приготовить завтрак и проводить Витю на работу, после чего можно отправляться на учебу.

Наташа уже надевала шубку, когда услышала щелчок замка. Дверь распахнулась и в квартиру влетел Виктор, едва не сбив девушку с ног. Пальто распахнулось, шарф одним концом едва не волочился по полу, стиснувшая ключ рука поднялась к лицу Натальи. Злая гримаса настолько исказила красивые черты любимого лица, что Наташа непроизвольно попятилась, в ужасе глядя на сжатый кулак с побелевшими костяшками.

— В-витя, что? — заикаясь от страха, выдавила она. — Что случилось?

Ее никто никогда не бил. Не конфликтная по характеру Наташа ни разу не попадала в подобные ситуации и сейчас волна панического ужаса захлестнула ее. Она прижала руки к груди, не имея сил шевельнуться и глядя огромными глазами на кривившиеся от злости губы Виктора.

— Что случилось? — заорал он, надвигаясь и толкая девушку внутрь квартиры.

Ты не знаешь что случилось? Ты мне сделку сорвала, дура!! Дура малохольная!

Он толкнул Наталью в грудь и она упала навзничь, зацепившись каблуком за ковер, сжавшись от страха и все также не смея шевельнуться. Шубка распахнулась, приоткрыв неловко подвернутую ногу, оголившуюся в падении до верха бедра. Сумочка выскользнула из рук и отлетела в сторону. Губы девушки беззвучно приоткрылись, из распахнутых глаз покатались слезы.

Ей казалось, что еще немного, и Виктор начнет ее пинать, швырять, и она была недалеко от истины. Виктор был в бешенстве и практически не отдавал себе отчета, заноса ногу для удара...

Спас Наташу так вовремя залившийися веселой трелью звонок телефона. Виктор замер с поднятой ногой и через мгновение придя в себя вдруг сразу обмяк и мешком рухнул на диван.

Наталья потихоньку отползла в сторону, прислонилась спиной к стене и замерла снова, натянув на колени шубу, сцепив руки в замок и опустив на них голову.

Телефон замолк и некоторое время в квартире стояла тишина.

Затем Виктор поднял взгляд на Наташу и уже тихо процедил сквозь зубы:

— У нас сегодня была назначена сделка.

Если бы все сложилось, я вернул бы себе свою квартиру. И мы снова стали бы жить по человечески, а не в этой дыре. Но ты... ты..

Дура!! — снова не выдержал он. — Ты почему не избавилась от ребенка?! И почему я об этом не знаю? И зачем ты его забрала из роддома, если уж не хватило ума сделать аборт вовремя?

Мне почти восемь месяцев, а по физическим данным года два с половиной. Я задумалась над словами Пушкина в сказке о царе Салтане: «И растет ребенок там не по дням, а по часам.» А такая ли уж это сказка? Может и не сказка, если судить по мне. Почему бы и Гвидону не быть перерожденцем. Хотя, с другой стороны, лично мне он не импонирует. Этаким форменный бездельник, живущий за счет жены и ее чудес. Да и где ему было физически развиваться в бочке-то! Не-е-т! Здесь если и есть чудо, то другого порядка. Хотя реальность этого события я уже могу допустить.

Ну да ладно. Мне сейчас не до Гвидона.

Через полгода у меня появится братик, а у Ольги с Алексеем родной сын.

И что мы имеем? И он, и она знают, что я к ним никаким боком, но не желая травмировать нежную детскую психику, — это у меня-то она именно детская и о-о-чень нежная — уверенные, что я считаю Алексея отцом, дружно делают вид, что так оно и есть. А до кучи и бабушка с дедушкой подыгрывают. И как это может измениться с рождением сына и внука? Задача, однако, с четырьмя неизвестными!

Накануне Нового Года у меня появилась новая «игрушка». Нет, не ноут, и не принтер, и не... не...

Надеюсь, все знают радионяню? Видеоняню? Так вот у меня появилось что- типа радио-видео-няни. А случилось это после довольно неординарного события.

За неделю до Нового Года, двадцать пятого декабря мы с дедом собрались по магазинам. Подарки родным к празднику, да и себе, глядишь, что-то приглянется.

Ну кто из нас не знает состояние после трехчасового блуждания по предпраздничным торговым залам! Обойдя не менее двух десятков магазинчиков и наконец закончив с подарками и сувенирами, мы плюхнулись на свободный диванчик в фойе торгового комплекса. Не хотелось ни-че-го! Только сидеть вот так, не шевелясь, окружив себя десятком пакетов и свертков. Однако, дед оказался повыносливее меня. Через несколько минут он уже отдышался, скинул куртку и, вставая, спросил:

— Маша, попить хочешь?

— Да... водички... — буркнула я.

И тут на меня резко пахнуло знакомым ароматом. Мимо прошел малыш с пакетиком поп-корна. Я помню, с внуком мы постоянно покупали поп-корни готовили его в микроволновке, пытаюсь сквозь темное стекло рассмотреть, насколько раздулся пакет, и отчаянно споря, готов-не-готов, потом наконец доставали горячий надувшийся от собственной важности бумажный пакет, издающий одуряющий запах, пересыпали воздушную массу в миску и усаживались рядышком, поочередно запуская руки за

хрустящими рваными пузырьками. Не сказать, что я любила поп-корн, но его любил внук, а я приобщалась к его любви.

— Подожди! — крикнула я вдогонку уже направившемуся к стойке бара деду. — Купи поп-корна, соленого!

Лишь удивленно подняв брови, он кивнул головой и прошел дальше, а я расплылась по сиденью лужицей, давая отдых натруженным мышцам.

Ну и отключилась мгновенно. Пришла в себя уже на руках, сквозь сон чувствуя какое-то несоответствие, но еще не соображая что не так, спросила не открывая глаз:

— Деда?

Моя «лошадка» слегка дернулась, застыв на пару мгновений, и убыстряясь двинулась дальше.

— Деда! — я возмущенно распахнула глаза и сама замерла в оцепенении. Я на руках не у деда! Передо мной незнакомая чужая физиономия, правда, красивая до чертиков, но чужая!

— Де-да!!!! — завопила я что было сил, начав дергаться и вырываться. Люди волной обтекали нас, неодобрительно покачивая головами, глядя на раскапризничавшуюся малышку, а я орала благим матом, повторяя:

— Деда! Деда! Деда!

И наконец увидела его, расталкивающего людей, осыпавших его бранью, но не обращавшего на это никакого внимания.

— Деда! Я здесь!!! — кричала я.

Мой похититель, почуяв, что ему не удастся убежать в толкучке, спустил меня с рук на пол и бросился в толпу. А я кричала и кричала, звала деда, размазывая слезы. Несмотря на свой огромный опыт, я испугалась, как говорится, до потери сознания. Сознания я, конечно, к моему счастью, не потеряла, но перепугалась так, что сердечко готово было выпорхнуть на свободу.

Уже оказавшись в родных знакомых руках, я еще какое-то время продолжала дергаться и плакать, пока не осознала, что я уже в безопасности. И только посмотрев на деда, поймав его обеспокоенный испуганный взгляд, я замолчала. Мне вдруг стало стыдно, что не смогла взять себя в руки, поддавшись инстинктивному чувству. А дед крепко прижимал меня к себе, пытаюсь прощупать ручки-ножки, гладил по голове и спрашивал, спрашивал..

— Машенька, девочка! Ответь... у тебя все в порядке? Как ты? Не плачь, родная, все прошло. Я с тобой... я никуда тебя не отдам.... Сейчас домой поедем..

Сгорая от стыда, я уткнулась носом в грудь деда, готовая снова разреветься.

— Все хорошо, прости... я испугалась...

— Солнышко мое! Это ты прости! Старый дурак, оставил ребенка! Прости моя хорошая, — приговаривая, он дошел до места, где мы оставили вещи, присел, баюкая меня на руках, боясь выпустить хоть на мгновение. Сквозь одежду я слышала, как бухало его сердце, и опять мне стало до чертиков стыдно за свою истерику. Постаралась, как могла, успокоить его сердечко, а ну как прихватит. Пусть и не старый еще у меня дед, и все же не двадцать лет. Стопроцентно надеяться на свое профилактическое лечение я пока боюсь, кто ж его знает, сколько времени это действует. А вдруг все это времяночка! Вдруг болячки через какое-то время возвращаться начнут!

Вся наша «пробежка заняла отсилы минут пять. Тем не менее, когда мы вернулись, пакетов наших уже значительно ubyло. Не зацкливаясь на разборках и поисках, дед сгреб все, что осталось, подхватил меня на руки и поспешил к машине.

На собранный после данного происшествия семейный консилиум меня не допустили. Полагаю, дед добросовестно описал инцидент, расписав не только то, что случилось, но и то, что могло случиться, не начни я кричать и вырываться из рук похитителя.

После пережитых событий я уснула практически сразу и проспала до самого утра. Проснулась голодная, но вполне пришедшая в себя. Вчерашнее происшествие воспринималось уже не более чем забавное приключение, настроение было отличным и я пустилась на кухню, на поиски пропитания.

Как оказалось, проспала я до самого завтрака. Наше немногочисленное семейство сидело за столом и тихо переговаривалось между собой, не замечая меня. Я быстренько добралась до своего места, дернула Алексея за штанину, тут увидел новое лицо, наклонился и водрузил меня на мое «кресло». Красота! Еда! Дайте же побыстрее! Хочу воон ту сосиску...хочу омлет с беконом...хочу чашечку кофе! Мммм... один аромат чего стоит!

Но увы! Тарелка с кашей — овсянка, плиз! Да и ладно, мне сейчас хоть сырую крупу дай — все вкусным покажется. Деловито уплетаю кашу, не обращая внимания на обращенные на меня встревоженные взгляды. Ну-ну! Что там во мне изменилось за ночь, чтобы так разглядывать! Дайте спокойно поесть.

Уф! Налопалась! До чего же хорошо, когда пузечко круглое! И за фигурой следить не надо. Все калории улетают со скоростью света. Хорошо все же детям, ничто не задерживается. Ну, конечно, если мамы по дурости не вталкивают в дитя еще ложечку, еще две.....

После завтрака компания разделилась. Я с родителями, бабушкой и дедушкой устроилась в уже ставшей родной гостиной в нашем крыле, остальные занялись своими делами. Напряжение, возникшее во время завтрака хоть и поутихло, тем не менее явственно продолжало витать в воздухе.

Мда... надо разряжать обстановку.

— Папа, я знаю, что надо сделать.

Все опять уставились на меня.

Ну да, да! Знаю! А вот вы все почему приуныли! У Алексея под рукой практически весь научно-конструкторский потенциал страны, а они.....

— Пап! Про радионяню слышал?

Алексей недоуменно пожал плечами:

— Да, что-то.... А нам она зачем?

Все примолкли, выжидающе глядя на нас. Тут дед громко кхекнул и хлопнул ладонями по столу:

— Ну мы и балбесы! Младенец и тот догадался! Алешка! Надо сделать какую-нибудь мелкую фиговину, чтобы она всегда была у Маши, и в нее передатчик вмонтировать! А от него....

Я удовлетворенно кивнула головой и улыбнулась деду, показав ему большой палец.

Общество оживилось, тут же посыпались предложения и идеи, «мозговой штурм» в разгаре. Я потихонечку отползла, больше мне здесь делать...ничего. Сами придумают, сами сделают.

Так, буквально через два дня я стала обладательницей миниатюрных сережек-шариков, которые крохотными серебристыми капельками приклеились к мочкам ушей.

Да-да! Этои есть мои видео и радио няни! Я не технарь, и в любом аппарате знаю

только две кнопки-«вкл» и «выкл», поэтому не могу объяснить подробностей, но главное поняла — все, что со мной происходит в звуковом режиме поступает на компьютер, записывается, обрабатывается, передается... А еще при необходимости, я могла, зажав мочку уха вместе с «сережкой», включить ответную связь.

Испытания новой «техники» прошли на «ура». По крайней мере, возили меня по городу, даже далеко в пригороды — работает система отлично. Алексей гарантировал, что теперь я никогда не потеряюсь. Нужно лишь не забывать о зарядке — примерно раз в месяц целенаправленно открывать ушки на солнышке на часок-другой. Ну это мы запросто! Хвостик подвязать не проблема! Это я и сама уже умею.

Как показали последующие события, мы успели вовремя.

Нет большей радости для детей в канун Нового Года, чем елка. Нет — Елка!

Сколько счастья, смеха, улыбок вносит в наш праздник это событие! Выбрать, привезти, установить, и, самое главное — обрядить, украсить!

Я давно забыла это упоительное состояние, это преддверие праздника и чуда! Да и для кого мне было наряжать ее....

Алексей с Ольгой, как два подростка, крутились, бегали, подпрыгивали на стремянку, прилаживая очередную блестяшку. Даже Татьяна с Василием были вовлечены в это нехитрое действо, не говоря уж о Вере и Маргарите.

Само собой, я тоже визжала, прыгала и хлопала в ладоши, бегая от одного к другому и впитывая в себя непередаваемые ощущения приближения чего-то загадочного и неповторимого.

Сказка закончилась мгновенно.

Еще не слыша звонка от охраны ворот, я почувствовала, что праздник закончился, едва-едва начавшись.

Так и не убрав с лица счастливой мальчишеской улыбки Алексей поднял трубку, выражение сменилось легкой досадой и недоумением. Он чмокнул Ольгу в нос и и со словами «я сейчас» быстро вышел из дома, почти бегом направляясь к воротам. Никто не обратил на это внимания, суэта продолжалась, а у меня сердечко ухнуло вниз и замерло.

Когда спустя несколько минут в дом вошел Алексей в сопровождении представительного вида мужчины и среднего возраста дамы с жестким равнодушным взглядом, я уже сидела в уголке необъятного мягкого кресла и едва сдерживала непрошенные слезы. Не знаю, как, откуда, но я чувствовала, что сейчас моя судьба резко вильнула хвостом, и появление этих людей связано именно со мной. Такое вот предчувствие, чтоб его....

На вошедших даже не сразу обратили внимание в продолжающейся суете.

Шутки-возгласы оборвались только после того, как Ольга, обернувшись к двери и увидев окаменевшее лицо Алексея, с тревогой спросила, направляясь к вошедшим:

— Алешенька? Что?

— Оля... Оленька... — Алексей на минуту замолк, так и не сдвинувшись с места. Потом поискал что-то взглядом, увидел меня на кресле, остановился на Вере и распорядился:

— Вера..., будьте добры, организуйте нам кофейку.

Та быстро метнулась на кухню, Татьяна с Василием незаметно ретировались из зала, а мы остались с незваными гостями.

Ольга попыталась сгладить неловкость момента и пригласила всех присесть. Как раз туда, где уже обитала я. Гости и хозяева расселись вокруг небольшого журнального столика,

на котором быстро материализовались кофейные чашки, вазочки с печеньем и прочее. Пару минут, пока Ольга читала бумаги, протянутые ей Алексеем, гости, едва взглянув на меня, пили кофе, демонстративно оглядывая холл с красавицей елкой и рассредоточенными по нему коробками, наполненными новогодними атрибутами.

Я не спускала глаз с моей Оленьки, уже давно ставшей самой близкой на свете. Руки ее, державшие бумагу, начали мелко подрагивать, из глаз покатились слезы, выражение лица стало настолько беспомощным, что и я едва сдерживалась. Я уже знала... Откуда, не спрашивайте, понятия не имею. Но я знала, что сейчас я расстанусь с этим счастливейшим отрезком в моей как нынешней, так и прошлой жизни. А гости продолжали молча прихлебывать кофе. Чувствовалось, что они давно привычны к подобным ситуациям.

— Алешенька! Как же так! Она же отказалась от Машеньки!?! Зачем она ей теперь? — Ольга непонимающе смотрела, переводя взгляд с одного лица на другое, словно пытаясь прочесть там ответ.

— Оля, мы разберемся. Ты не волнуйся... — Алексей повернулся к гостям. — Уважаемые... Виктор Александрович... Надежда Борисовна... Как скоро мы должны передать Машеньку Наталье?

Дама подняла взгляд от чашки и слегка пожала плечами:

— Мы обязаны забрать ребенка немедленно, читайте постановление суда.

Ольга всплеснула руками и охнула:

— Так праздник же!!!! Как же так!!! Она же ждет его! — и словно наткнувшись на стену, обмякла и опустила голову. Алексей выдохнул через стиснутые зубы и попытался еще раз обратиться к представителям юстиции, но Виктор Александрович в предупреждающем жесте поднял руку и негромко произнес:

— Простите, любые переговоры на данный момент бесполезны. Мы обязаны выполнить постановление суда и передать девочку матери.

Надежда Борисовна без тени эмоций согласно кивала головой.

Вот выдержка! Интересно, сколько лет нужно провести на этой работе, чтобы уметь так отстраняться от чужого горя?!

Ольга уже не скрываясь плакала, уткнувшись в плечо Алексея, а тот поглаживал ее по спине и только крепче сжимал зубы.

Мда.... Опять надо вмешаться...

— Мама!! — пискнула я, — пи-пи!!!

Ольга с Алексеем недоуменно уставились на меня. Ну вот, слезы пропали, это хорошо. Но что же вы тупите! Не могу же я при посторонних с вами по человечески разговаривать!!!

— Ох! — встрепенулась первой Ольга, — Машенька! Солнышко мое! Ты в туалет хочешь?

Я кивнула и протянула к ней руки. Ольга вскочила с кресла и схватив меня на руки повернулась в сторону нашего блока. Но тут Виктор Александрович придержал ее за локоть.

— Постойте, гражданочка! Куда вы ребенка понесли?

Ольга с недоумением обернулась.

— Как куда? В туалет, вы же слышали, ребенок попросился!

— Слышали-не-слышали, а ребенка я с вами не могу отпустить. Да вы не обижайтесь, мы не имеем права. А вдруг вы сейчас скроетесь с девочкой?! Или еще какую глупость учудите? Случай разные бывают...

Ольга беспомощно посмотрела на Алексея.

— А что же делать?....

Тот секунду помедлил, но быстро сориентировался.

— Давайте, вы с Надеждой Борисовной пойдете вместе, разберетесь там... вещи необходимые уложите... Это ведь можно? А мы тут с Виктором Александровичем подождем.

Он вопросительно ждал ответа.

— Ну, пожалуй... Конечно, мамаша должна была все приготовить для малышки, но ничего предосудительного не будет, если и вы соберете то, к чему ребенок привык.

Тут я усмехнулась. Не унесешь, дорогой, если я все, к чему привыкла, с собой возьму.

А Виктор Александрович продолжал, судя по всему, он был здесь за старшего.

— Надежда Борисовна, идите с девочкой. Проследите внимательно за сбором вещей. Надеюсь, вам не слишком много времени понадобится.

Та неспешно поднялась и мы двинулись в мою «резиденцию».

По мере возможности, дама осматривалась и удовлетворенно кивала головой, словно вела внутреннюю беседу. Видимо, опыт изъятия детей из различных семей у нее имеется, и мое житье-бытье произвело на нее впечатление. Ну а кто бы остался равнодушных, видя, что для такой «соплюшки» предоставлены и гимнастический зал, и гостиная, и собственная ванная, и бельевая и прочее...

Ольга, заводя ее в гостиную, извиняющимся тоном спросила:

— Вы с нами в туалет, или здесь подождете?

— Конечно, подожду, — смилостивилась Надежда Борисовна.

— Хорошо, присаживайтесь. Кофе? Чай? Впрочем, если угодно, можете похозяйничать, — она махнула рукой в сторону мини-кухни с кофе-машиной и прочими чайно-кофейными атрибутами, и быстро направилась в ванную.

Едва захлопнулась дверь, я, обливаясь в душе слезами, вывернулась из ее рук и постаралась успокоить.

— Мамочка, милая моя нянюшка! Не переживай! Все будет хорошо! Ты ведь теперь всегда будешь и слышать и видеть меня! Это ненадолго, поверь!

Этот шантаж у них не пройдет! Ведь всем ясно, что не нужна я Наталье, тем более своему «папочке»! Только очень прошу, не вздумайте идти на их условия!

Ну что со мной станет за несколько дней? А больше они сами не выдержат. Попробуйте договориться с попечительским советом, что будете меня навещать вместе с ними.

А я им та-а-кое кино устрою!!! Сами рады будут меня вернуть вам!

Только записи, что будут у вас сохранятьте, и наши «беседы» уберите из них.

Ну Наталья!!! Сама напросилась!!!

Потом мы неспешно упаковывали вещи. То есть я подтаскивала очередную тряпочку, а Ольга, ласково ероша мою шевелюру, с грустной улыбкой определяла ее в чемодан.

Понаблюдав за нами, Надежда Борисовна немного оттаяла и задала вопрос:

— Ольга Васильевна, мне кажется, или нет, что вы складываете те вещи, что выбрала девочка?

— Нет, не кажется. Это на самом деле так. Машенька очень развита для своего возраста, мы занимаемся с ней по определенной методике, которая дает необыкновенные результаты. Можете справиться у лечащего врача, все с его дозволения.

У Маши есть любимые вещи, предметы, без которых она себя плохо чувствует. Например, она еще несколько месяцев назад выбрала себе не куклу или плюшевую игрушку,

а айпад. Никуда без него, прямо беда! Но как только он рядом — ребенок паинька! Я советовалась с лечащим врачом, не вредно ли, но вот заключение комиссии, все разрешено, никакого вреда для здоровья малышки нет. Мы даже чехольчик с петелькой купили, чтобы ей удобнее было игрушку за собой таскать.

Опа! Надо же! А я и не знала, что они так о моем здоровье беспокоятся!

Надо же! Заключение комиссии! Ну молодцы! А как кстати Олюшка повернула необходимость присутствия моего айпадика! Вот молодчина! А я тут уже голову сломала, что придумать, чтобы и с собой его взять, и не отобрали! Я покачала головой. Посмотрела прямо в глаза свой попечительнице-мучительнице и послала ей волну доброжелательности и радости. Она немного удивленно посмотрела на меня и слегка улыбнулась, расслабившись и обращаясь к Ольге ответила.

— Замечательная девочка! И дом у вас прекрасный, а уж условия для ребенка выше всяких похвал. Не понимаю, как могло так получиться, что вас не пригласили на разбирательство.

Ну это-то как раз понятно... Неизвестно, чем бы закончилось это разбирательство, если бы нас всех туда пригласили.

А Надежда Дмитриевна продолжила.

— Я не знаю, какие условия созданы для девочки в новой семье, но мы будем наблюдать, пока не убедимся, что с ней все хорошо.

Она задумчиво смотрела на Ольгу, на меня, обнявшую нянюшку за шею и прильнувшую к ее груди.

Нянюшка, ну давай же! Проси!

Ольга, словно услышала меня!

— Надежда Дмитриевна! Дорогая! А можно мы тоже с вами будем посещать Машеньку? Как она там одна в новом доме? Ну хоть иногда? А?

Ольга умоляюще смотрела на женщину, а та в растерянности не знала, что ответить. Видимо, впервые столкнулась с такой просьбой. Наконец, подумав, не стала обнадеживать.

— Не могу вам сейчас ничего обещать. Давайте отложим этот разговор. В любом случае, я вижу, что вы будете бороться за девочку, следовательно, мы еще встретимся. А я подниму вашу просьбу на совете. В случае положительного решения, я вас наберу.

Ну как вы, закончили? — перевела разговор она с неудобной темы. Давайте посмотрим, что тут у нас Маша любит.

И она направилась к чемодану. Я придержала толкнувшуюся за ней Ольгу, пусть проверяет, такая ее работа. А сама пристегнула на всякий случай свой айпадик на запястье и еще для надежности прижала его к груди.

Все. Я готова к Новогодним «приключениям».

Проигнорировав протянутые руки Надежды Дмитриевны, я уцепила Ольгу за рукав и потопала на выход.

Больше книг на сайте - Knigolub.net